

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ
НАСЛЕДСТВО
ФАЭТОНЦЕВ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Повесть «Наследство фаэтонцев» завершает эпопею «Звездоплаватели». Безусловно – это самая сильная книга трехтомника. Она была опубликована в 1960 году уже в составе трилогии и соединила ее в единое целое.

И по сюжету и, главное – по Духу.

Ради нее был изменен текст предыдущей книги, опубликованной ранее. «Фаэтонская» тема была продолжена Г. Мартыновым в романе «Гость из бездны». Однако настроение, созданное в «Звездоплавателях», продолжить автору уже не удалось...

Данная электронная сборка не является копией какого-либо полиграфического издания.

Это компьютерная компиляция текста и различных элементов оформления книги.

2014 г.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1960

Г. МАРТЫНОВ

Наследство фаэтонцев

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПРЕДИСЛОВИЕ

изготовителя электронной книги

О Духе этой повести. Вот читательский отзыв о ней: «Самая лучшая книга из всей трилогии. Лучшая именно своей человечностью. Настырство и любознательность человека в открытии тайны, поведение во время безвыходных, экстремальных ситуаций, безвозмездное стремление помочь попавшим в беду, благородство и щедрость души, возможность понять и простить чужие ошибки. Очень много уделено именно отношениям между людьми, находящимся в необычных условиях.

Хочется верить, что когда современный человек выйдет в космос, он получит такие же щедрые подарки и сможет их понять и не разрушить. Венерианская линия (на мой взгляд) осталась не до конца раскрыта, зато появилось новое. Появилось наследство фаэтонцев. Тут сразу же вспомнился Казанцев со своими «Фаэтами», но на этом общее закончилось, каждый автор пошел своей дорогой. У Мартынова главное это человечество, и безмерная вера в светлое будущее, в умных, благородных, отважных НАС.

Вся трилогия – это гимн космонавтике, тем, кто делает звезды ближе». **Дара** | 2008-11-26

Мне не хочется ничего добавлять к этому. Единственное, может быть – то, что мне всегда хотелось иметь эту книгу отдельным томом. Несмотря на то, что она кажется неотделимой от трилогии. Поэтому, быть может, и не издавались отдельно. Вот я и сделал ее сам. Пощелкал «мышкой», и получилась книжка...

ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

НАСЛЕДСТВО

ФАЭТОНЦЕВ

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ТРУБА

Звездолёт летел к горам. Там, если Константин Евгеньевич Белопольский правильно понял «рисунки» венериан, должно находиться озеро, чем-то интересное для экспедиции. Понять венериан как-то иначе казалось невозможным. Они ясно, и не один раз, указали на это озеро, настойчиво «приглашая» своих гостей посетить его.

Что же находится там? Это выяснится через несколько часов.

Вот, наконец, и горный хребет. Его вершины прячутся в толще облаков.

Корабль поднялся к самым тучам. Отсюда, с высоты полутора километров, легче найти озеро, если оно действительно существует.

– Вот оно! – сказал Белопольский.

Подобно Гокче¹ высоко в горах раскинулось огромное озеро. Почти правильной круглой формы, оно имело километров восемь в диаметре. И как из Гокчи вытекает река Занга, так и из этого озера брала своё начало река Венеры.

Подлетев ближе, звездоплыватели увидели, что на берегу вполне можно посадить корабль. С востока и юга озеро окружал лес, а перед ним были широкие и длинные поляны, поросшие, как казалось сверху, такой же травой жёлто-коричневого цвета, какую они видели у плотины.

– Это очень удачно, – сказал Белопольский, – садиться на воду нежелательно.

Мельников кивнул головой. Второй раз предстояло ему совершить трудный и опасный манёвр посадки громадного корабля на сушу. Он напряжённо всматривался в экран, не выпуская в то же время из поля зрения многочисленные приборы пульта.

– Вон там! – указал Константин Евгеньевич. – Ви-

---

¹ Гокча, или Севан, – озеро в Армянской ССР, расположенное на высоте около 2000 метров над уровнем моря

дишь, где озеро образует небольшой залив. По-моему, подходящее место.

Скорость падала. Корабль всё ближе и ближе подходил к земле.

– Один! – сказал Белопольский.

– «Лапы»!

Секунда... вторая... и звездолёт остановился на новом месте.

Как и в первый раз, посадка прошла с автоматической точностью.

– Что-то ожидает нас здесь? – задумчиво сказал Мельников.

В заливе вода была спокойна, но там, на просторе озера, ветер срывал гребни волн, и они рассыпались белыми клочьями пены, хорошо видными в бинокль. Лес начинался метрах в трёхстах и состоял из каких-то ещё не встречавшихся деревьев, меньших размеров, чем у порогов. Примерно в километре, за ними поднимались крутые склоны гор. Трава на берегу была густой и высокой, в половину роста человека.

Бурное озеро с низко нависшими, над ним тучами производило более дикое и неприветливое впечатление, чем лесное озеро.

– Там было как-то уютнее, – заметил Князев.

Вылазка, произведённая Мельниковым и Коржевским, показала, что почва под густой травой сухая и твёрдая.

– Константин Васильевич, – сказал Белопольский, – приступайте к сборке самолёта. Необходимо обследовать местность сверху.

– Придётся снова строить ангар, – ответил Зайцев. – День, – будут частые грозы.

И будто в подтверждение его слов, мощный грозовой фронт закрыл озеро. Место было высокое, ближе к тучам, и гроза казалась страшнее, чем на равнине.

А за первой грозой последовала вторая, затем третья и четвёртая...

Двое суток звездоплаватели не могли выйти из корабля. Точно все грозовые фронты Венеры собрались здесь.

Наконец, 6 августа наступило относительное прояснение.

Белопольский решил осмотреть лес. В экскурсии приняли участие Коржевский и Второв.

Предположение биолога, что венериане спят днём, судя по всему, было правильным, но всё же решили воспользоваться самым мощным из вездеходов. Сомнения вызывала только кажущаяся густота леса; было неизвестно, есть ли здесь просеки, сможет ли большая машина войти в него.

Вездеход-танк был спущен на берег. Трое звездоплавателей, хорошо вооружённые, заняли в нём свои места. Семеро оставшихся на корабле собрались в радиорубке перед экраном телесвязи.

Местность казалась совершенно не обитаемой, но Венера уже научила их не доверять первому впечатлению.

Высокая жёлто-коричневая трава легко уступала натиску гусениц. Но позади машины она снова выпрямлялась и казалась нетронутой. Словно и не прошёл по

ней тридцатидвухтонный вездеход.

– Снова загадка, снова неизвестное свойство! – говорил Коржевский. – Как богата сюрпризами природа Венеры.

Деревья леса были значительно ниже, чем на равнине, тоньше, и их кора была не столь гладкой. Стволы также соединялись между собой, образуя арки. Но если там ни одна машина не могла войти в чашу, то здесь это было довольно легко. Деревья стояли редко. Между ними всюду лежали груды упавших стволов, росла молодая поросль, и всё это было покрыто бурно разросшейся травой, такой же, как на берегу озера.

Вездеход медленно и осторожно вошёл в лес, подминая под себя, вдавливая в «землю» и ломая всё, что попадалось на пути. Белопольский старался выдерживать прямое направление. Это легко удавалось, промежутки между стволами были раз в пять больше длины машины.

Отошли метров на двести от берега...

И вдруг...

При очередном повороте впереди что-то блеснуло. Ещё раз!.. Ошибиться было невозможно, слишком хорошо знаком этот характерный блеск.

Луч прожектора скользнул по гладкой металлической поверхности!..

Ещё несколько оборотов гусениц – и путь преградила полукруглая стена. Огромная труба уходила в обе стороны, в глубину леса.

Белопольский затормозил.

Трое людей в вездеходе и семеро перед экраном ра-

диорубки не верили глазам. Венериане не могли иметь металлургической промышленности. Всё, что было известно о них, противоречило такому допущению. Уж не сон ли эта невероятная картина?..

Труба, метров четырёх в диаметре, из какого-то незнакомого жёлто-серого металла, отливала тусклым блеском. Металл как будто совсем новый, – он не имел никаких признаков ржавчины.

Не об этом ли говорили рисунки венериан? Не сюда ли, к этой непонятной трубе, приглашали они людей? Не её ли хотели показать?

Что же она такое представляет?..

Когда в заливе кораллового острова нашли деревянную линейку, первое, о чём подумали звездоплаватели, – не посетил ли Венеру космический корабль. Но загадка линейки получила другое, более простое, более естественное объяснение, и прежняя версия была оставлена.

А потом на каменной чаше венериан Белопольский увидел украшения в форме тел простой кубической системы, тех самых, которые были найдены в круглой котловине Арсены. И мысль о космическом корабле возникла снова.

И вот в лесу, у горного озера...

– Мы проехали вдоль всей трубы, – подытожил результаты экскурсии Константин Евгеньевич, – и убедились, что она имеет форму замкнутого кольца. Хотя металл кажется совсем новым, кольцо-труба лежит здесь очень давно. Это с очевидностью доказывают деревья, сросшиеся над ней. Многие растут из-под

трубы, изгибаясь по её поверхности. Можно уверенно сказать, что весь лес вырос после того, как появилась здесь эта труба. Станислав Казимирович считает, что лес имеет за собой тысячи лет. Если бы её сделали венериане, то это означало бы, что тысячи лет назад у них была развитая техника. А если так, то она должна была развиться ещё больше и находиться сейчас в цветущем состоянии. Но этого нет. Вывод – труба сделана не венерианцами. Кем же? Вспомним каменные чаши, вспомним фигуры на Арсене, имеющие с ними какую-то связь. Сомнений быть не может. Мы нашли то, что осталось от космического корабля, в незапамятные времена прилетевшего на Венеру.

– Но почему же?.. – начал Топорков.

– Вы правы, Игорь Дмитриевич! Встаёт ряд загадок. Почему корабль остался на Венере. Что случилось с его экипажем? И самое главное – откуда он прилетел и когда?

– Но если труба, или корабль, как хотите, лежит здесь так давно, почему не видно следов времени? – спросил Второв.

– Это ещё одна загадка. Вероятно потому, что металл совсем особый, неизвестный на Земле.

– Надо проникнуть внутрь, – сказал Мельников.

– Мы не видели ничего, что походило бы на запертую дверь. Поверхность трубы всюду гладкая. Её надо осмотреть с внутренней стороны кольца. Я думаю поручить это тебе, – прибавил Белопольский.

Мельников обрадовался.

– Я сделаю это, – ответил он, – со мной пойдут Вто-

ров и Князев.

– Очень хорошо. Я сам хочу предложить именно их.

– Когда отправляться?

– Чем скорее, тем лучше.

Как всегда, задержала гроза.

Но звездоплаватели настолько привыкли, что не обращали на эту помеху особого внимания.

– В дорогу! – сказал Мельников, как только барометр Топоркова после очередной грозы показал, что воздух очистился.

Под управлением Князева, которому Второв показывал направление, вездеход быстро дошёл до загадочной трубы, вернее, до космического корабля неведомой планеты. Все уже были уверены, что это звездолёт.

Мельников и Второв, захватив с собой раздвижную лестницу, вышли через тамбур. Князев должен был ожидать их возвращения. Если приблизится грозовой фронт, он даст сигнал, и разведчики вернутся в машину до ливня.

Путаясь ногами в высокой траве, Второв установил лестницу, и, один за другим, они поднялись на трубу.

Свет прожекторов, направленных вверх, отражался от листвы и создавал достаточное освещение. С другой стороны был тот же лес. Сверху было хорошо видно, что труба плавно загибается в обе стороны. Диаметр кольца был не меньше двухсот метров.

Второв раньше своего товарища заметил второе кольцо. Оно находилось от первого в пяти-шести метрах и было той же толщины. Может быть, там, в глу-

бине леса, они найдут ещё несколько? Форма космического корабля была, очевидно, совсем необычной.

– Кольца должны соединяться между собой, – сказал Мельников.

Они осторожно пошли вперёд по гладкой и скользкой трубе. Князев, лавируя между деревьями, повёл вездеход вслед за ними, стараясь не отходить далеко.

Соединение обнаружилось очень скоро. Тонкие с виду трубы из того же металла, расположенные в форме ромба, соединяли оба кольца. Сквозь этот ромб поднималось огромное дерево, трёх метров в объёме. Это лишний раз доказывало, как давно находится здесь это странное сооружение.

Шагов через тридцать они увидели второй ромб. И словно нарочно, сквозь него опять-таки выросло дерево. Оно задело в своём росте металл, и ромб был искривлён.

– Такие гиганты, – задумчиво сказал Мельников, – растут сотни и сотни лет.

– Я очень волнуюсь, – признался Второв, – эти трубы... Мы ходим по ним. Кто построил эти кольца? Кто прилетел в них на Венеру? Здесь, под нашими ногами величайшие тайны. Что если внутри всё так же хорошо сохранилось, как снаружи?

– Удастся ли только попасть внутрь?

С корабля сообщили о приближении грозы, и Мельников с Второвым спустились к вездеходу. Но грозовой фронт прошёл стороной. Вопрос, надёжен ли лесной купол, остался по-прежнему открытым.

– Нам надо перебраться за вторую трубу. Иначе мы

ничего не выясним.

– А если гроза?

– Укроемся под трубой. Наши костюмы водонепроницаемы. Это доказано опытом Романова.

Белопольский, которому Мельников сообщил о своём намерении, разрешил поход к центру колец. Прожекторы на шлемах должны дать достаточно света, чтобы ориентироваться в лесу. Лестницу можно носить с собой, – она была очень лёгкой.

И вот началась эта необычайная экскурсия в далёкое прошлое. Впоследствии, когда они снова очутились в привычной обстановке звездолёта, только снимки, сделанные Второвым, служили доказательством, что всё это действительно видели их глаза, настолько странным и необычайным было виденное.

Прежде чем углубиться в лес, Мельников и Второв, неотступно сопровождаемые вездеходом, прошли по всей длине наружной трубы. Подсчёт сделанных шагов подтвердил, что диаметр кольца – ровно двести метров. Вторая труба всё время шла параллельно первой, на одном и том же расстоянии, и прикреплялась к ней через каждые пятнадцать-шестнадцать метров ромбовидными конструкциями. В двух местах, расположенных, очевидно, по диаметру, от наружной трубы отходила другая, прямая и меньшего размера, и, пройдя сквозь внутреннюю трубу, исчезала среди деревьев.

– Там, – Мельников указал рукой к центру колец, – должно быть что-то. Какое-то центральное ядро.

– Я тоже так думаю, – согласился Второв.

Обойдя кольцо, они вернулись немного назад и ос-

тановились у радиальной трубы. Идти к центру лучше всего было прямо по ней. Металлические подошвы их ботинок сильно затрудняли хождение по гладкому металлу, но продираться через бурелом и высокую траву было ещё трудней.

Приказав Князеву не отходить от этого места, Мельников первым спустился по лестнице, которую держал Второв. Потом он помог спуститься товарищу.

Преодолев второе кольцо, они углубились в лес. Свет прожекторов вездехода вскоре померк и перестал освещать путь. Вспыхнули прожекторы на шлемах.

Дорога по трубе оказалась не столь лёгкой, как они думали. Чуть не на каждом шагу путь преграждали стволы деревьев, изогнувшиеся самым причудливым образом. Приходилось перелезать через них с помощью лестницы или спускаться на «землю» и обходить препятствие. Они убедились при этом, что путешествие по «земле» заняло бы очень много времени, – трава была настолько упругой, что каждый шаг стоил больших усилий.

Труба, метров двух с половиной в диаметре, не лежала на «земле», подобно двум кольцевым, а висела в воздухе. Учитывая её длину, они пришли к выводу, что металл исключительной прочности. Об этом же говорил тот факт, что ни одно дерево, выросшее из-под этой трубы, не смяло её, а само изгибалось по поверхности. А ведь раньше они видели, что крепление между кольцами не выдерживали страшного натиска растущего великана.

– И, кроме того, – сказал Мельников, – нельзя забы-

вать, что корабль лежит тут тысячи лет. Ни один земной металл не уцелел бы столько времени.

В пятидесяти метрах от второго кольца они наткнулись на третье. Оно было той же толщины, что и два первых.

– Система концентрических колец, – заметил Второв. – Интересно, что находится в центре?

Деревья стали редеть. Над головой сквозь листву уже можно было увидеть клочок неба.

И вот что-то огромное, казавшееся бесформенным, встало на их пути. Это «что-то», плотно обросшее деревьями, было центром космического корабля.

Форма этого центра была скрыта от глаз, настолько крепко зажал его в своих объятиях лес. Но им обоим показалось, что это не шар и не куб, а что-то другое.

– Константин Евгеньевич! – позвал Мельников.

– Слушаю, – тотчас же ответил Белопольский.

– Мы дошли до центра. Деревья так обступили его, что мы даже формы не можем определить. Но если есть вход внутрь, он должен быть здесь. Надо уничтожить деревья. Придётся вернуться за ультразвуковым аппаратом.

– Пойдите! – сказал вдруг Второв. – Вот, кажется, дверь.

Действительно, сбоку от трубы, в месте, не закрытом деревьями, ясно виднелась тонкая линия, образующая собой правильный пятиугольник.

– Правда, похоже на дверь! – сказал Мельников. – И она должна открываться снаружи.

– Ни видно ни кнопок, ни замка.

– Должны быть! Если, конечно, это дверь, а не что-нибудь другое.

– Очень похоже на дверь.

Пятиугольник находился на уровне центра трубы, и рассматривать его приходилось низко нагнувшись.

Мельников и Второв спустились на «землю». Но теперь предполагаемая дверь оказалась над головой.

– Приставь лестницу!

Луч света упал на металлическую поверхность, и прямо перед собой Мельников внезапно увидел какие-то выступы.

Их было три. Средний имел форму пятиугольника, два боковых – квадрата.

– Это безусловно механизм двери! – взволнованно сказал Второв.

– Да, по-видимому, – сдерживая себя, ответил Мельников, – попробуем разобраться.

– Борис Николаевич, – раздался голос Белопольского, – соблюдайте крайнюю осторожность. Мы не знаем, что произойдёт, если вы дотронетесь до механизма. Что он собой представляет?

Мельников рассказал.

– По-моему, – закончил он, – ничего не может произойти, кроме того, что дверь, возможно, откроется. Но шансов на это мало. Скорей всего, механизм давно не работает. Пожалуй, будет лучше, если один из нас отойдёт подальше.

– Я очень прошу вас, – умоляюще сказал Второв, – доверьте это мне.

Мельников видел, что молодой инженер даже по-

бледнел от волнения. Отказ глубоко заденет его.

– Хорошо, разбирайся ты. Когда кончишь, позовёшь меня.

Он поднялся на трубу и, не оглядываясь, скрылся за деревьями.

В ЛОВУШКЕ

Оставшись один, Второв внимательно осмотрел выступы. Они казались вылитыми на металле корпуса, но если это был механизм, они должны поддаваться нажиму или поворачиваться.

«Но, может быть, – подумал он, – время испортило механизм и все усилия будут напрасными».

Ему страстно хотелось добиться успеха, особенно после того, как он взялся за это дело вместо Мельникова.

«Стыдно будет, если не догадаюсь. Сочтут хвастуном».

Странная форма космического корабля была чужда человеку Земли, но это было создание рук существ, близких ему по своему умственному развитию. Второв был убеждён, что человеку доступны их мысли.

– Будем рассуждать так, как будто это сделано на Земле, – громко сказал он.

– Правильно! – ответил невидимый Мельников. – Спокойно, Геннадий!

Второв осторожно взялся за средний пятиугольник. Сперва он попробовал нажать на него – выступ не поддался. Тогда он сделал попытку повернуть, – что-то

дрогнуло под его пальцами. Второв нажал сильнее, послышался тягучий скрип.

«Ага! Пятиугольник поворачивается! Поставим его на место и возьмёмся за квадраты».

Квадратные выступы повернуть не удалось. Но, когда Второв со всей силы нажал на них, они поддались.

– Средний выступ поворачивается, – сказал он, – а крайние действуют по принципу кнопки.

– Десятки возможных комбинаций! – заметил Мельников.

– Вы сами решили рассуждать так, как будто это сделано на Земле, – вмешался Зайцев. – Путь правильный! Мы не запираем входы на звездолёт на манер несгораемых сейфов. Вряд ли и они это сделали. Ищите простое решение.

Второв стал нажимать на квадраты, то на один, то на оба сразу, поворачивая пятиугольник в разные стороны. Тщетно! Дверь и не думала открываться. От времени или потому, что так они были сделаны, выступы поддавались с большим трудом. Второву приходилось пускать в ход всю свою недюжинную силу.

– Ничего не выходит! – сказал он, тяжело дыша.

– Отдохните. А мы пока подумаем, – посоветовал Белопольский.

Второв слышал, как члены экипажа обменивались мнениями. В обсуждении принимали участие Мельников и Князев.

– Как расположен средний выступ? – спросил Зайцев.

– Это правильный пятиугольник.

– Я спрашиваю, как он расположен относительно

пятиугольника двери?

– Постойте! – воскликнул Второв. – Да, действительно! – прибавил он, внимательно взглядевшись в тонкую линию над своей головой. – Они расположены несимметрично.

– Попробуйте поставить их в симметричное положение.

Оказалось, что средний выступ можно было повернуть на сто восемьдесят градусов.

Как только маленький пятиугольник совпал по положению с большим, раздался негромкий звук, точно упало что-то металлическое.

Второв отскочил назад.

Но ничего не случилось. Дверь оставалась в прежнем положении.

С сильно бьющимся сердцем инженер протянул руки к квадратам. Он почему-то был уверен, что на этот раз его ждёт удача. Металлический звук доказывал, что механизм работал.

Изо всей силы он нажал на оба выступа.

Над ним что-то мелькнуло. Второв инстинктивно пригнулся к «земле».

Полная тишина...

Он поднял голову.

Двери не было!

На месте металлического пятиугольника он увидел что-то бледно-голубое, казавшееся прозрачным. Точно газовая плёнка заменила металл.

Мельников, Князев и все, кто находился на звездолёте, услышали отчаянный, как им показалось, крик

Второва:

– Свет! Свет!

Теперь он видел! Видел ясно!..

Это «что-то» не было плёнкой голубого газа! Перед ним находилось пятиугольное отверстие, из которого откуда-то из недр космического корабля исходил слабый, но несомненный свет. Тусклые блики его легли на стволы деревьев, на металлическую поверхность трубы!..

Свет!.. Что же это?.. Разве может какой бы то ни было искусственный источник света просуществовать тысячи лет?..

Второв стоял и смотрел, не отвечая на градом сыпавшиеся на него вопросы товарищей.

Он пришёл в себя, почувствовав прикосновение к плечу. Рядом был Мельников.

Борис Николаевич, не отрываясь, смотрел вверх на таинственный и непонятный свет, бессознательно сжимая всё сильнее плечо Второва.

– Что это? – прошептал он. – Откуда?

– Не знаю, – машинально ответил Второв.

– Неужели не знаете? – послышался насмешливый голос Пайчадзе. – Скажите хотя бы, что вы видите.

– Свет!

– И что же?

Мельников перевёл дыхание и рассказал о непонятном явлении. Долго никто не отвечал ему. Наконец они услышали, как Белопольский произнёс:

– Несомненно...

И снова молчание.

– Ну что ж! – сказал Мельников. – Дверь открыта. Войдём!

Всего можно было ожидать, самого неожиданного, самого внезапного на давно «умершем» корабле с неведомой планеты, но только не света – спутника жизни! Это было более чем непонятно, – это походило на чудо!

– Войдём, – повторил Мельников, но в его голосе не слышно было обычной решительности.

Второв молча приставил лестницу.

Он видел, что Мельников – образец хладнокровия, мужества и воли, человек, по общему мнению, без нервов – колеблется и словно не может решиться поставить ногу на ступеньку. И молодой инженер внезапно осознал, что никакие силы не смогли бы заставить его самого первым подняться по лестнице.

Живое существо, будь оно самым чудовищным порождением фантазии, не заставило бы его отступить. Но этот «сверхъестественный» свет лишал его всякой власти над собой, сковывал мозг непреодолимым чувством страха.

Прошла минута...

– Войдём! – в третий раз сказал Мельников и быстро поднялся к двери.

Его согнутая фигура скрылась в отверстии, и тотчас же раздался его голос:

– Идите скорее!

Страх как-то сразу исчез. Второв поднялся за своим командиром. Отверстие было слишком мало для его роста, и пришлось согнуться чуть ли не вдвое.

Мельников стоял у самой двери.

Второв выпрямился, взглянул и почувствовал, как у него закружилась голова.

Что это было?.. Куда попали из тёмного леса Венеры два человека Земли?..

Казалось, тут не было ни пола, ни стен, ни потолка. Всюду что-то неопределённое, не имеющее ясных очертаний, расплывчатое и... живое. Со всех сторон их окружало нечто, непрерывно меняющее свой цвет, переливаясь и сверкая всеми оттенками радуги, как будто отражаясь друг в друге и создавая дикий хаос красок.

И везде – наверху, внизу, по сторонам – шевелились причудливые разноцветные фигуры... людей – изломанные, исковерканные подобия человека, в невысказанных позах.

Мельников поднял руку, словно защищаясь от этого зрелища, и тотчас же вся толпа призраков повторила его движение.

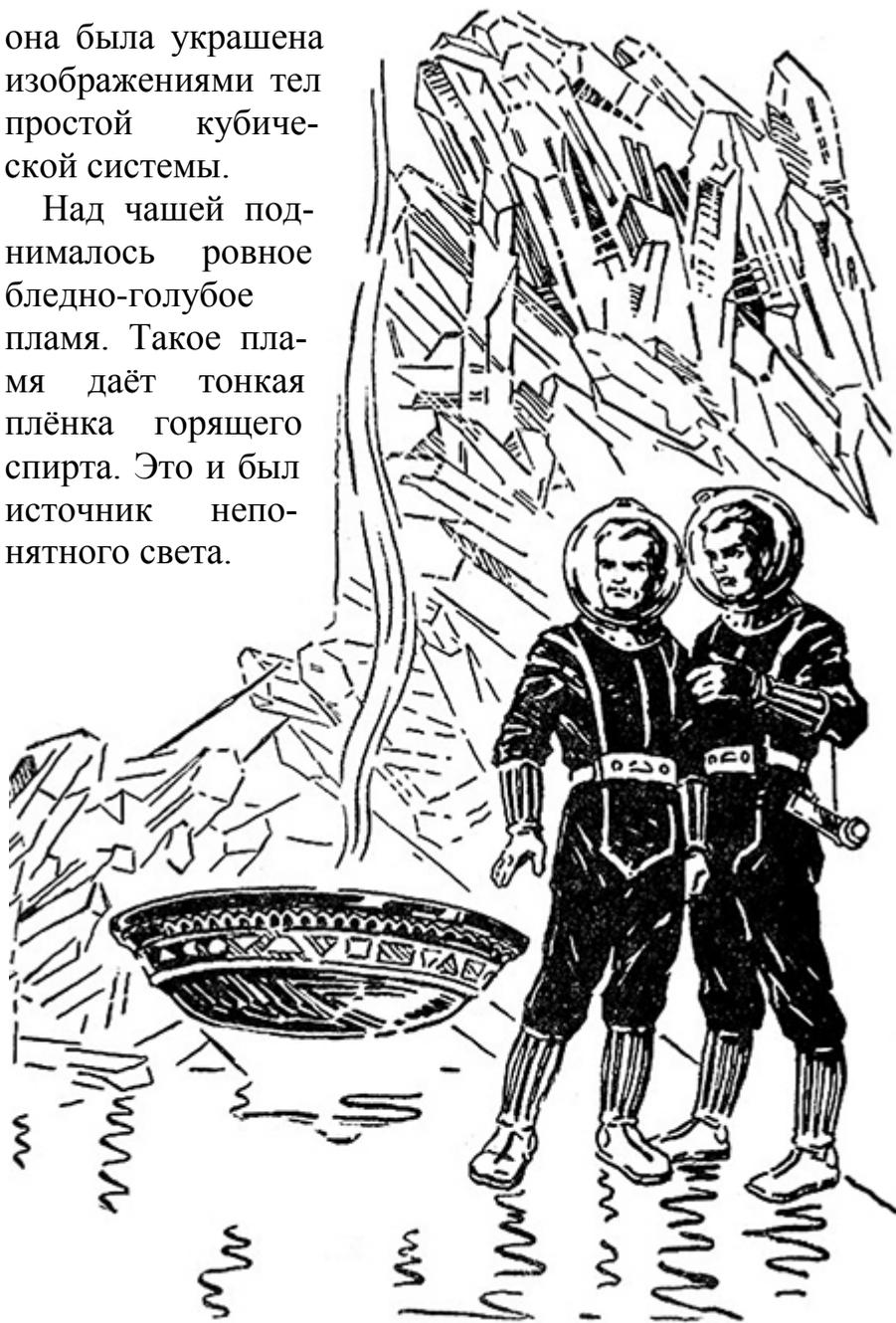
– Это наши собственные отражения, – тихо и с видимым облегчением сказал он.

Очевидно, стены, потолок и пол были зеркальны. Каждое движение его и Второва вызывало ответное движение, бесчисленное количество раз повторяющееся всюду, куда бы они ни посмотрели. Но почему эти отражения так изломаны, исковерканы?..

На середине, а может быть, и у стены (они потеряли чувство перспективы и расстояния), непонятно на чём стояла каменная чаша – единственный реальный и неподвижный предмет в этом помещении, – чаша точно такая же, какую видел Второв и какая разбилась тогда на лесной просеке. По краям – они рассмотрели это –

она была украшена изображениями тел простой кубической системы.

Над чашей поднималось ровное бледно-голубое пламя. Такое пламя даёт тонкая плёнка горящего спирта. Это и был источник непонятного света.

– Константин Евгеньевич! – сказал Мельников так тихо, что его вряд ли могли услышать.

Но на звездолёте были мощные приёмники.

– Я слушаю тебя! – ответил Белопольский.

– Каменная чаша!

– Я ожидал этого.

– Но в ней горит огонь!

– В этом нет ничего невероятного. Время должно было изгладить из памяти венериан искусственное пламя. Их чаши, очевидно, погасли совсем недавно. Относительно недавно, конечно. Но расскажите нам, что вы видите?

Спокойный голос Белопольского окончательно привёл в себя обоих разведчиков. Перед ними была химическая загадка – не больше. Тайну «вечного» огня раскроет наука.

– Рассказать! Это не так просто! – ответил Мельников. – Лучше потом, когда вернёмся.

– Тогда мы сможем иллюстрировать наш рассказ фотоснимками, – прибавил Второв, вспомнив только сейчас о фотоаппарате.

Они уже спокойно и более внимательно осмотрелись.

Перекрещивающиеся отражения всё время меняющих свой цвет стен, пола и потолка мешали им, но постепенно они как-то привыкли. И тогда смогли рассмотреть помещение.

Оно оказалось, если не считать пола, круглым, из странной формы остроугольных граней, переплетающихся в непривычном узоре. Пол был ровным и как будто стеклянным. Чаша стояла словно на середине, но

на чём она держалась, никак не удавалось рассмотреть.

– Подойдём ближе, – нерешительно предложил Мельников.

– Пожалуй, – ещё более робко согласился Второв.

Но ни один из них не двинулся с места. Мельников что-то обдумывал, а его товарищ не решался первым отойти от двери.

Второв слышал, как Мельников пробормотал что-то насчёт металлических стен.

– Константин Евгеньевич! – сказал он громко. – Здесь нет никаких дверей внутрь корабля. Но, может быть, мы их найдём. Стены звездолёта как будто металлические. Радиосвязь может прерваться. Если это случится – не беспокойтесь!

– Постараемся, – ответил за Белопольского Пайчадзе. – Но ручаться за успех не можем.

– Осторожнее, – сказал Константин Евгеньевич.

Мельников и Второв отошли от стены. Но едва они сделали первый шаг, позади послышался негромкий звук – точно упало что-то металлическое.

Оба испуганно обернулись. Двери не было! Там, где только что находился тёмный пятиугольник, сквозь который виднелся лес Венеры, разноцветно блестели остроугольные грани.

Всё слилось неразлично!

Где выход – неизвестно!..

Второв бросился на стену и больно ударился о какой-то выступ. Это привело его к осознанию действительности.

Заперты!..

– Кто закрыл дверь?

– Конечно никто, – ответил Мельников, – она закрылась сама. Прошли тысячи лет, но механизмы работают исправно, как этот огонь в чаше.

– Как же мы выйдем?

– Не знаю. Может быть, совсем не выйдем. Я сам предупредил, что связь может прерваться.

– Звездолёт! – позвал Второв.

Никакого ответа не последовало.

– Эти стены из какого-то металла, – сказал Мельников. – Нас не могут услышать. Пока что мы отрезаны от внешнего мира.

Второву пора было привыкнуть к хладнокровию своего спутника.

– Что же делать? – спросил он.

– То, что хотели. Осматривать корабль. Вот только ни одной двери не...

Он запнулся на полуслове, изумлённо глядя на стену: совсем, близко, как будто рядом с исчезнувшим входом, что-то странное и непонятное происходило с разноцветными гранями. Они стали быстро тускнеть, терять очертания. Обозначился пятиугольный контур, резко выделявшийся на стене. Вот уже внутри этого контура почти не видно граней – они исчезают, тают на глазах, превращаясь в пустоту. Ещё момент, и перед ними оказалось пятиугольное отверстие.

– Вот и дверь! – сказал Мельников.

В первый раз Второв услышал дрожь в его голосе.

– Куда девалась стена?

– Кто может ответить на такой вопрос. Факт тот, что

перед нами дверь внутрь корабля. Она открылась автоматически, как только закрылась наружная.

Наклонившись, они заглянули в отверстие. За ним находилась радиальная труба. Голубое пламя, горящее в чаше, отражалось на её стенках длинными светлыми полосами. Противоположный конец трубы скрывался во мраке.

– Наружная дверь закрылась, как только мы от неё отошли, – сказал Второв.

– Да, одному из нас следовало остаться на пороге. Здесь автоматика иная, чем у нас. Она видит и действует самостоятельно. И самое поразительное, – она сохранилась в полной исправности. Этот корабль многому научит нас.

– Мы сумели открыть дверь снаружи, – сказал Второв. – Неужели не сумеем сделать это изнутри?

– Если не мы, то наши товарищи откроют её. Они знают, где мы находимся. Это шанс на спасение.

– Перерыв связи заставит их поторопиться на помощь.

– Вряд ли! Мы предупредили, что радиосвязь может прерваться. – Мельников внимательно посмотрел на Второва. – Неужели ты боишься, Геннадий?

Молодой инженер покраснел.

– Не знаю, – откровенно ответил он. – Я не боялся, когда мы с вами сидели в кабине разломанного самолёта. Но здесь... кажется, боюсь.

– Непонятное должно вызывать страх, – задумчиво сказал Мельников. – Это верно! Однако, – прибавил он обычным тоном, – не будем терять времени.

Они подошли к каменной чаше.

Даже вблизи не видно было, на чём она стояла. Но не могла же чаша висеть в воздухе без всякой опоры. Второв попробовал провести рукой под чашей. Его пальцы коснулись чего-то твёрдого, и он нервно отдёнул руку. Мельников осторожно ошупал невидимую опору. Чаша стояла на чём-то, имевшем кубическую форму. Но это «что-то» было абсолютно невидимо, – непонятным образом застывший воздух.

Они тщательно обследовали всё помещение, имевшее в диаметре метров шесть. Только ощупью можно было определить его размеры. Перекрещивающиеся отражения уничтожали видимость расстояний. Толпа фантастических призраков – десятки Мельниковых и Второвых – в неестественных позах, прямо, боком и вверх ногами, при каждом их движении причудливо переплетались со всех сторон, извиваясь в какой-то дикой пляске.

Второв старался не смотреть, но они отовсюду «лезли» в глаза.

– Надо уйти отсюда, – сказал он наконец, – у меня кружится голова.

Ничего, что хотя бы отдалённо указывало на механизм двери, они не нашли.

– Вероятно, он находится на центральном пульте управления, – сказал Мельников. – Здесь должен быть какой-то пульт. Да, – ответил он Второву, – надо уйти, у меня тоже кружится голова. Но я опасаясь, что и эта дверь закроется, как только мы войдём в трубу. Логически должно быть так.

– Давайте я войду один, а вы останетесь здесь.

– А что из этого толку? Нет, лучше вместе.

Они стояли перед загадочной дверью, не решаясь войти. Здесь, в центре, было, конечно, безопаснее. Белопольский, спустя некоторое время, поймёт, что разведчики попали в какую-то ловушку, и пришлёт помощь. Как открывается наружная дверь, на звездолёте знают. Но если они, войдут внутрь корабля, то рискуют остаться там навсегда, – было совершенно неизвестно, удастся ли найти способ выбраться.

«Что же делать? – думал Мельников. – Как поступить? Остаться здесь и ожидать товарищей? Но ведь всё равно когда-нибудь придётся пройти внутрь».

Будь он один, он не колебался бы ни минуты. Но Второв! Ответственность за него лежала на Мельникове.

«Эх, была не была! В крайнем случае, они сумеют прорезать стенку трубы или даже взорвать её».

– На всякий случай, оставим записку, – сказал он. Кратко, но достаточно подробно описав всё, что с ними произошло, Мельников положил записную книжку возле чаши на невидимый постамент. Книжка казалась висящей в воздухе, и её нельзя было не заметить сразу.

– Ну, теперь идём!

Пятиугольное отверстие было той же величины, что и наружная дверь. Неизвестные звездоплыватели, очевидно, были небольшого роста. Мельников, нагнувшись, перешагнул порог. Второв последовал за ним.

Они остановились сразу за дверью, тревожно наблюдая за ней. Закроется или нет?.. Дверь закрылась.

Они увидели, как отверстие затянулось точно прозрачной газовой плёнкой, сперва чуть заметной, но затем быстро густевшей. Потом, как-то сразу, резким скачком, только что бывшее перед ними отверстие исчезло. На его месте блестела гладкая, по-видимому металлическая, стена.

Это было так странно, так необъяснимо, что несколько минут оба звездоплавателя смотрели на чудесную стену, не будучи в состоянии сказать хоть одно слово. Они задыхались от волнения.

Только что на их глазах произошло явление, совершенно неизвестное земной науке. Пустота, сквозь которую они свободно прошли, превратилась в металл! Высшей наукой – непонятной, загадочной – повеяло на них от этого феномена, который, несомненно, являлся только применением ещё неизвестных им законов природы.

– С этой стороны почему-то нет граней, – сказал наконец Мельников.

– А вам не кажется странным, что мы её видим? – спросил вдруг Второв.

– Кого?

– Стену. Здесь должно быть совсем темно.

«В самом деле», – подумал Мельников.

Лампы на шлемах они потушили, когда вошли внутрь корабля. Голубой огонь чаши остался за дверью. Но стена была видна. Больше того, они видели свои тени, шевелившиеся на ней. Значит, за спиной свет!

Мельников обернулся и вскрикнул. В его голосе были радость и удивление.

ИЗ ГЛУБИН ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Труба, которую они видели из-за двери, идущей в тёмную даль, оканчивалась в трёх шагах. Смутно виднелись деревья леса. Свет был светом дня, очевидно не таким слабым, как им казалось в самом лесу. Этот свет был достаточным, чтобы видеть внутри короткого отрезка трубы, непонятным образом заменившего целую трубу. Этот свет создавал тени.

– Выход! – радостно вскричал Второв.

– Нет, – сказал Мельников. – Это не выход. Смотри внимательней.

И Второв увидел...

Неясная масса деревьев была по сторонам и сверху, но прямо впереди её не было. Тёмная пустота уходила вглубь леса. Видимая труба оканчивалась в трёх шагах, а дальше продолжалась труба, ставшая невидимой, какой-то призрак трубы, о существовании которой можно было лишь догадываться.

И всё же это была та самая труба, по которой они пришли сюда. Только она стала по неизвестной причине абсолютно прозрачной, как пьедестал, на котором стояла чаша.

Мельников подошёл к «краю». Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы шагнуть дальше. Под ногами он различал траву, казалось, что идти некуда, оставалось только прыгать вниз.

Но металлическая подошва его ботинка ступила на гладкий пол. Рука ощущала полукруглую стенку. Труба была тут, твёрдая, как и раньше. И невидимая!..

Они шли в полутора метрах над «землёй», как будто по воздуху. Ноги не слушались, и на каждом шагу они спотыкались, хотя пол был ровным. Ходить, не видя, по чему идёшь, было не так просто.

– Если бы кто-нибудь мог на нас посмотреть? – сказал Второв. – Странное зрелище! Два человека идут по воздуху.

– Если труба прозрачна снаружи.

– А разве может быть иначе?

– Всё возможно.

Мельников включил лампу на шлеме.

Луч света лёг на металлическую стенку трубы. Они видели характерные блики, создаваемые светом на поверхности гладкого металла. Но одновременно они видели, и то, что находилось за трубой.

Это противоречие производило ошеломляющее впечатление.

Как раз в этом месте, вплотную к трубе, росло дерево. До того, как зажётся свет, его было плохо видно, – чёрный контур ствола. Но и теперь дерево осталось таким же тёмным, хотя находилось в метре от их глаз и на него должен был падать луч света.

– Вот доказательство, – сказал Мельников. – Металл трубы прозрачен односторонне. Внешний свет проходит свободно, но внутренний не может пройти. Снаружи нас никто не смог бы увидеть.

– Из этого материала мы будем строить стены домов, – сказал Второв, – когда узнаем, что это такое. Представляете себе, сколько света будет в таких домах, а снаружи ничего не видно.

– Ты начинаешь фантазировать, Геннадий!

– Раз мы попали в сказку из «Тысячи и одной ночи»...

– Где-то здесь, – сказал Мельников, – должно быть внутреннее кольцо.

– Да, оно недалеко. Половину трубы мы, безусловно, прошли.

Они знали, какую форму имел этот странный корабль. В центре находилось шестиметровое ядро. Его окружали три трубы-кольца, одно в пятидесяти метрах, а два других, близко расположенных друг к другу, в ста метрах. Центр и кольца соединялись прямой трубой. Первое внутреннее кольцо должно было вот-вот показаться.

«Если оно куда-нибудь не исчезло», – подумал Второв.

Но кольцо оказалось на своём месте. Через несколько шагов они увидели его сквозь стенку трубы.

И так же, как вначале у ядра, так и теперь, в трёх шагах от кольца, труба перестала быть прозрачной. Но ничего не преградило путь. Там дальше опять виднелись прозрачные стенки.

Радиальная труба проходила через внутреннее кольцо насквозь.

– Тут должен быть вход.

Лучи прожекторов освещали гладкие стойки. Никакого намёка на скрытую дверь, никаких выступов, никаких признаков механизма.

И снова проявилась непонятная и пугающая в своей таинственности техника космического корабля неведомой планеты. Словно кто-то разумный и внима-

тельный наблюдал за ними, стерёг каждый их шаг.

– Тут должен быть вход, – сказал Мельников, протягивая руку к стене. И в ответ на это движение они увидели, что вход действительно существует.

Часть металлической стены резко изменила свой вид. Сразу потускнели на ней блики света. Обозначился пятиугольный контур. Металл быстро «таял», превращаясь в пустоту. словно обрадовавшись, лучи прожекторов рванулись вперёд, внутрь кольца. Сверкнули какие-то длинные цилиндры – красные, зелёные, жёлтые. От двери в глубину шла узкая, как будто стеклянная, дорожка – странный, почти невидимый мостик.

Куда он вёл? Что находится там, в тёмной неизвестности?..

Второв внезапно схватил руку Мельникова.

– Смотрите! – воскликнул он, указывая назад.

Это было новым доказательством «разумности» автоматики, управлявшей дверями и стенками космического корабля.

Прозрачная труба, по которой они только что прошли, не видя её, превратилась в металлическую, потеряла прозрачность. Исчез лес Венеры. Плотную мглу рассеивал только свет их прожекторов.

И там, по ту сторону кольца, невидимая труба превратилась в видимую.

– Какая-то чертовщина! – сказал Второв.

– Стенки трубы становятся прозрачными, когда в ней кто-нибудь находится, – задумчиво произнёс Мельников. – Двери открываются, когда к ним кто-нибудь подходит. Соединение техники телевидения с автома-

тикой «мыслящих» машин вполне может справиться с такой задачей. Лет пятьдесят тому назад это могло показаться «чертовщиной», но сейчас...

– Этак мы можем, сами того не подозревая, пустить в ход двигателя корабля.

Мельников вздрогнул:

– Ты прав, Геннадий! Надо быть очень осторожными. Попробуй пойти обратно к центру. А я останусь здесь. Увидим, что произойдет.

Произошло то, чего и ждал Мельников. Едва Второв сделал три шага в сторону центра и вышел за края кольца, стенки трубы опять стали прозрачны. Это случилось почти мгновенно. Было ясно, что тысячелетняя автоматика работает с поразительной точностью, реагируя на каждое движение.

Создавалась грозная опасность.

Кто были хозяева этого корабля? Каков был их умственный уровень? Не приходилось сомневаться, что неизвестные звездоплыватели стояли на очень высокой ступени развития. Но, может быть, эта ступень была слишком высокой? Может быть, человек Земли не в силах понять то, что для них было просто и естественно?

Малейшая неосторожность могла привести к совершенно непредвиденным последствиям. Ни Мельников, ни Второв не имели никакого представления о принципах работы автоматики корабля, они блуждали по нему «с завязанными глазами». Точно в таком же положении мог оказаться человек, не имевший специальных знаний, очутившийся в полном одиночестве на

пульте управления современной атомной электростанции и вздумавший наугад поворачивать ручки и нажимать непонятные ему кнопки.

Второв вернулся обратно. Как и следовало ожидать, труба снова потеряла прозрачность.

Они стояли перед пятиугольной дверью, не решаясь пройти туда, где казавшийся хрупким «стеклянный» мостик уходил вдаль, окружённый разноцветными цилиндрами неизвестного назначения.

– Может быть, благоразумнее вернуться? – спросил Второв.

– Дверь в центр закрыта.

– Она, вероятно, откроется, когда мы к ней подойдём.

– Это вполне возможно. Но раз мы рискнули прийти сюда – пойдём дальше. Только не надо делать никаких жестов и ни до чего не дотрагиваться.

«Разве не может быть так, что на этом корабле всё приводится в действие автоматикой, реагирующей на жесты? – думал Мельников. – Двери, прозрачность стен, двигатели. А может быть, и ещё что-нибудь, о чём мы даже не подозреваем? Мы не знаем, какие жесты могли делать существа, о внешнем облике которых ничего не известно. Я протянул руку к стене – и открылась дверь. Это произошло здесь. Но может быть в другом месте движение моей руки приведёт к пуску двигателей, и корабль вдруг поднимется. Никакие деревья, как бы крепко они ни срослись друг с другом, не удержат звездолёт и будут сорваны, как бумажные. Мы рискуем улететь с Венеры, не умея управлять кораблём».

Но, думая так, Мельников внешне спокойно ступил на мостик.

Казавшийся стеклянным, он заметно прогнулся, когда Второв вслед за Мельниковым ступил на него. Не было никаких перил. Узкая, не шире тридцати сантиметров прозрачная полоска висела в воздухе примерно на середине кольцевой трубы. На чём она держалась, было неизвестно – как будто ни на чём.

– Вернись, – отрывисто сказал Мельников, каждую секунду ожидая, что мостик сломается.

– Некуда, – ответил Второв.

Действительно, дверь позади них уже закрылась. Круглая стена казалась сплошной – никаких следов пятиугольного отверстия.

– Протяни к ней руку!

Второв повиновался. Но жест, который с той стороны привёл к появлению двери, на этот раз не оказал никакого действия.

– Стой на месте!

Мельников осторожно сделал шаг вперёд.

И вдруг... Неяркий, странно голубой свет озарил внутренность трубы. Источника света не было видно. Казалось, что воздух внезапно получил способность светиться.

Мельников замер. Второв боялся дышать. Оба стояли неподвижно, как статуи.

Голубой свет физически ощутимо обволакивал их со всех сторон, как лёгкая дымка тумана. Они не видели ни одной тени. Свет не имел направления, он был повсюду, в самом воздухе. Таинственные цилиндры странно из-

менили свой цвет: красные стали фиолетовыми, жёлтые – зелёными, а те, которые раньше были бледно-зелёными, теперь стали бирюзовыми. Мостик совсем исчез из глаз, словно растворившись в светящемся воздухе.

И вот они почувствовали едва уловимый незнакомый им запах. Воздух космического корабля проходил через фильтры противогазов и, смешиваясь с земным кислородом, проникал в лёгкие.

Мысль о возможном отравлении этим чужим воздухом заставила обоих звездоплывателей вздрогнуть. Это не был воздух Венеры, – они не слышали раньше этого запаха, – это был воздух какой-то другой планеты. Было вполне возможно, что он смертелен для человека Земли.

«Бежать!» – подумал Второв.

Но бежать было некуда. Выход был отрезан сомкнувшейся за ними стеной. Как открыть его, как заставить пятиугольное отверстие появиться снова, они не знали.

Кругом лежали загадочные цилиндры, длинные, окрашенные в различные цвета. Между ними, неизвестно как державшаяся в воздухе, проходила узкая дорожка, которую почти невозможно было увидеть, – в голубом свете она стала какой-то нереальной. Метрах в сорока впереди дорожка исчезала за поворотом, плавно загибаясь влево вместе со всей трубой.

Мельников машинально потушил лампу на шлеме. Симптомы отравления не появлялись, но если бы они даже и появились, отступать было некуда.

– Будь что будет, – сказал он. – Вперёд, Геннадий!

Он пошёл по дорожке, балансируя плечами, чтобы сохранить равновесие на почти невидимом пути. Пошевелить руками он не решался. Второв пропустил его вперёд на десять шагов и, в свою очередь, отошёл от стены.

Мостик упруго сгибался под их тяжестью. Его прозрачный материал был, очевидно, прочен, хотя и не рассчитан на земного человека. Неизвестные звездоплаватели, если судить по дверям, были маленького роста и, вероятно, весили немного.

Сразу за поворотом они увидели, что трубу снова перегораживает круглая стена. От первой её отделяло метров шестьдесят.

– Похоже, что труба разделена на пять отсеков, – сказал Мельников, – так и должно быть на космическом корабле.

– Похоже, что мы заперты здесь с двух сторон, – ответил Второв.

– Посмотрим!

Но, ещё не дойдя до стены, они поняли, что опасения напрасны. Невидимый глаз зорко следил за ними. Отсутствующие хозяева корабля гостеприимно принимали не званых гостей – людей другой планеты.

Загадочная автоматика снова начала свою работу. На стене резко выступил уже знакомый пятиугольный контур. Быстро потускнел блестящий металл, «растворился», «растаял» и исчез. Открылось взору тёмное, без света, помещение – второй отсек кольцевой трубы.

Но только Мельников, шедший впереди, перешагнул порог, повторилось прежнее явление – голубым светом

вспыхнул воздух. А там позади, в оставленном ими помещении, воздух «погас». Дверь за Второвым сразу закрылась.

Второй отсек был точным повторением первого. Так же шла ни к чему не прикреплённая «стеклянная» дорожка, такие же цилиндры лежали кругом. Всё было точно таким же.

– Вероятно, это машинные залы, – сказал Мельников, – возможно, что всё внутреннее кольцо занято механизмами.

– Пойдём назад?

– А как открыть двери? Нет, лучше обойти всю трубу. Может быть, по ней можно ходить только в одном направлении.

Через шестьдесят метров перед ними снова встала глухая стена. Подходя к ней, они были уверены, что и на этот раз откроется дверь. Но отверстие не появлялось. Мельников попробовал протянуть руку. Никакого действия.

– Что случилось? – недоуменно сказал он. – Или автомат испортился?

– Пойдём назад.

– По ведь и там дверь закрыта.

Они стояли, не зная, что предпринять. Дверь в радиальную трубу не открывалась, – они уже пробовали её открыть. А здесь, казалось, и не было никакой двери.

Глубокая тишина окружала их. Светящийся туман беззвучно и мягко обволакивал разноцветные цилиндры и двух людей, беспомощно стоявших на узкой полоске прозрачного «стекла». Что-то неумолимо приближа-

лось, как возмездие за их дерзкое вторжение.

Они молчали, инстинктивно прислушиваясь. Слуховые аппараты их шлемов восприняли бы малейший шорох, но, кроме дыхания товарища, ни тот, ни другой ничего не слышали. Да и откуда могли бы взяться звуки жизни на «мёртвом» звездолёте? Может быть, там, где помещались чудесные автоматы, обладавшие «зрением» и «разумом», проявилась бы каким-нибудь звуком их загадочно сохранившаяся жизнь, но здесь царила полная тишина.

Что-то приближалось, неотвратимое и грозное... Что они могли предпринять для своего спасения?..

И вот, когда оба человека подумали, что только другие, оставшиеся на свободе люди могут прийти к ним на помощь, это случилось.

Если бы не свидетельство фотоаппарата, которым успел воспользоваться Второв, они сами усомнились бы в виденном. Но беспристрастный и точный объектив навсегда зафиксировал невероятную картину.

Жёлто-серая стена, закрывавшая им дорогу, внезапно исчезла. Исчезла сразу вся целиком. Но то, что находилось за ней, по-прежнему оставалось невидимым. Там, где только что был металл, на краю «стеклянного» мостика, дрожали синими искрами перекрещивающиеся полосы, точно сетка из хрустальных нитей, бездонная глубина которой там, дальше, переходила в темно-синий мрак. И в двух шагах ошеломлённые люди Земли увидели... человека другой планеты – хозяина этого странного и непонятного корабля.

Он стоял прямо перед ними и смотрел на них. Ок-

ружѐнный искрящимся ореолом синих нитей, он выглядел вполне реально и казался живым человеком, из плоти и крови. Маленького роста, стройный и хрупкий, во всѐм подобный человеку Земли, он был одет в плотно облегающий тело темно-синий костюм, похожий на трико гимнастов. Тонкая серебряного цвета цепочка висела на его шее.

Только секунду, не больше, и он и люди стояли неподвижно. Но вот за спиной Мельникова послышался щѐлк затвора фотоаппарата – Второв сфотографировал незнакомца.

Медленным, плавным движением таинственный хо-

зяин протянул вперёд руки, словно приветствуя людей Земли.

И тогда оба звездоплвателя поняли, что перед ними не человек, а чудесное явление человека, вероятно давно умершего. Хрустальные нити насквозь пронизывали его тело и руки. Движения были чуть заметно прерывисты.

И они поняли смысл того, что произошло перед ними. Неведомые хозяева корабля давно, тысячи лет тому назад, предвидели их приход, подготовились к нему и с помощью своей совершенной техники приветствуют их. Перед ними была ожившая тень далёкого прошлого.

И тень заговорила. Послышался певучий звук, точно песня, исполняемая в медленном темпе.

Глубоко потрясённые люди слушали голос уже не существующего жителя другой планеты, приветственные слова старшего брата, обращённые к тем, кого он не знал, но в чей приход верил много веков тому назад.

Голос смолк. Словно растаяв, исчез призрак. В стремительной быстроте перекрещивающихся нитей загустел и слился в плотную завесу синий мрак. И снова глухая стена отливала жёлто-серым блеском. Будто никогда не было сказочного видения.

И как бы для того, чтобы люди не усомнились в значении только что виденного, гостеприимно раскрылась дверь в следующий отсек.

Он был освещён тем же неярким голубым светом. Там не было ни цилиндров, ни «стеклянного» мостика. Совсем другая обстановка предстала их глазам.

– Из глубины тысячелетий, – сказал Мельников, – первые люди, посетившие Венеру, передали нам свой братский привет. Мы не знаем, как и почему они погибли здесь, не вернулись на свою родину. Но мы должны это узнать и узнаем. Мы – их наследники!

ПЯТАЯ ПЛАНЕТА

Наука достигла огромной высоты. С этой высоты она видит далеко. И она «видит» бесконечное число обитаемых миров, населённых, как и Земля, разумными существами, идущими по тому же пути медленного, постепенного, но неуклонного развития.

Мыслящий разум идёт вперёд и вверх. И, по мере подъёма, перед ним открываются всё более и более обширные горизонты.

Нельзя себе представить широкое развитие разума без такого же широкого взгляда на мир. В первую очередь это относится к взгляду на жизнь, как на явление не местного, а вселенского масштаба.

Смерть человека не прекращает жизни человечества. Но и смерть человечества не может прекратить жизни на других мирах. И если бы, допустим на минуту, исчезла жизнь во всей видимой нами Вселенной, жизнь осталась бы там, куда не может (пока не может) проникнуть взгляд человека.

Было время, когда Солнечная система имела не девять, а десять планет. Между Марсом и Юпитером находилась пятая планета. Она погибла. Как и почему – никто не знает. Но то, что неизвестно сегодня, станет

известным завтра.

Обитатели пятой планеты исчезли с лица Вселенной. Но их мысль, прошедшая, как и везде, долгий и трудный путь развития, была уже достаточно могучей, чтобы дать знать другим мирам, другим разумным существам, что она существовала когда-то. Обитатели обречённой планеты умели строить космические корабли и смогли покинуть свою гибнущую родину. Присутствие на Венере их корабля свидетельствовало о том, что они это сделали.

Был ли этот корабль единственным? Куда улетели другие, спасая от гибели своих хозяев? Где нашли приют осиротевшие обитатели планеты? Когда-нибудь и это станет известным.

Но один корабль достиг Венеры и теперь был на ней найден. Те, кто находился на нём, хорошо знали, что их планета не единственный населённый разумными существами мир. Они верили, что рано или поздно на Венере появятся жители других планет. Они знали, что их звездолёт просуществует тысячи лет. Они верили, что разум неизвестных им звездоплывателей будет подобен их собственному. И, зная это, веря в это, они подготовились к приходу тех, кто получит оставленное ими наследство знаний, расширит и разовьёт его дальше, в бесконечной последовательности развития мыслящего разума.

Знания и техника передаются не только из поколения в поколение на одной планете. Они могут переходить с планеты на планету, осуществляя на практике великое братство мыслящих существ.

Те, кто прилетел на Венеру на кольцевом корабле, знали это.

* * *

Первое, что увидели Мельников и Второв, войдя в третий отсек звездолёта, была схема Солнечной системы, висевшая на стене прямо напротив входа. Это был большой лист голубоватой бумаги или чего-то очень похожего на бумагу.

Оба звездоплателя сразу заметили особенность этой схемы, отличающую её от аналогичных схем земной астрономии. И они поняли, что схема повешена тут специально для них.

Это было первое указание на оказавшееся огромным наследство, оставленное им наукой другой планеты, исчезнувшей с лица Вселенной.

На схеме было десять орбит планет Солнечной системы. Десять, а не девять! Каждая планета была изображена маленьким кружком с соблюдением их относительных размеров и с орбитами спутников.

Мельников и Второв ещё от двери увидели «лишнюю» планету и всё поняли.

– Вот, наконец, бесспорное доказательство, что пятая планета действительно существовала, – сказал Мельников. – И они прилетели с неё.

– В нашей астрономии её, кажется, называют Фатоном? – спросил Второв.

– Да, такое название существует.

Они подошли ближе. Отсек был гораздо короче двух предыдущих, метров пятнадцати в длину. От волнения они не обратили никакого внимания на его странную обстановку и даже не заметили, что дверь за ними закрылась. Открытие пятой планеты поглотило всё их внимание. Это была новость огромного научного значения.

Вблизи они заметили, что, кроме орбит планет, на схеме, гораздо слабее, изображены три орбиты астероидов. Схема оказалась не из бумаги, а из чего-то вроде цветного плексигласа. И она не висела на стене, а находилась перед ней, как будто ничем и никак не прикреплённая.

И вот тут-то они и стали свидетелями самого замечательного явления, самого удивительного и самого важного из всего, что успели увидеть на звездолёте. Из тьмы веков хозяева корабля «рассказали» им всё, что случилось с ними на Венере и раньше. Это было новым доказательством продуманности, с которой они готовились к приходу людей другой планеты, свидетельством их стремления оставить после себя как можно более полные сведения. Заранее настроенные и отрегулированные автоматы «провели» гостей прямо сюда, в это помещение. Никуда больше они не могли прийти, потому что двери не открылись бы перед ними. Это стало совершенно ясно, когда всё окончилось. И здесь они должны были «выслушать» короткий, но достаточно полный рассказ, чтобы понять многое из того, что до сих пор было покрыто мраком тайны. А то, что всё-таки осталось непонятным, должно было проясниться впо-

следствии, так как им ясно указали, где искать ключ к тайнам.

Хозяева корабля предусмотрели всё!

* * *

Сначала «ожил» схема. Медленно двинулись с места и поплыли по своим орбитам кружки планет и их спутников. Находящееся в центре изображение Солнца засверкало, как маленький бриллиант. Вместе со всеми пришёл в движение и Фаэтон. Возле него обращался крохотный спутник.

И вдруг от пятой планеты отделилась маленькая блестящая точка. На мгновение она увеличилась в размерах, и они увидели три кольца, соединённые прямой линией. Это было изображение звездолёта, на котором они находились. Превратившись опять в точку, он подошёл к Марсу, на секунду слился с ним и двинулся дальше, к Земле.

Демонстрировался путь звездолёта, совершившего в баснословном прошлом космический рейс.

И вот, когда точка слилась с изображением Земли, что ясно показывало приземление, на месте, где находился Фаэтон, вспыхнуло яркое пламя, точно загорелся магний. Ослепительная вспышка сразу погасла, но Фаэтона больше не было на схеме. Не было и его спутника. По орбите планеты побежали один за другим крохотные огоньки. Потом они погасли, и сразу выделились орбиты астероидов.

У Мельникова и Второва буквально захватило дух.

Только что на их глазах произошла катастрофа, уничтожившая пятую планету, раскрылась предполагаемая многими астрономами тайна появления астероидов в Солнечной системе. Они были «свидетелями» трагической судьбы экипажа звездолёта, несомненно видевшего картину гибели своей родины. Что же дальше случилось с ними? Отчего погиб Фаэтон? Что вызвало страшную катастрофу?..

Демонстрация продолжалась. Точка – фаэтонский звездолёт – отделилась от Земли и направилась к одному из обломков планеты. Обойдя его кругом, направилась ко второму, затем к третьему. Немая, но такая красноречивая картина! Двоим людям казалось, что они видят лица экипажа корабля, глаза, полные слёз, устремлённые на то, что осталось от родной планеты, от всего, что они оставили на ней, улетая в рейс. Может быть, каждый из них с острой болью сознавал, что никогда больше не увидит родных и близких людей, что никогда не ступит на родную землю. Нет родины, нет близких, одни во всей Вселенной на маленьком корабле, без надежды и без цели. Какая страшная участь!

Фаэтонский звездолёт направился к Венере и слился с ней. Схема погасла. Перед двумя людьми был гладкий и пустой лист «плексигласа».

И снова всё повторилось сначала, в той же последовательности.

На этот раз Второв не забыл воспользоваться фотоаппаратом. Снимок за снимком он израсходовал всю плёнку и с лихорадочной быстротой заменил её новой. Каждое мгновение можно было ожидать появления ещё

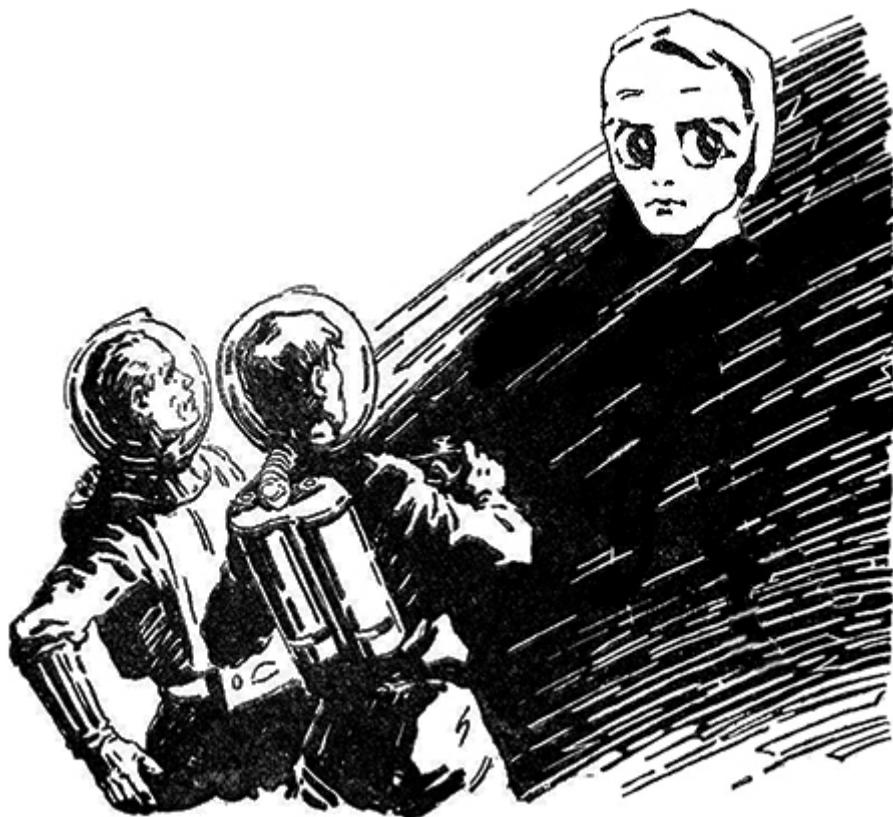
чего-нибудь. Он жалел, что не захватил с собой кинокамеру.

И «что-нибудь» не замедлило появиться.

Они поняли, что сейчас произойдёт, когда лист «плексигласа» вдруг исчез, а в образовавшемся пустом пространстве появилось лицо фаэтонца.

Начался рассказ о космическом рейсе последних людей погибшей планеты.

Не только Мельников, но и Второв – специалист кинематографии, не смог потом объяснить, что это было, как была снята и продемонстрирована им эта удиви-

тельная картина. Впрочем, рассказывать о ней мог один Мельников. Второв за все тридцать минут демонстрации ни разу не оторвал глаза от видеоискателя фотоаппарата и почти ничего не запомнил. Пять раз он менял плёнку, проделывая это с непостижимой быстротой.

«Картина» шла при голубом свете, заливавшем отсек, но это не мешало всё хорошо видеть. Она была объёмной и цветной. Без экрана на месте, где был лист, возникали один за другим и исчезали её кадры, поразительно реальные, точно куски подлинной жизни.

«Рассказ» не был связным и законченным. Скорее всего, это были отдельные куски, снятые без определённого плана, своеобразные путевые наброски.

Впоследствии Мельников высказал предположение, что фазтонцы сначала не собирались показывать эту картину людям другой планеты, а снимали её для себя. Только потом они решили оставить её в наследство будущим людям.

Многое из того, что было загадочным и непонятным не только на Венере, но и на Арсене и Марсе, получило, наконец, достоверное объяснение.

Но странная вещь! В кадрах «картины» ни разу не появилась Земля, а, как показывала схема, звездолёт был на ней. Ни одного снимка земных пейзажей. И – что было ещё хуже – не было ни одного кадра о самой пятой планете. Ничего, что могло показать, как выглядела поверхность погибшего Фазтона, ничего о жизни людей на нём.

Это доказывало, что «фильм» был снят в пути, в космическом рейсе, и предназначался для демонстра-

ции на Фаэтоне после возвращения корабля. И ещё это неоспоримо свидетельствовало о том, что экипаж звездолёта намеревался вернуться, не подозревал о грозящей катастрофе, что она произошла неожиданно для него.

Сначала появилась во весь «экран» голова фаэтонца. Это был не тот, который приветствовал их у входа в отсек, а, очевидно, его товарищ. Длинные белые волосы обрамляли его своеобразно красивое лицо с огромными, раз в пять больше, чем у человека Земли, бледно-голубыми глазами, тонким носом и узкими губами. Глубокие морщины покрывали лоб и щёки. Он явно был в преклонном возрасте.

Мельников вспомнил, что первый фаэтонец тоже был далеко не молод. Но было трудно, почти невозможно предположить, что экипаж космического корабля составляли исключительно старики. Самым вероятным было предположение, что эти люди, лишившиеся родины, долгие годы жили на Венере и состарились на ней. Последующие кадры подтвердили правильность этой догадки.

Фаэтонец произнёс несколько слов. Люди снова слышали певучие звуки неведомого языка. Потом голова исчезла, и появилась уже виденная два раза схема Солнечной системы. Вероятно, она была сделана способом мультипликации. Жёлто-серый звездолёт перелетел с Фаэтона на Марс.

И вот, точно через открытое окно, Мельников увидел хорошо ему знакомую картину марсианской пустыни. За тысячи лет она нисколько не изменилась. Те же

растения, те же озёра, то же фиолетово-синее небо с Солнцем и звёздами. На берегу одного из озёр лежал на «земле» кольцевой корабль. Возле него ходили фаэтонцы, стояли какие-то странные аппараты – не то автомобили, не то самолёты. Один из членов экипажа подошёл к самому «окну», и можно было хорошо рассмотреть молодое энергичное лицо маленького и на вид хрупкого человека. На нём был костюм с прозрачным шлемом, очень похожий на противогазовые костюмы людей Земли.

«Сейчас мы, наверное, увидим «ящериц» и «кроликов»», – подумал Мельников.

Они их действительно увидели, но совсем не так, как ожидали. Раскрылась одна из тайн.

После рейса звездолёта «СССР-КС2» среди учёных, главным образом биологов, возникли горячие споры. Присутствие на Марсе двух видов хорошо развитых животных при полном отсутствии каких-либо других и бедности флоры казалось необъяснимым, противоречило строго логичным и неопровержимым законам биологии. Одну из главнейших задач экспедиции на Марс Уильяма Дженкинса как раз и составляло разрешение этой загадки.

Мельников и Второв, находясь на Венере, узнали, в чём состояла тайна. На их глазах фаэтонцы выпустили из корабля несколько «ящериц» и около сотни «кроликов». Загадочные животные были не «марсианами», а «фаэтонцами».

Для чего же привезли их на Марс? Ответ на этот законный вопрос напрашивался сам собой. Это был на-

учный опыт, проверка – смогут ли животные акклиматизироваться на Марсе. По-видимому, это интересовало учёных Фаэтона. Результат остался им неизвестен, но Мельников очень хорошо знал, что опыт удался. Он сам видел отдалённых потомков этих зверей, расплодившихся на чужой для них планете.

«Какая сенсация для биологов!» – подумал он.

Судя по количеству времени, которое заняло демонстрационное пребывание на Марсе, фаэтонцы были там недолго. Люди увидели, как с помощью непонятных машин был воздвигнут памятник – гигантский додекаэдр на гранитном постаменте. Оба одновременно подумали, что, если члены экспедиции Дженкинса обнаружат этот документ, им будет трудно объяснить себе его происхождение.

Потом снова появилась схема, и кольцевой корабль перелетел на Землю.

Мельников ожидал, что сейчас увидит далёкое прошлое родной планеты. Но, к его разочарованию, фаэтонцы не сочли нужным показывать Землю. Может быть, они знали, что именно с Земли явятся на их корабль люди будущего?..

Снова появилась схема, и звездолёт, покинув Землю,

направился к одному из астероидов.

Звездоплаватели увидели такую же дикую картину, как на Арсене, – хаос скал, пропастей и ущелий.

Второй астероид оказался точно таким же. Ни на первый, ни на второй фаэтонцы, видимо, не опускались. Снимки производились с борта корабля, в полёте.

Но вот на «экране» хорошо знакомая круглая котловина Арсены. На этот раз фаэтонцы опустили и вышли из корабля. Снова появились непонятной конструкции сложные машины. Они ломали скалы, обтачивали их и устанавливали на искусственно выровненном дне. Машины работали как будто самостоятельно, никого из фаэтонцев возле них не было. Появилась странная постройка – огромный квадрат с гранитными изображениями тел простой кубической системы.

Зачем же их поставили на диком и необитаемом астероиде? «Фильм» дал ответ и на этот вопрос. Под гранитными фигурами были замурованы металлические ящики.

Гипотеза, высказанная Белопольским сразу же после отлёта с Арсены, блестяще подтвердилась. Там, на куске Фаэтона, был оставлен для людей огромный научный клад. Под символическими фигурами, пока ещё

непонятными, спрятаны на долгие века сокровища знаний и техники исчезнувшего мира. Их предстояло найти, извлечь, понять и изучить. Не зная, что ожидает их на Венере, фаэтонцы приняли меры к сохранению своего архива.

Мельников подумал, что лучший сейф трудно было найти.

А затем перед двумя людьми появились пейзажи Венеры. Они увидели, как из кольцевого корабля, лежавшего на берегу озера, того самого, где стоял сейчас «СССР-КСЗ», вышли восемь фаэтонцев, – все молодые, одетые в защитные костюмы. Это доказывало, что воздух Венеры был им так же чужд, как и человеку Земли.

Леса, окружавшего теперь звездолёт, тогда не было. От озера до гор расстилалась равнина, покрытая высокой и густой травой жёлто-коричневого цвета.

Звездолёт с Фаэтона простоял на Венере, на одном и том же месте, очень долгое время. Это было видно по лицам его экипажа, становившимся всё более и более старыми. Фаэтонцы путешествовали по планете на своих странных экипажах, напоминавших автомобиль и самолёт одновременно.

Люди увидели, как умер первый член экипажа, присутствовали на его похоронах. Разъяснилась ещё одна тайна. Тело умершего положили в каменную чашу. Вспыхнуло пламя и полностью уничтожило труп. Потом они видели, как таким же способом хоронили и других.

Число фаэтонцев уменьшалось. Чаша потухала после

каждой погребальной церемонии. Её тушили, но как это делалось, им не показали. И оба внезапно поняли, почему пламя горит в чаше теперь. Его некому было потушить. Последний фаэтонец СЖЁГ САМ СЕБЯ!

Пламя его могилы встретило их на пороге звездолёта горящим светильником – символом вечно живущего разума!

Большая половина «фильма» была посвящена Венере. И одна за другой раскрылись её загадки.

Фаэтонцы научили венериан выращивать светящиеся деревья, родиной которых, по-видимому, был Фаэтон. Они построили плотины на этой и на других реках и научили венериан сплаву леса. Они снабдили их многими инструментами, в том числе линейками, которые одни только остались в пользовании венериан. Всё остальное было забыто или утеряно впоследствии. Они помогали построить город в пещере. Они научили ловить и дрессировать «черепаш», превращать их в домашних животных для тяжёлых работ. И было ясно, что фаэтонцы говорили с венерианами на их языке, пользуясь для этого какими-то аппаратами с наушниками.

Венериане потеряли большую часть того, чем снабдили их фаэтонцы. Осталось ничтожно мало – жалкие следы огромной и кропотливой работы, проделанной пришельцами с другой планеты. Но могло ли быть иначе? Слишком кратковременно было пребывание на Венере фаэтонцев. Семена, посеянные ими, не проросли полностью.

В заключение «фильма» были ясно и просто показаны способы открывать двери на звездолёте. Предпо-

ложение Мельникова, что они реагируют на жесты, не подтвердилось. Существовали кнопки, и было показано, где их искать.

То, что пятиугольные отверстия открывались как будто сами собой, было результатом подготовки фэтонцев к приходу людей – их «провели» по кораблю заранее намеченным путём. Всё было продумано и предусмотрено.

А когда промелькнул и исчез последний «кадр», «картинка» пошла снова, с самого начала. Очевидно, хозяева корабля предполагали, что неизвестные им зрители могут не успеть запомнить и понять с одного раза.

Но Мельников и Второв не стали смотреть «картинку» ещё раз, хотя охотно бы это сделали. Они торопились на звездолёт, чтобы рассказать обо всём, что видели.

Руководствуясь только что полученными указаниями, они прошли тем же путём обратно в центр, где по-прежнему горело голубое пламя и разноцветно переливались, отражаясь друг в друге, остроугольные грани стен.

Оба не сговариваясь, поклонились каменной чаше и горевшему в ней огню – могиле последнего человека погибшего Фэтона, старшего брата человека Земли.

Мельников снял с невидимого постамента свою записную книжку. Если бы он знал, что представляет собой эта чаша, то никогда не положил бы её сюда.

Он протянул руку к незаметной кнопке, чтобы открыть наружную дверь, но она вдруг исчезла. В первое

мгновение они подумали, что это прощальная любезность хозяев корабля, но по ту сторону пятиугольного отверстия увидели Пайчадзе и Коржевского. Обеспокоенные продолжительным молчанием разведчиков, товарищи пришли им на помощь. Именно они открыли дверь, намереваясь войти на корабль.

– Что вы видели? – в один голос спросили оба.

– Слишком долго и сложно рассказывать сейчас, – ответил Мельников. – Подождите, когда вернёмся на корабль.

– А можно нам пройти внутрь?

– Лучше не делать этого. Мы слышали какой-то незнакомый запах. Там воздух не Венеры. Если отравились мы оба, то незачем ещё и вам подвергаться неизвестной опасности.

Белопольский, выслушав соображения Мельникова, согласился с ним и приказал всем вернуться на звездолёт.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

Утром, когда директор обсерватории, член-корреспондент Академии наук профессор Казарин, как обычно, ровно в половине десятого вошёл в свой служебный кабинет, первое, что он спросил у секретаря, было:

– Как дела с «загадкой».

– Алексей Петрович за последние десять минут звонил уже два раза, – ответил секретарь. – Справлялся, приехали вы или нет.

– Вызовите его немедленно ко мне. Если, конечно, он не занят, – прибавил Казарин. – Если занят, пусть позвонит.

Подойдя к своему столу, профессор взял сводку работ обсерватории за истёкшие сутки и внимательно просмотрел её. Против фамилии «Субботин» стояло: «5. 30 – 7. 00. Наблюдение за движением «загадки». Большой рефрактор».

– Так, так! – сказал Казарин. По привычке он думал вслух. – Три ночи наблюдений. Когда же выводы? Что же это такое, в конце концов!

Не поддающаяся пока объяснению, «загадка» волновала не одного только Казарина. Все сотрудники обсерватории и многие люди за её стенами, которым было известно о появлении на небе загадочного тела, ломали себе голову, стараясь понять, что это могло быть. Первоначальное предположение о появлении новой кометы рухнуло очень скоро. Неизвестный астероид – это также не выдерживала критики. Обнаруженное три дня тому назад небесное тело вело себя так, что предположение о «комете» и «астероиде» сразу отпали. Оставалось... но беда была именно в том, что не оставалось ничего. Ни одного разумного объяснения. В Солнечной системе появилось что-то постороннее и пока необъяснимое.

Горячие головы додумались до космического корабля с другой солнечной системы, но и это фантастическое предположение не соответствовало данным наблюдений. Тело вело себя неразумно. Оно металось в различных направлениях, без всякого видимого смысла, где-то между Венерой и Солнцем. Звездолёт, управ-

ляемый разумным существом, не мог вести себя таким образом. Но и физическими законами его движение нельзя было объяснить. Таинственное тело, казалось, не подчинялось законам небесной механики, игнорировало притяжение Солнца и Венеры, возле которой было впервые замечено, двигалось то к Солнцу, то от него. Получалось что-то несообразное.

– Если это космический корабль, – сказал кто-то из сотрудников обсерватории, – то им управляют безумцы.

Доцент Субботин, обнаруживший «загадку», отложил в сторону все текущие дела и вот уже третье утро наблюдал за своей находкой.

В окуляре рефрактора и на фотоснимках «загадка» выглядела блестящей точкой. Настолько блестящей, что ничего другого, как предположить, что она металлическая, не оставалось. Но это не решало вопроса, а делало его ещё более загадочным.

Сегодня ночью, вернее утром, так как «загадку» можно было наблюдать только перед восходом Солнца и немного после него (потом она терялась в солнечных лучах), Субботин решил во что бы то ни стало выяснить форму таинственного тела. Результатов его работы и ждал с таким нетерпением Казарин.

– Разрешите!

Погружённый в свои мысли, профессор ответил не сразу.

– Да, конечно, – сказал он. – Входите, Алексей Петрович! Я вас жду.

Субботин подошёл к столу. Это был совсем ещё молодой человек лет двадцати пяти, высокий, худой, но,

по-видимому, очень здоровый. Хотя он провёл бессонную ночь, это нисколько на нём не отразилось.

Пожав руку директора, Субботин сел в кресло.

– Диск, – сказал он. – Идеально круглый плоский диск с какими-то пустотами в середине.

– Его размеры?

– Метров двести пятьдесят, а может быть и триста в диаметре. Точно определить невозможно.

– Куда он сейчас движется?

– Двигался от Солнца в сторону Земли, но вдруг на моих глазах повернул к Венере. Повернул резко. По крайней мере, мне так показалось.

– Где же он сейчас?

– Примерно в пятнадцати миллионах километров от Венеры, позади неё. Он движется быстро.

– Точнее.

– Пятьдесят километров в секунду.

– Значит, – сказал Казарин, – примерно через триста часов наша «загадка» упадёт на Венеру.

– Если снова не изменит своего направления. За это время она меняла его шесть раз. Это только в период наблюдения за ней, а они, как вы знаете, кратковременны. Можно с уверенностью сказать, что и тогда, когда мы не можем её видеть, «загадка» движется в разные стороны. Поэтому нет оснований думать, что она упадёт на Венеру. Сделать это она могла уже много раз.

– Однако она не падает ни на Венеру, ни на Солнце... – задумчиво сказал Казарин. – Двигается куда хочет. Вам не кажется, Алексей Петрович, что эта штука

имеет двигатели?

Субботин развёл руками.

– Небесные тела, – ответил он, – двигателей не имеют. Они движутся по законам физики.

– По каким же законам движется это?

– Ни по каким, это верно. Но двигатели... Значит, разум...

– Сегодня ночью, – зачем-то понизив голос, сказал Казарин, – мне пришла в голову мысль, что это звездолёт Белопольского. Но ваше утверждение о форме диска разбивает...

– Позвольте, – перебил Субботин. – Предположим, что вы правы и загадка – это «СССР-КСЗ». По каким-либо причинам они вылетели с Венеры не 27 сентября, а 8 августа. Предположим, что я ошибся в форме. Но как вы объясните поведение корабля? Зачем он мечется в разные стороны?

Казарин встал и заходил по кабинету.

– В том-то и дело, – сказал он. – Поведение наблюдаемого нами тела бессмысленно. Но мы не знаем, что пришлось пережить им на Венере.

– Разве можно предположить, что весь экипаж звездолёта сошёл с ума?

– Зачем весь? Достаточно только Белопольского и Мельникова. Только они могут управлять кораблём. Но могло случиться и другое. Представьте себе, что Белопольский и Мельников погибли. Звездолётом управляет, например, Пайчадзе или Баландин. Не кажется ли вам, что корабль под их неумелым управлением должен или, во всяком случае, может вести себя именно так?

– Сомнительно. По этому вопросу лучше всего запросить Камова. Он лучше всех разберётся. Но я уверен, что форма тела – правильный диск. Значит, это не «КСЗ». Сейчас вам принесут проявленные негативы моих снимков и спектрограммы. Вы сможете сами проверить мои выводы.

– Я в них не сомневаюсь, – сказал Казарин. – Я просто рассказал вам о моих ночных мыслях. Форма тела не оставляет сомнений – это не звездолёт Белопольского. Но что же это?

Молодой астроном пожал плечами.

– Будем наблюдать, – сказал он.

Вошедший секретарь подал телеграмму.

– Из Крыма, – сказал он.

Казарин прочёл текст и молча протянул листок Субботину.

Астрофизическая обсерватория, расположенная в районе Бахчисарая, сообщала, что прошедшей ночью её сотрудниками была проведена работа по определению формы неизвестного тела, появившегося в Солнечной системе. Выводы совпадали.

– Теперь уже несомненно, – сказал Казарин, – это плоский диск. Но что же это? – повторил он.

И снова ответом послужило молчаливое пожатие плеч.

– Наблюдайте, Алексей Петрович! Загадку надо разгадать во что бы то ни стало. И пора сообщить о ней в печать.

– По-моему, ещё рано, – возразил Субботин. – Подождём ещё немного. Завтрашние наблюдения могут

дать новые материалы. Если разрешите, я поеду домой.

– Конечно, Алексей Петрович. Отдыхайте. Я постараюсь завтра утром присоединиться к вам. Понаблюдаем вместе.

Едва только за молодым учёным закрылась дверь, раздался телефонный звонок. Казарин снял трубку.

– Это вы, Сергей Владимирович? – услышал он знакомый голос.

– Я, Сергей Александрович.

– Что нового?

– Установлена форма этого предмета. Правильный диск. По выводам Субботина, он имеет внутренние пустоты.

– Значат, не диск, а кольцо?

– Или кольцо, или другая какая-нибудь фигура. Диск не сплошной.

– Его размеры?

– Около двухсот пятидесяти метров в диаметре. Самое интересное – оно изменило скорость движения. Вначале было двадцать километров, а сегодня уже пятьдесят. И притом оно движется от Солнца.

– Что же вы предполагаете?

– Пока нет никаких предположений. Сплошная загадка.

– Во всяком случае, это не «СССР-КСЗ».

Совпадение мыслей Камова с его собственными поразило Казарина.

– Я только что говорил об этом с Субботиным, – сказал он. – Как вы думаете, Сергей Александрович, если бы звездолётом управлял не Белопольский и не

Мельников, а кто-нибудь другой, мог бы он так двигаться?

– Вполне возможно. Так сказать, обучение на ходу. Но вы сами сказали, что форма...

– Да, это предположение можно твёрдо считать несостоятельным.

– Будет что-нибудь новое, позвоните.

– Разумеется, Сергей Александрович, не замедлю.

Казарин положил трубку.

* * *

В двадцати километрах, в кабинете директора Космического института, Камов сделал то же.

– Это не они, – сказал он. – Успокойся! Непонятное тело имеет форму диска более двухсот метров в диаметре. Это твёрдо установлено.

– А ошибки не может быть? – Ольга с тревогой взглянула в глаза отца.

– Нет. Раз Казарин говорит определённо, значит, он уверен.

– Я так измучилась!

– Теперь можешь успокоиться. Они на Венере и вернутся на Землю в срок, то есть через полтора месяца.

– После смерти Орлова я ни в чём не уверена, – сказала Ольга. – Пока Борис не вернётся...

– Он вернётся. – Камов говорил, глядя прямо в глаза дочери, твёрдо и уверенно. – За сплошными туманами планеты они даже не видят, не знают о существовании этого загадочного тела. Смешно беспокоиться из-за

этого.

– Ты сам беспокоился.

– Да, до тех пор, пока можно было подозревать в нём «СССР-КСЗ». Теперь это отпадает.

– Что же это такое?

– Пока неизвестно, но скоро выяснится.

В тоне Камова звучало нетерпение. Ольга уловила знакомую нотку в его голосе. Он всегда был такой. Она встала.

– Постараюсь не думать о «загадке», – сказала она и, поцеловав отца, направилась к двери.

Камов сочувственно посмотрел ей вслед. Он хорошо понимал состояние дочери.

«Тяжело быть женой звездоплывателя, – вспомнил он слова как-то сказанные его собственной женой. – Что ни говори, а ни одна почти экспедиция не обошлась без жертв. Звездоплаванию не везёт на первых шагах».

Он вспомнил Хепгуда, останки которого сам хоронил на Марсе, гибель Орлова на Арсене и, наконец, последнюю жертву науки – английского учёного Брейли, погибшего на Марсе. Экспедиция Уильяма Дженкинса недавно вернулась на Землю и доставила тело молодого учёного. Как и Хепгуд, Брейли стал жертвой «прыгающей ящерицы» во время опасной ночной охоты на хищника. Две «ящерицы» были пойманы тогда и живьём доставлены на Землю, но цена, уплаченная за них, была слишком высока.

Когда Камов узнал о появлении возле Венеры загадочного блестящего тела, он сразу подумал, что это может быть, «СССР-КСЗ», покинувший Венеру задолго

до назначенного срока, а когда познакомился со странным поведением «загадки», ему пришло в голову то же самое, о чём Казарин говорил сегодня Субботину, – Белопольский и Мельников погибли, звездолётом управляет кто-то другой.

Теперь и это отпадало. «СССР-КСЗ» имеет форму сигары, а не диска.

«Если бы можно было сообщить Белопольскому о появлении «загадки», – думал Камов. – «Они могли бы вылететь с Венеры и рассмотреть вблизи этот странный предмет. Он стоит того, чтобы изменить ради него назначенную программу».

Звонок прервал его мысли. Звонил телефон прямой связи с радиостанцией Камовска, где непрерывно велось дежурство.

– Слушаю!

– Радиограмма с борта «СССР-КСЗ».

– Что?!

Камов не поверил своему слуху.

– Радиограмма с борта «СССР-КСЗ», – невозмутимо повторил радист.

– Читайте!

– Только одна фраза: «Готовьтесь к приёму в обычное время. Пайчадзе. «СССР-КСЗ»».

– Кто передал?

– Топорков.

– Откуда передана?

– Неизвестно. Фраза повторена три раза. На вызовы ответа не последовало.

– Выезжаю к вам.

Камов положил трубку. Глубокая морщина прорезала его лоб, густые, нависшие брови сдвинулись.

Что там случилось? Неужели замеченное тело всё-таки является звездолётом Белопольского? Неужели те, кто определял форму «загадки», ошиблись? Кораблём командует Пайчадзе, радиограмма подписана им, а не Белопольским или Мельниковым. Страшное предположение, что начальник экспедиции и его заместитель погибли, как будто подтверждалось.

Несколько минут Камов неподвижно стоял у стола, бессознательно сжимая трубку телефона. «Оля! Что я скажу ей после того, как только что убеждал, что всё в порядке, и Борис вернётся?»

Два лица – одно покрытое глубокими морщинами, другое ещё молодое, со шрамом на лбу, со спокойным взглядом зеленовато-серых глаз – возникли перед ним так явственно, что он вздрогнул всем телом.

Погибли!..

Всё говорило за это. С поверхности Венеры радиопередача невозможна. Значит, звездолёт покинул планету. Что могло побудить его к этому? Только одно – трагедия, гибель обоих командиров корабля. Что оставалось делать участникам экспедиции, из которых ни один не знаком с техникой управления? Только одно – немедленно вылетать на Землю. Пайчадзе в общих чертах знает устройство пульта и знаком с автопилотом. Замеченное астрономами странное поведение звездолёта можно объяснить именно тем, что его новый командир учится управлению.

Всё как будто совпадало, подтверждая догадку о ка-

тастрофе. Всё, кроме одного – утверждения Субботина, что неизвестное тело – диск. Но это могло быть ошибкой. Точно определить форму такого маленького тела на подобном расстоянии очень трудно...

Машина мчалась по Ленинградскому шоссе. Сидя рядом с шофёром, Камов напряжённо думал.

Почему радиограмма отправлена только сегодня, а не три дня назад? «СССР-КСЗ» был замечен восьмого, а сегодня уже одиннадцатое. Три дня он находится в полёте. Почему же они молчали до сих пор?

Гибель Белопольского и Мельникова, только что казавшаяся несомненной, начинала представляться сомнительной. Может быть, они тяжело ранены, но живы и Пайчадзе производит различные манёвры, пользуясь их консультацией? Но этот вопрос выяснится очень скоро. Обычное время радиосвязи – это час дня, а сейчас уже половина двенадцатого. Надо подумать о другом. Может ли неопытный человек, используя автопилот, благополучно привести корабль на Землю?

В мельчайших подробностях вспоминая устройство пульта управления «СССР-КСЗ», Камов приходил к выводу, что Пайчадзе сможет это сделать. Нужно только дать автопилоту исходные данные – и корабль сам долетит до Земли. Что касается спуска, очень трудного манёвра, то Арсен Георгиевич отлично владеет искусством пилотажа реактивных самолётов. Он сможет опустить звездолёт не на землю, а на воду любого из океанов. Это гораздо легче.

В общем, были все основания полагать, что даже без Белопольского и Мельникова экспедиция благополучно

вернётся.

«Благополучно! Три жертвы в одном рейсе!» – горько подумал Камов.

Перед отъездом из института он позвонил председателю правительственной комиссии по организации межпланетных перелётов академику Волошину и не удивился, когда, подъезжая к зданию радиостанции, увидел его машину. Волошин умудрялся приехать раньше.

Сорок минут ожидания показались всем очень долгими.

Но, наконец, стрелка часов достигла нужной точки. Час дня! Не думали они, что придётся принимать сообщение раньше 28 сентября.

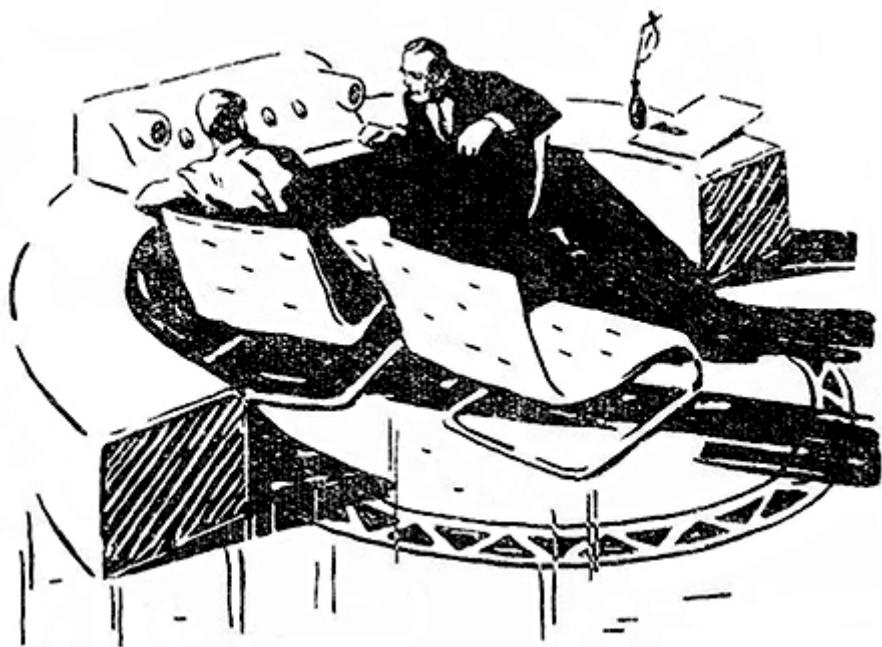
– Сколько времени будет идти радиограмма? – спросил Волошин.

– Четыре минуты, – ответил Камов.

Он сидел рядом с дежурным радистом, готовый отвечать звездолёту, сообщение которого уже мчалось к Земле. Прямо перед Камовым чернело маленькое отверстие микрофона. Закрывающая его тонкая металлическая сетка чуть заметно дрожала. Внизу под полом оперативной комнаты работали мощные генераторы, энергия которых через несколько минут подхватит голос Камова и понесёт его в неизмеримую даль. Направленная антенна станции была ориентирована на Венеру, возле которой мог находиться «СССР-КСЗ».

Четыре минуты прошли.

И как только большая стрелка коснулась деления циферблата, из громкоговорителя раздался отчётливый

голос Игоря Дмитриевича Топоркова – радиотехника звездолёта:

– Говорит звездолёт! Говорит звездолёт «СССР-КСЗ»! Отвечайте! Перехожу на приём!

– Слушаем вас. К приёму готовы, – ответил радист.

Теперь предстояло ждать ещё восемь минут.

– Антенна ориентирована правильно, – сказал радист, выключив передатчик. – По силе звука мы попали точно на них.

– А где находится сейчас «загадка»? – неожиданно спросил Волошин.

– Как будто в том же направлении, – ответил Камов, подумав, как и Волошин, о том, что сейчас можно проверить, является ли «загадка» звездолётом «КСЗ»

или нет. – Я позвоню Казарину и выясню этот вопрос. Только не сейчас. После передачи.

Волошин кивнул головой. Он знал, что у Камова особые причины волноваться. Его дочь была замужем за одним из тех, кого можно было считать погибшим. А если Мельников и не погиб, то во всяком случае так тяжело ранен, что не может управлять кораблём. И в том и в другом случае оснований для мучительных мыслей было более чем достаточно.

– Внимание! – сказал радист.

Часы показывали четырнадцать минут второго.

– Говорит звездолёт «СССР-КСЗ». Передаю сообщение начальника научной части экспедиции Пайчадзе...

Камов и Волошин переглянулись. Что это значит? Почему Топорков называет Пайчадзе начальником научной части, а не командиром корабля? Кто же командир? Куда делся профессор Баландин?..

– Возле горного озера, куда «СССР-КСЗ» перелетел по указанию жителей Венеры, был найден космический корабль, по всем данным прилетевший много тысяч лет тому назад с погибшей планеты Солнечной системы – Фаэтона...

Трое людей слушали затаив дыхание.

ПОСЛЕДНИЙ СТАРТ

– У меня нет никаких сомнений, что фаэтонцы говорили с венерианами с помощью какого-то аппарата, – закончил свой рассказ Мельников. – К сожалению, нет никаких указаний, что это за аппарат.

– Я могу объяснить, – сказал Топорков. – Такой же или во всяком случае похожий аппарат изготовлен мною и Константином Васильевичем. Венериане, безусловно, говорят, но только ультразвуком, и поэтому мы их не можем слышать. Чтобы говорить с ними, нужен трансформатор звука. Как я сказал, он готов. Аппарат трансформирует ультразвук в частоту, воспринимаемую нашим слухом. Когда ночью явятся венериане, мы услышим их речь.

– Но как вы смогли догадаться? – спросил Белопольский.

– Не будучи биологом?.. – лукаво улыбнулся Игорь Дмитриевич. – Догадался, как видите. Мне помог случай. Когда вы вернулись к нам со дна озера, я следил по экрану за венерианами и вдруг заметил на экране звукового локатора какие-то линии. Они возникали каждый раз, когда венериане пытались что-то объяснить жестами. Локатор что-то «слышал». Вы знаете – он работает на ультразвуке. Тогда и мелькнула у меня эта догадка. Потом я проверил её у порогов, во время работы венериан. Удалось даже установить, что частота издаваемого ими звука находится на пороге слышимой нами полосы частот. Константин Васильевич помог мне, и вот аппарат к вашим услугам.

– Вы сделали большое дело, – сказал Белопольский. – Если мы услышим венериан, то изучить их язык вопрос времени. Фаэтонцы смогли это сделать, сможем и мы.

– Скорей бы наступила ночь! – воскликнул Коржевский.

Но до захода Солнца было ещё далеко. Завтра, 8 ав-

густа, должен был наступить «полдень». Рассчитывать на встречу с венерианами днём не приходилось. Было уже совершенно очевидно, что обитатели планеты не выходят при свете.

– А когда общались с венерианами фаэтонцы? – спросил Белопольский.

– Только по ночам, – ответил Мельников. – Судя по их «фильму», днём они не встречались с обитателями планеты. Вероятно, не хотели нарушать их сон.

– Мы должны поступить так же.

– Тем более, – подхватил Коржевский, – что «черепахи», возможно, и не спят. В отсутствие венериан они могут напасть на нас.

– Подождём ночи, – окончательно решил Константин Евгеньевич.

Князев, Романов и Пайчадзе под руководством Зайцева приступили к постройке ангара для сборки самолёта. Белопольский намеревался совершить целый ряд разведывательных полётов над горами и окрестностями озера в радиусе тысячи километров.

Воспользоваться деревьями не удалось – слишком они были велики. Ангар строили рядом с кораблём из стальных балок и запасных плит. Зайцев сокрушался, что не захватили с Земли разборных ангаров.

– Насколько проще была бы работа! – говорил он.

– Подумать об этом следовало именно вам, – упрекнул его Белопольский.

– Всего не предусмотреть! – вздыхал старший инженер звездолёта.

Не приходится говорить, что космический корабль

фаэтонцев, так счастливо найденный благодаря указаниям венериан, всё время был в центре внимания экипажа «СССР-КСЗ». Всем хотелось своими глазами увидеть его необычайные помещения, странные «металлические» трубы, становившиеся прозрачными, когда в них кто-нибудь находился, и чудесную схему Солнечной системы с движущимися по ней десятью планетами. Проявленные и отпечатанные Второвым фотоснимки рассматривались по несколько раз, и Мельникову приходилось ещё и ещё раз повторять свой рассказ о пребывании на таинственном звездолёте.

Доктор Андреев тщательно обследовал обоих разведчиков и не нашёл никаких признаков отравления воздухом корабля. По-видимому, его состав был безвреден для людей. Вряд ли какие-нибудь микроорганизмы могли уцелеть в течение тысяч лет.

– Пребывание на фаэтонском звездолёте не опасно, – доложил он Белопольскому.

Члены экспедиции просили разрешить посетить корабль по очереди, но Константин Евгеньевич, посоветовавшись с Мельниковым, решил отказаться от этого. Он понимал, что надо осмотреть звездолёт, но, так же как Мельников, опасался какого-нибудь сюрприза.

– Было бы лучше всего, – сказал он, – оставить корабль фаэтонцев в покое до следующей экспедиции. Он никуда не денется. Здесь нужны крупные технические специалисты.

Против этого нечего было возразить. Космический корабль пятой планеты представлял собой техническую загадку колоссальной трудности. Никто не знал, где

расположены его двигатели, что они такое, какие силы приводят их в действие, как устроена система управления и, самое главное, что надо сделать, чтобы двигатели заработали. А в том, что они могут работать, сомневаться не приходилось. Техника звездолёта была, очевидно, в полной исправности.

И всё же осмотреть корабль ещё раз было необходимо. Мельников и Второв видели слишком мало. Надо было доставить на Землю снимки всего корабля, чтобы учёные-специалисты могли составить о нём более полное представление и понять его конструкцию. Белопольский хорошо понимал, что если это не будет сделано, его упрекнут, и упрекнут справедливо.

Скрепя сердце, он решился на второе посещение.

– Ты и Геннадий Андреевич были на звездолёте, и вам показывали, где и как расположены кнопки дверей, – сказал он Мельникову. – Кроме того, вы уже дышали воздухом звездолёта. Если он всё-таки вреден, незачем подвергать опасности заражения других. Вам обоим придётся отправиться туда ещё раз. Сделайте снимки снаружи и внутри, не пропуская ни одной детали. Не буду говорить об осторожности, ты сам это хорошо знаешь. Никого, кроме вас, я туда не допущу. И сам не пойду.

– Я понимаю, – ответил Мельников. – Это совершенно правильно, Константин Евгеньевич. Мы будем очень осторожны и ни до чего не дотронемся, кроме кнопок дверей.

8 августа в одиннадцать часов утра вездеход отошёл от звездолёта и направился в лес. Кроме Мельникова и

Второва, в машине никого не было.

Шёл второй день пребывания экспедиции на Венере. Члены экипажа торопились выполнить в полном объёме намеченный план работ.

– Четыре человека заняты постройкой ангара, – сказал Белопольский, – другие четверо должны всё время находиться на корабле. Сам понимаешь – я никого не могу отпустить с вами.

– И не нужно, – ответил Мельников. – Дорогу мы знаем. А пока будем в отсутствии, машину никто не украдёт. Вернёмся часов через пять.

Вездеход скрылся в лесу.

Мельников и Второв взяли с собой тройной запас кислорода, чтобы, не опасаясь его нехватки, тщательно осмотреть корабль.

День был удивительно ясный. С самого утра ни один грозовой фронт не приближался к озеру. Ветер стих, и поверхность огромного горного водохранилища была гладкой как зеркало. От воды поднимался и медленно таял в воздухе прозрачный туман, – термометр показывал семьдесят три градуса выше нуля. Это было меньше, чем на равнине в предыдущий полдень, – сказывалась высота места над уровнем океана. Звездоплаватели работали в охлаждающих костюмах.

В три часа дня, как обычно, все собрались в кают-компанию. Было время обеденного перерыва.

– Они должны скоро вернуться, – сказал Зайцев, присаживаясь к столу, на котором Андреев уже разложил всё необходимое и расставил «блюда».

Белопольский посмотрел на часы. В этом не было

никакой необходимости, так как он хорошо знал, сколько времени.

– Они уже четыре часа находятся там.

По звуку голоса все поняли, что Константин Евгеньевич волнуется.

– Они привезут с собой много нового, – заметил Коржевский.

– Какие счастливые! – вздохнул Князев.

Больше ни одного слова не было сказано. Волновался не один Белопольский, волновались все, но старались не показывать этого. Обед закончился в полном молчании, быстрее обычного.

– Пошли! – сказал Зайцев, вставая первым. – Ангар надо закончить сегодня. Завтра с утра приступим к сборке самолёта.

И вот когда четыре человека прошли в выходную камеру, а остальные в обсерваторию, чтобы приготовить нужные приборы, внезапно раздался пронзительный свист, настолько громкий, что все, находившиеся на корабле за толстыми металлическими стенками, невольно заткнули уши. Начавшись на низкой ноте, свист быстро поднялся до сверлящей мозг высоты и сразу прекратился.

Белопольский и Пайчадзе как раз в этот момент находились у окна обсерватории. Только они двое видели, как из чаши леса вырвалось что-то жёлто-серое, мелькнуло в воздухе и скрылось в тучах.

Только одну секунду они стояли неподвижно, ошеломлённые, не понимая, что произошло на их глазах.

С подавленным криком Белопольский бросился к выходу.

Ещё мгновение – и дробный звонок тревоги прозвучал по всему кораблю. Вспыхнули над всеми дверями и люками красные лампочки.

– По местам! – прозвучало из всех репродукторов.

Корпус звездолёта уже дрожал мелкой дрожью от работы двигателей. «СССР-КСЗ» стремительно поднимался, наращивая скорость.

Внезапный старт застал экипаж врасплох. Люди упали там, где их застал сигнал тревоги. Ощущение повышенной тяжести показало им, что корабль находится в полёте не как реактивный самолёт, а как ракета. Было ясно, что он покидает Венеру, но, кроме Пайчадзе, никто не понимал причины. Четверо лежали на полу выходной камеры, вернее на боковой стенке, ставшей полом, трое – в обсерватории.

Белопольский, очевидно, находился на пульте. Не ожидая выполнения своей же собственной команды, он

начал ускоряющий полёт. Только очень серьёзная причина могла заставить его это сделать.

Люди лежали, стараясь не шевелиться, терпеливо ожидая, когда прекратится работа двигателей и они смогут пройти на пульт и узнать, что случилось.

Тридцать три минуты томились они полной неизвестностью, но никому не пришла в голову правильная догадка. Каждый делал самые невероятные предположения и сам же отвергал их как совершенно нереальные.

А когда появилась невесомость и они поняли, что звездолёт летит в пространстве на полной скорости,

раздался одновременно заданный вопрос, обращённый друг к другу:

– А как же Мельников и Второв?

Двое членов экипажа как будто остались на Венере. У Андреева мелькнула мысль, что Белопольский сошёл с ума. Но только он успел это подумать, из репродуктора раздался голос командира звездолёта:

– Арсен, к телескопу! Топорков – к локаторам! Во что бы то ни стало найти корабль!

И тогда все поняли, что означал слышанный ими свист. Звездолёт Фазтона улетел с Венеры. В нём улетели неизвестно куда Мельников и Второв.

Как это могло случиться?.. Почему заработали двигатели кольцевого корабля?..

И нарушавший все правила молниеносный старт получил объяснение – «СССР-КСЗ» ринулся в погоню за космическим кораблём фазтонцев. Если удастся быстро нагнать его, Мельников и Второв могут быть спасены. Но с какой скоростью летит этот корабль? Этого никто не мог знать.

Белопольский сидел в кресле у пульта. Казалось, он внимательно наблюдал за показаниями приборов, как всегда спокойно ведя корабль. Но Зайцев, «войдя» в рубку, в первую секунду не узнал своего командира. Перед ним был дряхлый старик. Не верилось, что это тот самый человек, которого он видел всего полчаса назад.

Белопольский повернул голову и посмотрел на инженера. Слёзы бежали по его щекам, но он даже не пытался скрыть их.

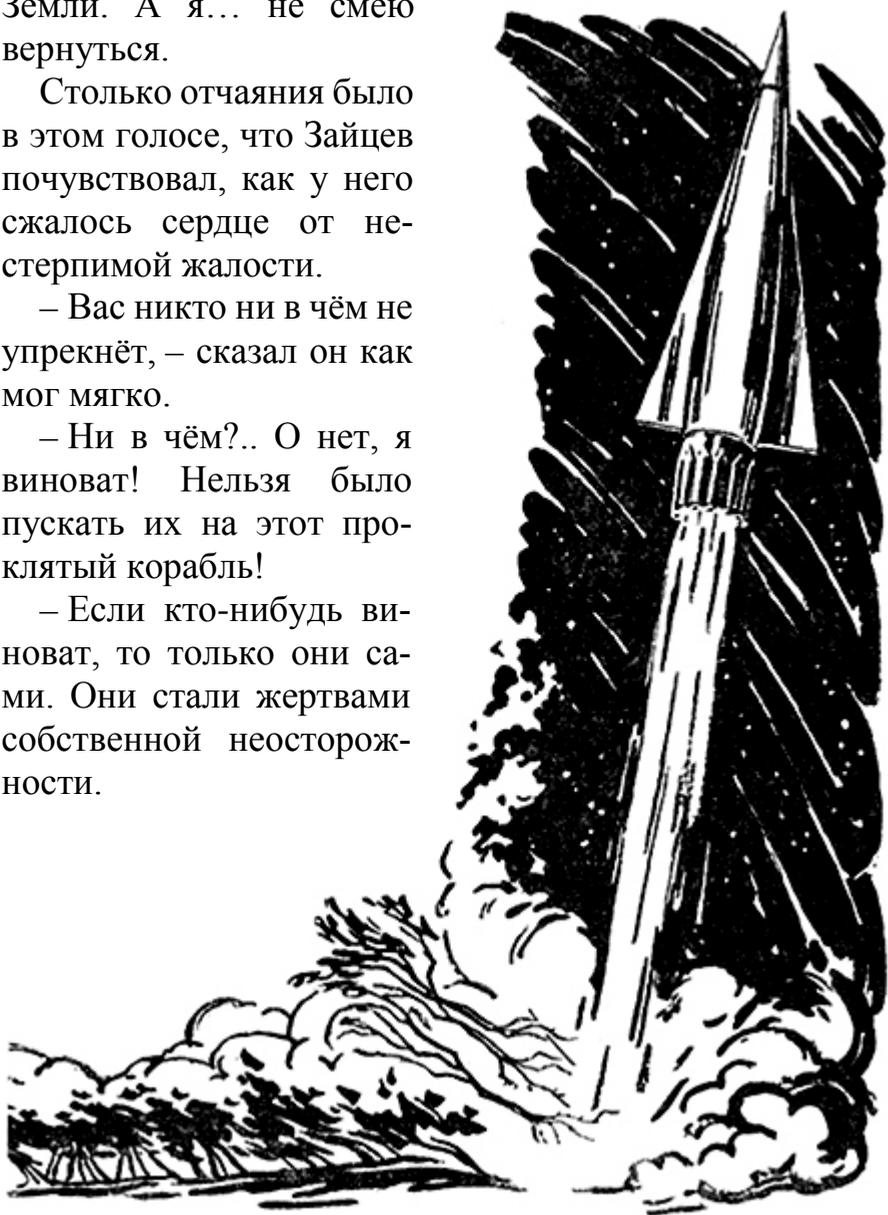
– Что мне делать, Константин Васильевич? – спросил он. – Никто, кроме меня, не сможет довести корабль до Земли. А я... не смею вернуться.

Столько отчаяния было в этом голосе, что Зайцев почувствовал, как у него сжалось сердце от нестерпимой жалости.

– Вас никто ни в чём не упрекнёт, – сказал он как мог мягко.

– Ни в чём?.. О нет, я виноват! Нельзя было пускать их на этот проклятый корабль!

– Если кто-нибудь виноват, то только они сами. Они стали жертвами собственной неосторожности.

– Жертвами? – Белопольский вздрогнул. – Да, вы правы! Они погибли. Где это кольцо?! – вскричал он, протягивая обе руки к экрану. – Куда оно улетело? Что если сейчас мы летим в противоположную сторону?

– Может быть, удастся его обнаружить. Не отчаивайтесь!

Белопольский сжал голову руками:

– Нет! Мы его не найдём. Это невозможно! Не надо было улетать с Венеры. Ещё одна ошибка, последняя. Четыре жертвы! Четыре жертвы в одном рейсе!..

Зайцев видел, что автопилот не включён. Но может ли Константин Евгеньевич вести корабль в таком состоянии? Инженер вышел, чтобы позвать Андреева.

– Белопольский выглядит невменяемым, – сказал он доктору.

– Сильнейшее нервное потрясение, – ответил Андреев. – Ничего удивительного. Я пройду к нему, а вы пока не входите. Жаль, что Арсен Георгиевич не может покинуть обсерваторию.

И три часа, не теряя надежды, искали в просторах звёздного мира исчезнувший звездолёт. Тщетно! Его нигде не было!

Куда улетел он, никем не управляемый, не руководимый разумом человека? Где и когда закончит он свой последний полёт? Куда доставит безжизненные тела двух человек, унесённых им? Может быть, прямо в огненные объятия Солнца!..

«А что если они успели выйти из корабля, – невольно думал каждый член экипажа «СССР-КСЗ». – Что если наш поспешный отлёт погубил их, вместо того чтобы

спасти?»»

Но никто не осмелился высказать эту страшную мысль.

Белопольский почти не покидал пульта. Дни, а часто и ночи, он просиживал в кресле, безучастный и равнодушный ко всему.

– Я доведу корабль до ракетодрома, – сказал он как-то Арсену Георгиевичу.

Все были уверены, что эти простые и естественные слова таят в себе зловеший смысл.

Белопольский знал, что не переживёт всего, что случилось, как он думал, по его вине. Разве не он увлёк Баландина к озеру? Разве не он послал на смерть Мельникова и Второва?.. Его надломленные силы поддерживало только сознание долга перед семьёю людьми, жизнь и смерть которых зависела от него.

– За ним надо внимательно наблюдать, – говорил Пайчадзе. – Особенно в момент финиша. А когда мы сдадим его с рук на руки Камову, всё будет в порядке. Сергей Александрович сумеет вернуть его к жизни.

В ОБЪЯТИЯ СОЛНЦА!

Первое, что бросилось в глаза обоим звездоплавателям, когда уже знакомым путём они проникли в гранёный шар центра звездолёта, была темнота. Голубое пламя в каменной чаше – могиле последнего фазтонца погасло.

– Очевидно, – сказал Второв, – проникновение наружного воздуха прекратило реакцию. Пламя горело,

пока находилось в наглухо запертом помещении.

– Очевидно, – согласился Мельников.

Они отошли от наружного пятиугольника, и он тотчас же затянулся металлом и исчез. Но внутренняя дверь продолжала быть невидимой. Явление, происшедшее в первый их приход, не повторилось.

– Автомат перестал работать, – сказал Борис Николаевич. – Он был настроен на один раз. Теперь мы должны сами открыть дверь.

Оба хорошо помнили указания фаэтонцев, данные ими с помощью «киносеанса», и при свете своих прожекторов легко нашли кнопку.

Хотя они видели «таяние» металла уже несколько раз, всё же оба затаили дыхание, когда непонятное явление снова произошло перед ними. Открылся проход в радиальную трубу.

Но не только двери изменили своё «поведение». Люди поняли, что неизвестная им автоматика стала работать как-то иначе, когда прошли внутрь трубы и её стенки не стали прозрачными, как это случилось в первый раз.

– Досадно, – сказал Второв. – Мне очень хотелось увидеть ещё раз этот фокус.

Едва он произнёс последнее слово, его желание осуществилось: металлическая труба стала прозрачной.

Мельников нахмурился.

– Мне это очень не нравится, – сказал он. – Замедление говорит о том, что механизмы корабля начинают отказывать. Они сработали хорошо только один раз. Может случиться, что они совсем перестанут работать.

– Это может привести к плохим последствиям, – заметил Второв. – Если перестанут работать двери, нам будет затруднительно выйти отсюда.

– Я договорился с Константином Евгеньевичем. Если мы не вернёмся к назначенному часу, они придут к нам на помощь. Особой опасности нет. Не забывай о киноаппарате. Снимай буквально всё.

– Конечно, Борис Николаевич! Для того мы и пришли сюда.

Мельников решил начать осмотр корабля с тех же помещений, где они были в первый раз. Он надеялся увидеть снова удивительную кинокартину, которую Второв сможет теперь снять от начала до конца.

Подойдя к месту, где должен был находиться вход в среднее кольцо, он нашёл кнопку и нажал её. Прошло минуты две, – пятиугольный контур не появлялся. Стена оставалась в том же положении. Он протянул руку, чтобы попробовать вторично нажать кнопку, но как раз в этот момент автоматика начала действовать. Проход открылся.

– На этот раз, – сказал Мельников, – замедление было ещё более продолжительным. Похоже, что энергия, приводящая в действие механизмы, быстро истощается.

– Если учесть, сколько лет она бездействовала, в этом нет ничего удивительного, – ответил Второв. – Наши аккумуляторы давным-давно бы саморазрядились.

Они ступили на «стеклянный» мостик.

Вспыхнул свет.

– Здесь всё пока в порядке, – сказал Мельников.

Дверь в следующий отсек не открывалась ещё долъ-

ше. Они стояли возле неё в ожидании несколько минут.

– Всё хуже и хуже. Боюсь, что придётся ждать здесь помощи со звездолёта.

– Да, похоже, что автоматика на последнем издыхании.

Дальше в точности повторилось всё, что они видели в первый раз.

Исчезла перегородка, закрывавшая следующий отсек. На краю мостика на фоне синего мрака в перекрещивающихся лучах хрустальных нитей появилась фигура фаэтонца. Тем же движением он протянул к ним руки, сказал те же непонятные слова. Потом он исчез, и открылась дверь в помещение, где висела схема. Снова они увидели всю «картину» с начала до конца. Она прошла перед их глазами два раза, но Второв снимал на плёнку оба сеанса.

Желание Мельникова осуществилось.

Когда промелькнули последние кадры и на месте «экрана» снова появился лист «плексигласа», Мельников и Второв осмотрелись. В прошлый раз от пережитого волнения они не обратили внимания на обстановку отсека, которая резко отличалась от остальных помещений.

Ни одного цилиндра. Не было мостика – исследователи стояли на полу из незнакомого им материала бледно-розового цвета. Кроме схемы, здесь находились какие-то странные плоские ящики, вертикально прикреплённые к стенам. Ни рукояток, ни кнопок на них не было. Ящики сделанные из золотистого металла, казались сплошными. Догадаться, что они из себя пред-

ставляют, было невозможно.

– Пойдём дальше, – предложил Мельников.

– Вперёд или назад?

– Вперёд.

Он подошёл к стене, которая, очевидно, отделяла это помещение от следующего, и попытался найти кнопку.

Её не было.

– Придётся идти назад, – сказал он.

Но механизм на этот раз сработал автоматически. Пятиугольный контур появился, «растаял» – и проход оказался открытым.

За ним находилось такое же помещение, какие они уже видели. Так же вдоль стен лежали разноцветные цилиндры, так же тянулся вперёд почти невидимый мостик.

Двери работали исключительно капризно. Одни из них открывались сами собой, другие долго не желали открываться. У одной такой двери они простояли минут восемь.

– Наше первоначальное впечатление, что автоматика корабля блестяще сохранилась, очевидно, ошибочно, – сказал Мельников. – Время сказалось на ней.

Пройдя три отсека, которые были точными копиями друг друга, они очутились снова в радиальной трубе.

– По-видимому, всё внутреннее кольцо занято помещениями с цилиндрами, – сказал Мельников. – Кроме одного, где мы смотрели картину. Не стоит осматривать сейчас вторую половину кольца. Лучше пройдем к наружным. Может быть, там найдём что-нибудь более интересное.

– В какое кольцо мы пойдём, – спросил Второв, – в самое наружное или во второе?

– Сначала в первое.

Продвигаясь всё так же медленно (задерживали капризы дверей и киносъёмка, которую Второв вёл непрерывно), они обошли половину наружного кольца и легко убедились, что в нём нет ничего нового: всё те же бесконечные цилиндры.

– Хотелось бы мне знать, что это такое? – сказал Второв.

– Скорее всего, двигатели или запасы горючего.

– А где же помещения экипажа?

– Во втором кольце. Больше нигде.

Он не ошибся.

Второе наружное кольцо, расположенное близко от первого, не имело ничего общего с двумя уже осмотренными. Всё здесь было иным. Не было ни одного цилиндра, нигде не проходил хрупкий, «стеклянный» мостик. Разделённые на отсеки, что было естественно на космическом корабле, помещения всюду имели полы из розового материала. Обстановка ясно показывала, что именно здесь жил экипаж фаэтонцев. Мебель отсутствовала, но лежало много сеток, вроде гамаков. Они были небольшого размера, соответствовавшего маленькому росту хозяев, и, очевидно, служили не только постелями, но и стульями. Встречалось что-то вроде шкафов многогранной формы, без дверец. Как открывались эти «шкафы» – осталось тайной.

– Они должны были где-то хранить свои вещи, – сказал Мельников. – Это безусловно шкафы, но от-

криваются не по-земному.

Вероятно, многочисленные предметы, попадавшие на корабле, тоже служили обстановкой, но все они были так не похожи на земную мебель, имели столь странную форму, что даже заподозрить их назначение было невозможно. Стало ясно, что, хотя формы тела фаэтонцев были очень похожи на формы тела людей Земли, их повседневная жизнь резко отличалась от земной. А может быть, вся эта обстановка и не имела ничего общего с обстановкой домов Фаэтона, являлась только космической, специально предназначенной для звездолёта. Кто мог это сказать?

«Оборудование «СССР-КСЗ», – подумал Мельников, – также имеет мало общего с обстановкой на Земле».

Он подошёл к стене, чтобы перейти в следующий отсек, нашёл и нажал кнопку. Второв задержался, рассматривая что-то.

Прошло две минуты, но дверь не открывалась. Мельников терпеливо ждал, привыкнув уже к капризам фаэтонской техники.

Подошёл Второв.

– Опять задержка, – сказал Мельников.

Внезапно на том месте, где должен был находиться пятиугольный вход, появилось синее кольцо, перекрещенное двумя жёлтыми полосами в форме буквы «Х». Потом оно исчезло и дверь открылась.

Мельников наклонился и заглянул в отсек.

Отсек не походил на виденные раньше. Не труба, а правильный шар. По его диаметру было ясно, что шар

целиком помещается внутри трубы и потому не заметен снаружи. В центре висела в воздухе какая-то конструкция, окрашенная в синий, жёлтый и сиреневый цвета. Пола не было. В различных направлениях шли пересекаясь знакомые им «стеклянные» мостики. Хотя звездоплыватели и не перешагнули ещё порога, помещение уже было залито светом. С четырёх сторон перед разноцветной конструкцией хрустально сверкали четыре предмета, имевшие форму кресел без ножек. На чём они держались, не было видно. «Кресла» были как будто стеклянные.

Мельников в нерешительности посмотрел на Второва.

– Мы не знаем, что значит синий перекрещенный круг, – сказал он. – Может быть, это запрещение входа сюда?

– Если бы это было так, – ответил Второв, – дверь наверняка не открылась бы.

– Во всяком случае это сигнал предупреждающий. Но о чём он предупреждает?

– Может быть, об осторожности?

– Самое правдоподобное. Лучше не входить в это помещение.

– Мне кажется, что это пульт управления кораблём, – тихо сказал Второв. – Сигнал может означать – «Тихо! Не мешать пилоту!» Как бы там ни было, необходимо заснять всё это.

– Только очень осторожно. Не делай резких движений.

Один за другим они перешагнули порог двери и

ступили на мостик. Пятиугольное отверстие за ними тотчас же закрылось.

– Вы обратили внимание, – сказал Второв, – что двери капризничают только при открывании. А закрываются они вполне исправно.

– Давно заметил, – ответил Мельников. – И это мне очень не нравится.

Он ощущал в себе какую-то смутную тревогу. Синий круг не выходил из головы. Что он мог означать?..

Мостики подходили к каждому креслу Осторожно проведя рукой под одним из них. Мельников понял, что кресла прикреплены к центральной конструкции, но крепления были совершенно невидимы, как тот постамент, на котором стояла чаша в центре корабля. На чём и как держалась сама конструкция – определить не удалось. Мельников боялся дотронуться до неё.

Причудливо изломанные грани этого странного предмета, неизвестно что из себя представлявшего, искрились бесчисленным количеством разноцветных точек, точно крохотными огоньками, – синими, жёлтыми, сиреневыми. Каждая грань имела свой цвет и казалась бездонно глубокой. Никаких кнопок, рукояток или приборов не было.

– Если это пульт управления, – сказал Мельников, – он имеет очень странный вид.

Второв не ответил. Тихое жужжание кинокамеры одно только нарушало глубокую тишину. Светящийся голубым светом воздух, искрение «пульта», висящие, как будто в воздухе, прозрачные «кресла» – всё это было так необычайно, что Мельников, не склонный к

фантазированию, размечтался.

«Вот здесь, – подумал он, – в этом кресле сидел когда-то маленький фаэтонец и непонятным способом вёл этот необычайный корабль в пустоте Вселенной. Думал ли он тогда, что никогда не вернётся на родину, что окончит свои дни на Венере? Куда, с какой целью отправились они в космический рейс?»

Жужжание камеры смолкло.

– Пойдём дальше? – спросил Второв.

– Я думаю о том, – сказал Мельников, – что люди, возможно, поймут и изучат технику Фаэтона. Может быть, наши звездолёты станут похожи на этот и будут управляться теми же способами. Сейчас мы даже отдалённо не можем вообразить, что это за способы.

– Вероятно, они очень просты, как всё, что совершенно. Но понять действительно трудно. Что может делать человек, сидя в этом кресле? Разве что наблюдать. Может быть, это астрономическая обсерватория, а не пульт управления?

Мысль Второва показалась Мельникову резонной. Но что можно увидеть внутри этих разноцветных граней? Они выглядят глубокими, но не прозрачными.

– Возможно, что в них видно только тогда, когда сидишь в кресле, – сказал Второв.

– Это неосторожно.

– Почему, Борис Николаевич? Я ни до чего не дотронусь. Кресло, хотя и маленькое, но годится для человека. Разрешите попробовать. Вдруг я на самом деле что-нибудь увижу. Это во многом облегчит задачу понять назначение этого предмета.

Мельников колебался. Его безотчётная тревога всё росла. Чуждая обстановка корабля, видимо, действовала даже на его закалённые нервы.

– Хорошо, – решил он. – Сядь, но только смотри, а не двигайся.

– А кресло не сломается под моей тяжестью?

– Мостик не сломался, а оно, кажется, из того же материала. Не думаю, – ответил Мельников.

Второв осторожно опустил на полукруглое сиденье. Ничего угрожающего не произошло. Кресло выдержало.

Но тотчас же в центре находящейся перед ним грани вспыхнуло синее кольцо с жёлтыми линиями. Продержавшись не более секунды, оно исчезло.

– Не шевелись! – крикнул Мельников.

Второв замер, не спуская глаз с грани. В ней ничего не было видно, но ему вдруг показалось, что она стала темнее. Искрящиеся точки превратились в неподвижные огоньки.

Прошла минута, две. Ничего не изменялось и не происходило. Мельников постепенно успокоился.

– Ты видишь что-нибудь? – спросил он.

– Ничего.

– Почему точки стали неподвижны?

– Не знаю.

– И я не знаю, но это что-то должно означать.

– Вот только что?

Казалось, ничто им не угрожало. Скорей всего, синий круг означал запрещение дотрагиваться до пульта.

Предвидя их приход, фэзтонцы оставили свой сигнал,

надеясь, что разумные существа с другой планеты поймут его значение.

– Слезай! – сказал Мельников. – Только осторожно.

– Снимите меня в этом кресле, – попросил Второв. Перед тем как сесть, он передал камеру своему товарищу.

Мельников исполнил его желание. Ничего плохого от этого произойти не могло.

– Снимок фэтонца за пультом управления, – пошутил он.

– Я представляю себе, – сказал Второв, – что я действительно умею управлять кораблём. И вот я сделал нужное движение, звездолёт оторвался от Венеры и...

Громоподобный удар прервал его слова. Непреодолимая сила прижала Второва к сидению кресла. Он видел, как Мельников стремительно полетел вниз и упал на круглую стенку отсека. Пронзительный свист, начавшись на низкой ноте, быстро поднялся до сверлящей мозг высоты и смолк. Хорошо знакомое ощущение повышенной тяжести не оставляло никаких сомнений – звездолёт находился в ускоряющемся полёте.

Они улетели с Венеры!

Замерло сердце. Ужас железным обручем сжал голову.

Почему заработали двигатели? Они оба ни до чего не дотрагивались, не делали никаких движений...

Смерть!.. Смерть быстрая и неизбежная! Они не имели ни малейшего представления о том, как управлять кораблём.

И вот как будто для того, чтобы не оставалось ника-

ких сомнений, что они действительно летят, стенки шара вдруг стали прозрачны. Сверху сияло ослепительное Солнце, внизу сплошным белым ковром раскинулись облачные массы Венеры. Синий цвет неба быстро темнел, превращаясь в чёрный. Уже появились звёзды.

Они летели всё быстрее, неизвестно куда.

Лёжа на нижней стенке отсека, Мельников старался не шевелиться. Падая, он даже не ушибся. От мостика до «пола» было не больше одного метра. Сразу поняв, что произошло, он не испытал, подобно Второву, никакого страха. Четыре космических рейса, с их непрерывными опасностями, приучили его владеть своими нервами в любых случаях. Даже тревога сразу исчезла, уступив место напряжённой работе мысли.

Как долго будет продолжаться ускорение полёта? Ограничено ли оно какими-нибудь пределами?

Какой скорости должен достигнуть звездолёт фэтонцев? По ощущению он догадывался, что ускорение не больше, чем на «СССР-КСЗ». Вероятно, около двадцати метров в секунду за секунду.

Почему взлетел корабль? Синий круг явно предостерегал об опасности взлёта. Но что он или Второв сделали, чем привели в действие двигатель корабля? Догадаться об этом – значило получить шансы на спасение. «Вероятно, они очень просты, как всё, что совершенно», – вспомнил он слова Второва. Да, разумеется, очень просты – всё говорило об этом, просты до того, что никак не догадаться.

Мельников до мелочей вспоминал всё их поведение в последние минуты. Второв сидел, он сам стоял. Оба не шевелились, если не считать съёмки, которую он произвёл по просьбе Второва. Но корабль взлетел, когда съёмка была уже закончена. Ни одного движения они больше не сделали.

Получалось, что звездолёт полетел после слов, ска-

занных Второвым. Он говорил как раз о взлёте. Странная случайность. Не могли же автоматы фаэтонского корабля реагировать на русский язык, понимать его! Это совершенно невероятно. Но что же тогда?..

Стенка, на которой лежал Мельников, была абсолютно прозрачна. Создавалось впечатление, что он висит в пустоте. Над ним, также в пустоте, висел Второв, а перед ним разноцветный пульт. Что это действительно пульт, сомневаться не приходилось.

Всё остальное исчезло. Слева виднелись освещённые Солнцем кольца корабля и его центр, справа – кусок наружной трубы.

Над головой сияло Солнце. Мельникову казалось, что они летят прямо к нему.

Он отчётливо сознавал, что неуправляемый звездолёт полетит именно к Солнцу, что если они не сумеют понять, чем и как управляется корабль, то их ждёт неминуемая гибель задолго до того, как корабль закончит свой последний рейс, чтобы бесследно исчезнуть в огненных объятиях светила.

ПОГОНЯ

– Шансов на успех очень мало, – закончил Камов. – Если Мельников и Второв даже обеспечены воздухом, то у них нет пищи. И всё же мы должны сделать попытку спасти их. Предлагаю вам направиться обратно к Венере. Корабль фаэтонцев всё ещё находится возле неё. Радиосвязь держать не один раз в сутки, а непрерывно. В конце концов, руководствуясь указаниями с

Земли, вы увидите корабль.

Через восемь минут пришёл ответ:

– Приняли полностью. Приступаем к выполнению вашего плана. «СССР-КСЗ» немедленно начнёт поворот. Радиосвязь будет поддерживаться непрерывно. Разделяем надежду на благополучный исход. Белопольский. Перехожу на приём.

– Желаем успеха, – коротко ответил Камов.

Говорить больше было нечего. Всё, что нужно, он сообщил Белопольскому. План вступил в действие. Он был единственно возможным при подобных обстоятельствах, и его без колебаний приняла правительственная комиссия.

Руководимый указаниями с Земли, звездолёт не позже чем через трое суток подлетит к тому месту, где находится корабль фаэтонцев. По наблюдениям, которые производились сегодня утром, он приближался к Венере со скоростью в пятьдесят километров в секунду. Такую скорость при необходимости мог развить и «СССР-КСЗ». Если «фаэтонец» не полетит ещё быстрее, Белопольский сумеет подойти к нему вплотную. Тогда Мельникова и Второва, – а если окажется уже поздно, то их тела, – можно будет переправить на борт «КСЗ».

А если «фаэтонец» увеличит скорость?..

Камов считал это маловероятным. По его мнению, кораблём-диском несомненно управляли. Всё его поведение говорило об этом. Без управления корабль мог лететь лишь к Солнцу. Управлять могли только люди, находившиеся на корабле, то есть Мельников или

Второв. Автопилот не мог «дёргать» звездолёт во все стороны без видимой цели. А люди могли, – они учились.

– Если на корабле есть автопилот, – возражали Камову, – то он сконструирован не на Земле. Это техника мира, ушедшего далеко вперёд. Мы не знаем и не можем предполагать, что это за механизм и на что он способен. Вполне возможно, что корабль направлялся сначала к Солнцу, но, приблизившись на опасное расстояние, автоматически повернул назад. То же самое происходило при приближении к Венере. Автоматика предохраняет корабль от падения на небесные тела. Этим можно объяснить его странное поведение.

Камов не мог не признать логичности таких доводов, но упорно стоял на своём. В нём говорило скорее чувство и страстное желание, чтобы это было так, чем разум.

Но, хотя среди членов комиссии были различные мнения, решение послать «СССР-КСЗ» к кораблю фэтонцев было принято единогласно. Споры носили только теоретический характер.

Известие о трагическом случае на Венере облетело весь мир. Всё население земного шара горячо желало, чтобы Мельников и Второв, попавшие в положение, в каком никогда ещё не был ни один человек, были спасены. Уильям Дженкинс, только что вернувшийся с Марса, предложил себя и свой звездолёт, но это предложение пришлось отклонить. Лететь к кораблю фэтонцев с Земли было слишком долго. Только «СССР-КСЗ» мог рассчитывать застать Мельникова и

Второва ещё живыми. Семь, восемь, даже десять суток без пищи человек как-то мог вынести, но полтора месяца...

Мысль, что на корабле с Фаэтона могли оказаться продукты питания, была решительно отвергнута. Не говоря уже о том, что людям опасно есть неведомые вещества, сами фаэтонцы провели на Венере много лет и, несомненно, своих продуктов у них не осталось, они научились добывать пропитание на Венере. Кроме того, трудно было допустить, что органические вещества, как бы хорошо они ни были законсервированы, могли сохраниться за тысячи лет.

Следовало торопиться.

Астрономические обсерватории всех континентов договорились между собой о непрерывном наблюдении за «фаэтонцем». Его передавали друг другу как эстафету. Как только на горизонте одной обсерватории всходило Солнце, наблюдение начинала другая, расположенная западнее. Космический институт в Москве был связан по радио со всеми обсерваториями мира.

Корабль-диск никуда не мог исчезнуть. Малейшее изменение в его движении будет немедленно сообщено на «СССР-КСЗ». В зависимости от полученных сведений, Белопольский изменит курс.

Конечно, то той, то другой обсерватории мешала облачность, но всегда можно было перенести наблюдение в другую, небо над которой было ясно. Обсерваторий на земном шаре было достаточно.

Весь мир мечтал только об одном – чтобы «фаэтонец» не увеличил скорости...

* * *

Звездолёт совершал огромный круг. Экономя время, Белопольский решил повернуть обратно к Венере, не снижая скорости, при минимально возможном радиусе поворота. Он знал, что каждая минута потерянного времени может стать роковой. Мельникова и Второва, если они действительно ещё живы, могла спасти только быстрота оказания помощи.

Константин Евгеньевич мучительно переживал свою, уже не поправимую ошибку. Зачем он запретил сообщить на Землю о случившемся на Венере? Ведь рано или поздно, всё равно пришлось бы это сделать. Нельзя же было хранить страшную тайну до прилёта на Землю. Что случилось с ним? Какой сложный и трудно объяснимый процесс произошёл в его всегда уравновешенной психике? Потеряно двое суток, а если учесть время на обратный путь, то все четверо. Насколько проще было вернуться два дня назад. Как сильно возросли бы тогда шансы на спасение тех самых людей, кажущаяся гибель которых вывела его из равновесия и побудила отдать это преступное («да, именно преступное», – думал Белопольский) распоряжение.

Если бы Пайчадзе не решился нарушить дисциплину, не посмел бы ослушаться командира корабля и не приказал Топоркову связаться с Землёй, – что было бы тогда? Ужас охватывал Белопольского при этой мысли. Смерть Второва и Мельникова целиком легла бы на него, он один был бы виноват в их гибели... Да и те-

перь... кто знает, может быть, уже поздно, может быть, потеряно слишком много времени. Те, кого можно было спасти, умерли... умерли по его вине.

Белопольский мучился жестоко, но никто из членов экипажа «СССР-КСЗ» не замечал этого. Они видели перед собой прежнего Белопольского – «железного капитана», спокойного, сурово непреклонного, решительного и требовательного. Нервное потрясение, пережитое при отлёте с Венеры, казалось, не оставило никакого следа.

Но так только казалось. Внутренне, невидимо для окружающих, Белопольский был уже не тот. Глубокий надлом произошёл в нём. И, как он хорошо знал, этот надлом был неизлечим. Больших усилий стоило ему казаться прежним. Его ослабевшие силы поддерживало только сознание, что, кроме него, некому управлять звездолётом. И он знал, когда «СССР-КСЗ» закончит свой рейс и приземлится на ракетодrome Камовска, пульт управления будет покинут им навсегда. Этот рейс был последним. Никогда больше не поведёт он космический корабль по дорогам Вселенной. Он считал свою жизнь оконченной. Но опасения Пайчадзе были ошибочны: о самоубийстве Белопольский ни разу не подумал. Как бы сильно ни была потрясена его душа, малодушию в ней не было места. Была только бесконечная усталость...

Но сейчас надо было думать о другом. Приказ Камова должен быть исполнен, и Белопольский с обычной энергией приступил к его выполнению.

Пайчадзе пытался найти кольцевой корабль, но

тщетно. Слишком слаб был рефрактор в обсерватории «СССР-КСЗ», чтобы с его помощью можно было увидеть столь малый объект на подобном расстоянии. За трое суток звездолёт отлетел от Венеры больше чем на десять миллионов километров.

Пришлось отказаться от визуальных наблюдений и целиком положиться на указания с Земли и математический расчёт. Как уже было сказано, Белопольский решил повернуть обратно в наименьшее время. Сделав по полуокружности поворот в левую сторону, звездолёт затем полетит прямо, повысив скорость до пятидесяти километров в секунду. Не доходя до орбиты Венеры, он снова повернёт – на этот раз направо – и окажется позади планеты, в непосредственной близости у кораблю фаэтонцев. Тогда начнётся выполнение самой трудной части плана. Нужно будет вплотную приблизиться к наружному кольцу, прицепиться к нему, чтобы внезапное увеличение скорости «фаэтонца» нёс сорвало операцию, и, одевшись в пустолазные костюмы, проникнуть внутрь.

Таков был план.

Семь человек экипажа «СССР-КСЗ» горячо поддерживали решение своего командира. Все одинаково стремились спасти друзей. Ставшая неожиданно для них реальной, эта задача целиком поглотила их, и они не думали, не хотели думать о том, какую тяжёлую нагрузку предстоит им выдержать. Поворот на полной скорости по окружности сравнительно небольшого радиуса позволял сэкономить несколько драгоценных часов. Это было самое главное. Ведь могло случиться,

что именно эти несколько часов сыграют решающую роль.

Начался первый поворот. Он должен был продолжаться почти три часа. Столько же времени потребует и второй.

При скорости в сорок километров в секунду центробежный эффект – грозная сила. Вес всего, что находилось на звездолёте, сильно увеличился против обычного земного веса. Каждое движение требовало усилий. Предоставив автопилоту вести корабль по заданному курсу, экипаж отлёживался и сетках.

Но не все могли это делать. Полученный приказ обязывал непрерывно дежурить на радиостанции, и никому не пришло в голову нарушить этот приказ даже и на три часа. Именно в это время могло быть послано сообщение об изменении движения «фаэтонца», и было крайне важно тут же наметить новый курс, рассчитать его и изменить путь «СССР-КСЗ».

На помощь Топоркову пришёл Князев. Сменяя друг друга, они сидели у приёмника, готовые в любую минуту принять радиogramму и передать её на центральный пульт, где безотлучно находились Белопольский, Пайчадзе и Зайцев. Но если трое последних могли дежурить лёжа, очередному радисту приходилось сидеть. Повесить сетку возле рации оказалось невозможным, не к чему было прикрепить её амортизаторы, а приварить к стенам хотя бы простые крюки не было времени.

Конструкторам и строителям «СССР-КСЗ» не могло прийти в голову, что может возникнуть необходимость дежурить на станции в условиях повышенной тяжести,

да ещё столь долгое время. Сидеть приходилось выпрямившись. Спинка кресла была жёсткой и низкой, она едва достигала пояса. К концу дежурства у радиста начинались боли в позвоночнике, быстро возраставшие. Больше двадцати минут никто не мог выдержать этой пытки. И каждые двадцать минут очередной дежурный вылезал из сетки, подползал к люку и, перебравшись через его порог, добирался до лифта. Кабина быстро доставляла его в рубку. Тем же путём отправлялся на отдых сменившийся, чтобы через двадцать минут повторить всё сначала.

Три часа до предела измотали силы двух молодых и сильных людей.

Андреев, Коржевский и Романов горько каялись, что не научились радиоделу, как настоятельно рекомендовал Белопольский всем членам экипажа. Они думали, что никогда не придётся им стать радистами, и вот теперь... Пять человек могли бы дежурить только по одному разу.

«Тяжёлый урок, – думал Андреев, – полезный не только нам, но и всем звездоплатателям».

Сорок километров в секунду для «СССР-КСЗ» была расчётная рейсовая скорость. При необходимости можно было увеличить её до пятидесяти, затратив на это резервный запас энергии. Этот запас считался неприкосновенным, но теперь настало время пустить его в ход. Белопольский решил увеличить скорость только тогда, когда корабль полетит прямо. И без того скорость при повороте была слишком велика. Если бы не угроза смерти, нависшая над Мельниковым и Второвым, он

никогда не решился бы на манёвр, ставящий под угрозу здоровье членов экипажа. Но выбора не было.

Двигатель, создающий отклоняющую струю, работал в таком режиме, что вся его энергия уходила на поворот, не влияя на скорость корабля в целом.

Самое ужасное для экипажа звездолёта заключалось в том, что не было полной гарантии в успехе. Всё было основано на предположении, что кольцевой корабль будет продолжать движение к Венере ещё, по крайней мере, двое суток с той же скоростью. Стоило ему повернуть в другую сторону – а это много раз случалось с того момента, как он был замечен Субботиным, – и пришлось бы, в свою очередь, менять курс без малейшей уверенности, что «фаэтонец» снова не повернёт. «СССР-КСЗ» не мог совершать подобные манёвры до бесконечности. Кроме того, преследуемый звездолёт менял скорость в широких пределах. Кто мог поручиться, что пятьдесят километров в секунду для него «потолок»? Возможно, что он полетит ещё быстрее, а тогда нечего и думать догнать его.

Мысль, что Мельников и Второв навсегда останутся блуждать в пространстве или исчезнут в объятиях Солнца, приводила в отчаяние их товарищей. Во что бы то ни стало надо спасти от такой участи если не их, то, по крайней мере, их тела.

На корабле с волнением ожидали каждого сообщения с Земли. Но пока что угрожающих признаков не было.

Наступил вечер² 11 августа. Измученные люди с

---

² Вечер, разумеется, на Земле, в СССР, а не на звездолёте.

нетерпением ожидали восьми часов. Чем ближе подходила стрелка к желанному часу, тем труднее казалось им переносить становившуюся невыносимой тяжесть. Тело, словно налитое свинцом, отказывалось повиноваться.

«Скорее! – хотелось крикнуть каждому. – Не всё ли равно, минутой раньше, минутой позже». Но они хорошо знали, что Белопольский не остановит двигатель даже на секунду раньше.

Чуть заметно вздрогнул корабль... Вздох облегчения вырвался у всех. Невесомость волной блаженства прошла по телу. Как хорошо не чувствовать тяжесть!

Впереди сорок часов спокойного полёта по прямой. Нарастание скорости до пятидесяти километров будет происходить с ускорением всего в один метр в секунду за секунду. Это вызовет тяжесть в одну десятую земной. Мелочь!..

– Сообщение с Земли, – раздался голос Князева. Репродукторы, включённые в каждой каюте, разнесли его слова по всему кораблю. – Экстренное сообщение!..

Никто не двинулся с места. Только Топорков поспешно отправился в радиорубку сменить Князева. Он поступал так каждый раз при возникновении связи с Землёй, жертвуя отдыхом.

Экстренное сообщение! Что-то случилось! В подавленном настроении все ждали, что скажет Земля.

Но вот засветились экраны. Суровое лицо Белопольского появилось на них.

– Товарищи! – сказал он. – Звездолёт фаэтонцев начал поворот. В настоящий момент нельзя сказать, куда

он направится. Это выяснится часа через два или три. Отдыхайте! Новый поворот нашего корабля неизбежен.

И снова работал отклоняющий двигатель. Снова повышенная сила тяжести мучила людей. Снова Топорков и Князев, сменяя друг друга, боролись с давящей силой собственного веса. И снова не было никакой гарантии, что страдания оправдают себя.

А когда закончился поворот и корабль полетел прямо, не прошло и четырёх часов, как опять, словно издеваясь над ними, «фаэтонец» повернул ещё раз.

«Сомнений нет, – передал Камов. – Кораблём управляет воля человека. Поворот неоправдан, если действует автопилот. Мельников и Второв живы. Вперёд, товарищи! Цель близка!»

Упорная погоня продолжалась!

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Мельников был уверен, что ускорение звездолёта не может продолжаться слишком долго. Это было бы технически нецелесообразно, а техника фаэтонцев, судя по всему, что они видели до сих пор, была чрезвычайно «разумна». Но всё же он не ожидал, что ускорение окончится так быстро.

Упав с мостика в момент начала взлёта, он не забыл взглянуть на часы. И когда по внезапно наступившему состоянию невесомости понял, что ускорение окончилось и корабль летит по инерции с постоянной скоростью, легко убедился, что прошло только немногим больше тринадцати минут.

Знакомая картина звёздного мира раскинулась за прозрачной, невидимой стенкой. Было ясно, что звездолёт оставил за собой всю атмосферу Венеры и летит в пустом пространстве. Куда он направлялся? Были автоматы фаэтонцев, ведущие сейчас корабль, заранее настроены на какой-нибудь определённый маршрут или нет? Это можно будет определить только после нескольких часов пристального наблюдения за Венерой. Несовершенный способ, но другого не было в их распоряжении. Ни одного навигационного прибора.

Планета, покинутая так неожиданно, казалась совсем близкой. Необъятной клубящейся массой белоснежных облаков была закрыта половина неба. Теперь, когда исчезла сила тяжести, было невозможно определить, находится ли Венера прямо под ними или где-нибудь сбоку. Но Солнце светило как будто с того же места, Мельников помнил, что тень Второва ложилась на его ноги. Так было и сейчас. Значит, корабль не изменил направление полёта. Он несёт их к Солнцу. Так казалось, но было очень важно определиться точно.

Два раза Мельников подлетал на звездолёте к Венере. Он видел планету на теперешнем расстоянии трижды. Неужели он не сумеет определить на глаз, на какой высоте они находятся. Пожалуй, тысяч десять километров. Да, кажется, так.

Лёгким толчком Мельников поднялся и, приблизившись к Второву, взялся руками за его плечи. Так было удобнее разговаривать.

– Как ты думаешь, Геннадий, – спросил он, – во сколько раз была увеличена сила тяжести при взлёте?

Второв поднял голову. Мельников увидел смертельно бледное лицо с блуждающими глазами. Губы молодого инженера были мертвенно-сини.

– Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

Второв вдруг рассмеялся. В этом смехе звучали истерические нотки.

– Вы бесподобны, Борис Николаевич, – сказал он, продолжая смеяться. – Как я себя чувствую? Как может чувствовать себя человек, приговорённый к смертной казни, стоя под виселицей?..

Мельников понял, что его товарищ потерял самообладание. Надо применить жёсткие меры, чтобы привести его в нормальное состояние.

– Стыдись! – резко сказал он. – Жалкий трус! Тряпка! И этот человек называет себя звездоплавателем!

Он отвернулся, давая Второву время прийти в себя, уверенный, что его слова окажут своё действие.

Второв молчал.

Когда через минуту Мельников обернулся, он увидел, что достиг цели: по лицу Второва бежали слёзы.

– Будьте хоть немного человечнее, Борис Николаевич, – сказал он. – Не все могут быть такими, как вы. Ведь нам осталось жить всего шесть часов.

– Это почему? – спросил Мельников, делая вид, что не понимает. Он хотел, чтобы Второв начал рассуждать. Это неплохое средство вернуть спокойствие.

– Как почему? Разве вы не знаете, что наши кислородные баллоны заряжены на двенадцать часов?

– Ах да! Сколько же времени прошло с тех пор, как мы покинули звездолёт?

– По-моему, часов шесть.

– Так, – сказал Мельников, – действительно получается, что нашего земного кислорода хватит ненадолго. Шесть часов! За это время многого не сделаешь.

– Мы погибли...

– Опять? Ты говорил то же самое, когда мы сидели в разбитом самолёте у берега материка Венеры.

– Тогда я этого не говорил.

– Не говорил – так думал. Но однако мы живы до сих пор.

– Теперь нас ничто уже не спасёт.

– Безвыходных положений не существует. У нас два шанса.

– Вот как!

Второв в изумлении смотрел на Мельникова. Ему самому положение казалось абсолютно безвыходным.

– Во-первых, – Мельников с удовлетворением видел, что лицо его товарища постепенно принимает естественную окраску, – на «СССР-КСЗ» не могли не заметить, что корабль фаэтонцев улетел с Венеры. Чтобы взять старт, им не нужно много времени.

Второв невольно обернулся в сторону Венеры, бессознательно надеясь увидеть вдруг родной звездолёт, гонящийся за ними.

– Нам его не увидеть, – сказал Мельников. – Между ними и нами тысячи километров. Но они могут увидеть нас в телескоп. Если мы летим не очень быстро, а мне кажется, что это именно так, то «СССР-КСЗ» нас догонит. Это первый шанс, менее вероятный, – добавил он.

– Почему менее вероятный?

– Трудно заметить такое небольшое тело в просторах Вселенной, тем более, что «СССР-КСЗ» позади нашего корабля и мы обращены к нему неосвещённой стороной. Ведь они не знают, куда мы летим, в какую сторону. Это не верный, но всё же шанс.

– А второй?

– Второй более реален. Каким-то образом мы пустили в ход двигатели корабля. Перед нами пульт управления, это несомненно. Нам надо догадаться, как управлять кораблём. По-видимому, он управляется совсем не так, как наши звездолёты. Мне кажется, что догадаться можно. Скорее всего, это очень просто. Конечно, на это потребуется много времени.

– Вы опять забываете, что в нашем распоряжении всего шесть часов, – уже совсем спокойно сказал Второв.

– По первому впечатлению это действительно так. Но если вспомнить некоторые факты... Ты на меня сердишься? – неожиданно перебил он сам себя.

Второв покраснел.

– Вы были правы, – сказал он. – Я действительно трус, и мне не место на звездолётах.

Мельников обнял товарища.

– Чепуха, Геннадий! Когда-то меня поражало спокойствие Камова. Это дело опыта и привычки к опасностям. Забудь мои слова. Это было не более как лекарство.

– Оно подействовало, – улыбнулся Второв. – Теперь я спокойно встречу смерть.

– Ну вот, опять смерть. Я умирать не собираюсь. Нужно бороться. А что касается воздуха...

Внезапно резким движением Мельников отстегнул герметические крепления и снял с себя шлем.

Второв замер. Он смотрел на своего товарища, ожидая увидеть признаки удушья.

Мельников дышал глубоко. В первый момент ему показалось, что воздух корабля фаэтонцев как-то странно плотен, как будто находится под повышенным давлением. Потом это ощущение прошло. Как он и ожидал, кислорода было вполне достаточно.

– Вот видишь! – сказал он.

– Как вы могли на это решиться?

– Нетрудно. Я был уверен, что мы можем дышать этим воздухом. Всё, что мне известно о фаэтонцах, говорит об этом. Неужели ты не догадываешься, на чём основана моя уверенность?

– Не могу догадаться. Вы могли задохнуться.

– Не сейчас, так через шесть часов, всё равно нам пришлось бы снять шлемы и проверить, пригоден ли для нас воздух звездолёта. Лучше сделать это сразу. Теперь мы знаем, что в нашем распоряжении гораздо больше чем шесть часов. Запасы кислорода здесь не ограничены.

– Почему вы так думаете? – изумлённо спросил Второв.

Подобно Мельникову, он снял с себя шлем и не испытал никакого затруднения в дыхании. Воздух был чист и, если не считать слабого незнакомого запаха, который они и раньше чувствовали сквозь фильтр, не

отличался от земного.

– К такому выводу приводит простая логика, – ответил Мельников. – Вспомни картину фаэтонцев. И на Марсе и на Венере они ходили в костюмах, подобных нашим. Как и нам, воздух Венеры был для них непригоден. Вспомни их внешний облик, – они в точности такие же, как мы. Значит, им, как и нам, необходим кислород. Они пробыли на Венере очень много лет. Значит, добывали кислород. Но в атмосфере Венеры его очень мало. Откуда же они его брали? Несомненно, синтезировали из атомных частиц. Можно быть уверенным, что и сейчас неведомые нам аппараты возобновляют кислород в воздухе, уничтожают углекислоту и другие вредные примеси. Мы с тобой впустили сюда воздух Венеры. А сейчас? Ты слышишь запах формальдегида? Его нет, он уже уничтожен. Не надо забывать, что наука фаэтонцев далеко обогнала земную.

– Вы правы, Борис Николаевич. Но всё же здесь есть что-то незнакомое. Запах. Мы можем заразиться неизвестной болезнью. Микробы и бактерии Фаэтона не могут быть такими же, как на Земле.

Мельников засмеялся.

– Всего пять минут тому назад ты говорил о неизбежной смерти. А сейчас боишься какой-то болезни. Совершенство в технике должно идти параллельно с другими науками. У фаэтонцев безусловно была высоко развита и медицина. Я думаю, что на их корабле и не было ни одной бактерии. Они должны были принимать меры против бактерий Венеры, а заодно уничтожить и свои. Это более чем вероятно, это несомненно.

– Значит, по-вашему, мы обеспечены воздухом? А как вы думаете насчёт питания? У нас нет ничего.

– Вот это верно. Голод нам угрожает. Что ж, потерпим.

– Не надо терять время, – сказал Второв. – Мы с вами разговариваем, а время идёт.

– Тоже верно. Но, прежде чем искать спасения, мне хотелось успокоить тебя, чтобы ты мог рассуждать хладнокровно. Мы потеряли несколько минут. Это не так важно. Всё равно, даже если мы поймём, как надо управлять звездолётом, пройдёт много времени, прежде чем можно будет вернуться на Венеру или лететь на Землю. Мало понять, надо приобрести навыки.

– Ну, на Землю-то мы никак не сможем лететь, – заметил Второв. – Умрём с голоду.

– Там видно будет. Ну, а теперь повторяю свой первый вопрос: как ты думаешь, во сколько раз была увеличена сила тяжести при взлёте?

– Полагаю, что раза в три.

– Мне показалось, что меньше. В два раза. Но ты, пожалуй, прав. Возьмём два с половиной... Ускорение продолжалось тринадцать минут, и за это время мы пролетели около десяти тысяч километров. Потом полетели по инерции. С какой же скоростью мы летим?

– Это нетрудно высчитать.

– Знаю, что нетрудно. Сейчас... Приблизительно двадцать пять километров в секунду. Вычислять точно нет смысла. Всё равно мы не знаем точной цифры ускорения. Самое главное известно – звездолёт фаэтонцев летит значительно медленнее «СССР-КСЗ». Если они

нас увидят, то легко догонят.

– Если увидят, – вздохнул Второв.

– Но ждать «КСЗ», сидеть сложа руки, мы не будем, – продолжал Мельников. – Займёмся основным вопросом. Вспомни в мельчайших подробностях все свои движения перед взлётом.

– Не лучше ли мне отойти от пульта? – спросил Второв.

Мельников вздрогнул. Его товарищ всё ещё находился перед таинственными гранями, в глубине которых продолжали искриться разноцветные огоньки.

Непростительный промах! Как он мог забыть об этом! Кто знает, может быть, не только взлёт, но и манёвры корабля совершаются тем же непонятным способом...

– Конечно, – сказал он. – Давно пора.

Второв соскользнул с кресла, и они «отошли» подалее от того, что казалось им пультом управления. Оба заметили, что искрение крохотных огоньков сразу усилилось. Пока Второв находился прямо напротив одной из граней, огоньки в ней были почти неподвижны. Молодой инженер подумал, что вряд ли они поймут, в чём тут дело. Слишком далёким от земного было всё это.

– Мне кажется, что я не делал никаких движений, – ответил он на вопрос Мельникова. – Вы сами запретили мне шевелиться. Я сидел неподвижно.

– Но ведь нельзя сомневаться, что именно ты пустил в ход двигателя корабля. Ты помнишь, перед тем как войти в это помещение, мы видели синий круг с жёл-

тыми линиями? Такой же круг появился перед тобой, когда ты сел в это кресло. Это было предупреждающим сигналом. В первом случае он был адресован нам обоим, во втором – только тебе.

– Да, это как будто так, – согласился Второв. – Но я хорошо помню, что не делал никаких движений.

– Выходит, что звездолёт взлетел потому, что ты сказал о взлёте. Но этого не может быть. Я допускаю, что автомат может быть настроен на звуки, но ведь фаэтонцы не могли знать русского языка. Кроме того, звуки их речи совсем не похожи на наши.

– Это конечно. Я сказал – хорошо помню, что вот я делаю нужное движение и звездолёт... звездолёт... Борис Николаевич, у меня мелькнула сейчас дикая мысль! И двери! Понимаете, двери!

– Какие двери?

– Двери на корабле. Пятиугольные контуры.

– Ничего не понимаю.

– Уйдёмте отсюда, – сказал Второв, – я, кажется, понял. Наш разговор нельзя продолжать здесь.

– Я уже думал, что лучше уйти, – сказал Мельников, тщетно стараясь догадаться, о чём говорит его товарищ. – Но нет кнопок.

– Тем лучше, – и с этими странными словами Второв повернулся к тому месту, где находился вход.

Пятиугольный контур появился мгновенно. Несколько секунд, и проход открылся.

– Вот видите, – дрожавшим от волнения голосом сказал Второв. – Я прав. Автоматика работает исправно. А мы думали, что она испортилась.

Мельников ничего не понимал. Уж не сошёл ли Геннадий с ума? О чём он говорит?

Они проскользнули в отверстие, и оно тотчас же закрылось за ними.

– А вот закрываются они без этого, – сказал Второв. – Ах, фаэтонцы! Милые, мудрые фаэтонцы!

– Будь добр, – сказал Мельников. – Объясни! Что это значит?

– Это значит, что мы с вами спасены. Управлять кораблём можно, и даже очень просто.

– Ну, говори скорее!

– Сначала я произведу один опыт, – сказал Второв. – Это будет окончательным доказательством. Смотрите!

Он замер неподвижно.

Прошла секунда – и прямо перед ними снова вспыхнул синий круг. Вслед за этим дверь в помещение пульта открылась.

– А сейчас она закроется, – сказал Второв.

Дверь действительно закрылась.

– Ну вот! – Второв провёл по лбу, словно вытирая пот. – Всё ясно!

– Неужели это мысли?

– Нет, не мысли. Человек думает словами. Это другое. Тут, несомненно, что-то связано с биотоками организма. Теперь я знаю, почему мы взлетели. Когда я сказал эту роковую фразу, я отчётливо представил себе, как звездолёт взлетает. Представил реально, зримо. Как будто я сам... понимаете, это трудно объяснить, но вот например: вы можете, глядя на какой-нибудь предмет, скажем на стул, попытаться поднять его мыслью? Нет,

не мыслью, а поднимающим ощущением? Я, право, не знаю, как вам объяснить.

– Объяснять не нужно. Ты безусловно прав. Автоматика корабля управляется биотоками. Очевидно, у фаэтонцев была высоко развита дисциплина мысли. И не только мысли, но и воображения. Теперь я понимаю, почему двери открывались не сразу. Они ждали, пока ты их откроешь, бессознательно, в силу желания, чтобы они открылись. Я помню, к одной двери я подошёл один, ты отстал, и она упорно не открывалась. Открылась только после того, как подошёл ты. У меня нет такого сильного воображения, как у тебя. Ты более нервный, и твоё воображение легко вызывает биоток. А механизмы фаэтонцев чрезвычайно чувствительны.

– Кто мог подумать об этом?

– Подумать мы могли, но нам просто не пришло это в голову. Техника биотоков не новость на Земле. Она уже существует, но пока не может достигать таких высот, как у фаэтонцев.

– И получается, – грустно сказал Второв, – что во всём виноват я один. Будь с вами кто-нибудь другой...

– ...корабль бы не взлетел, – докончил Мельников. – Нет, Геннадий, так рассуждать нельзя. Если бы да кабы!.. Ты поднял корабль, ты и вернёшь его на Венеру. Сейчас наше счастье именно в том, что твоё воображение и твои нервные импульсы достаточны, чтобы влиять на механизмы корабля. Но надо быть исключительно осторожным. Например, резкий поворот звездолёта погубит нас.

– Вряд ли они сами целиком полагались на себя, –

сказал Второв. – Это слишком опасно. Скорее всего, биотоком можно пустить в ход двигателя, заставить корабль повернуть, лететь быстрее или медленнее. Но техника всех этих манёвров, вероятно, автоматизирована, чтобы не перейти опасных пределов. Пример у нас есть. Ускорение закончилось без моего участия.

– А ты в этом уверен? Может быть...

Второв опустил голову.

– Уверен, – сказал он чуть слышно. – Мне стыдно, но все мои мысли и ощущения были парализованы страхом.

– Спасительный страх, – весело сказал Мельников. – Ты мог остановить двигателя, и корабль упал бы обратно на Венеру. В этом случае от нас мало что осталось бы. Так что всё к лучшему. А теперь я советую отдохнуть и затем приступить к работе.

– Отдыхать? – удивился Второв. – А есть ли у нас на это время?

– Вполне достаточно. Тебе предстоит тяжёлая нагрузка. Будешь учиться управлять звездолётом. А для этого надо быть совершенно свежим. В таком состоянии, как сейчас, ничего предпринимать нельзя. Кроме катастрофы, ничего не получится. Наше спасение зависит от твоего спокойствия. Спать, и не меньше восьми часов.

– А «СССР-КСЗ»? Он может нас догнать в любую минуту.

Мельников вздохнул.

– Увы! – сказал он. – Они нас не догонят. И потому не догонят, что не увидят. Относительно «СССР-КСЗ» мы

находимся прямо напротив Солнца, безнадежно затеряны в его лучах. Они не могут увидеть нас.

– Но вы говорили...

– Говорил для тебя. Но сейчас ты спокоен, и можно сказать прямо: на «СССР-КСЗ» нечего надеяться. Я не сомневаюсь, что они ринулись в погоню за нами, но, убедившись в неосуществимости своего намерения, вернулись на Венеру. Там мы и найдём их.

– Вы думаете, что они вернулись?

– Ни минуты не сомневаюсь. Работу надо закончить.

Второв ничего не ответил. «В самом деле, – подумал он, – почему экспедиция должна прервать работу? Погибли ещё двое, это не причина. Пора уж мне привыкнуть к выдержке и самообладанию людей, в среду которых я попал». Вслух он сказал другое:

– Мы летим к Солнцу. Не лучше ли, прежде чем отдыхать, сделать попытку повернуть в другую сторону?

– Солнце, – ответил Мельников. – Оно очень далеко. Если мы даже падаем на него, то и тогда в нашем распоряжении несколько недель. Прежде чем ты как следует отдохнёшь, я не пущу тебя к пульту.

– Давайте отдыхать, – покорно согласился Второв.

В мире без веса кровати не нужны. Человек может спать в любом положении на воздухе. Но сила привычки заставила Мельникова и Второва перейти в помещение, где они видели гамаки фаэтонцев. Сделанные из чего-то очень похожего на шёлковые нити, эти гамаки были для людей коротковаты, но это обстоятельство не играло никакой роли. Не лежать, а только прицепиться к ним – больше ничего не требовалось. Так

они привыкли спать на своём корабле.

Оба завернулись в сетки.

– Очень неприятна прозрачность стенок, – сказал Второв.

– Это от тебя зависит, – усмехнулся Мельников.

– А вы сами?

– Увы! Я никогда не отличался богатым воображением. Могу только подумать, а требуется другое. Попробуй ты, Геннадий.

Второв закрыл глаза. Стараясь как можно реальнее представить себе звёздный мир, окружающий корабль, он затем мысленно вообразил, что стенки перестали быть прозрачными. Звёзды исчезли... Кругом металлические стены...

– Bravo! – услышал он возглас Мельникова.

Второв открыл глаза. В первый момент он даже не поверил: его желание было исполнено. Он поймал себя на самодовольной улыбке. Не чудесно ли это, – мгновенное исполнение желания? Что это за волшебная техника, реагирующая на мысленный приказ? Не сон ли это?..

– Погаси свет, – сказал Мельников таким тоном, как будто стоило только протянуть руку и повернуть выключатель.

ОДИН ЧАС ДО СМЕРТИ

В человеческом организме непрерывно циркулируют различные по величине, частоте и силе электрические токи. Изменение электрического потенциала возникает при любой деятельности живой ткани. Каждый приказ

мозга по центральной нервной системе, передаваемый мышечным тканям, можно записать в виде электрограммы специальным аппаратом.

В науке эти токи организма носят название «биотоков».

Техника давно научилась использовать биотоки, возникающие в мышцах, для создания искусственных конечностей – рук или ног, послушно выполняющих приказы мозга. Создание машин, управляемых непосредственно токами самого мозга, стояло на повестке дня науки и техники Земли. Затруднение заключалось в огромной сложности разделения бесчисленных импульсов, исходящих одновременно от миллиардов нервных клеток мозга.

Но трудно – это не значит невозможно. В 19... году, когда состоялся рейс «СССР-КСЗ» на Венеру, первые образцы машин, управляемых мыслью, уже поступали на заводы и фабрики СССР, США и других стран. Они были ещё очень просты, эти машины, но создание более сложных и совершенных было не за горами. Человек уверенно ставил на вооружение своей техники силу мышления.

Общеизвестно выражение: «с быстротой мысли». И действительно, мысль возникает практически мгновенно. Но действия, вызываемые мыслью, неизбежно запаздывают. Нужно время, чтобы движения мышц исполнили приказ мозга.

Хорошо сконструированная машина может работать так же быстро, как мысль. Отсюда ясно, какие преимущества даёт непосредственная передача приказа

мозга машине, минуя промежуточные звенья в виде движений рук человека. При таком способе управления получается огромный выигрыш в быстроте и в точности. Мысль воплощается в действия без искажений, постоянно вносимых в неё органами нашего тела – суставами, мышцами и, в конечном счёте, пальцами рук, недостаточно гибкими и послушными.

Для командиров космических кораблей, при огромной скорости полёта и частой необходимости мгновенно принимать решение и так же мгновенно осуществлять его, управление мыслью сулит поистине грандиозные возможности. И не было ничего удивительного в том, что фаэтонцы, наука и техника которых далеко обогнали науку и технику Земли, остановились именно на этом, наиболее совершенном принципе управления звездолётом.

Техника, основанная на биотоках, была уже известна на Земле, и поэтому Мельников и Второв сравнительно легко догадались, в чём заключается «тайна управления», поначалу казавшаяся недоступной.

Решающую роль сыграло сходство между человеком Фаэтона и человеком Земли. Они были одинаково устроены, созданы природой по одному образцу. Мозг фаэтонцев, это можно было сказать уверенно, был аналогичен мозгу человека, разница заключалась только в развитии. Мышление было однотипным, и то, что могли делать фаэтонцы, могли делать и люди. Конечно, фаэтонцы мыслили более конкретно, более точно, их воображение было богаче и разнообразнее, мысленные образы, создаваемые их мозгом, были от-

чётливее и рельефнее, но это было то же мышление, то же воображение, те же образы. Тот факт, что механизмы кольцевого корабля подчинялись мысли Второва, доказывал это. Он смог силой своего воображения заставить корабль улететь с Венеры, смог открывать пятиугольные двери, смог делать стенки прозрачными и заставлять их терять прозрачность, смог, наконец, по своему желанию зажигать и тушить свет. Это означало, что биотоки его мозга в точности соответствовали биотокам мозга фаэтонцев.

Было ли это счастливой случайностью? Можно ли сказать, что благодаря этой случайности у Мельникова и Второва появились шансы на спасение? Разумеется, нет! Если бы биотоки у Второва и фаэтонцев отличались друг от друга, то не возникла бы сама необходимость в спасении, звездолёт до сих пор стоял бы на Венере. То, что случилось, было вызвано той же самой силой, которая теперь должна была спасти их.

Следствие вытекало из причины, причина вызывала следствие.

Задача была проста, но отнюдь не легка. Практики управления мыслью не было и не могло быть. Второву предстояло научиться этому искусству, так сказать, на ходу, в самом процессе управления. На звездолёте, летящем с огромной скоростью, такое обучение таило в себе большие опасности. Например, резкий поворот корабля грозил смертью от перегрузки. Предположение Второва, что фаэтонцы не могли целиком полагаться на себя, что автоматы их звездолёта не допускали такого резкого поворота, требовало проверки. «Качество»

мысли людей с Фазтона, её дисциплинированность были неизвестны.

Но опасно или не опасно, а провести проверку было совершенно необходимо. И Мельников со своим другом без колебаний решились на опасный эксперимент.

Всё равно, выбора у них не было. Оба прекрасно сознавали, что время, отпущенное им обстоятельствами, крайне ограничено. Очень скоро голод сделает своё дело. Упадут силы, мысль потеряет ясность, начнётся медленная агония.

– Наше спасение зависит от тебя, – сказал Мельников. – Но не торопись, действуй крайне осторожно. Поспешность погубит нас наверняка.

– Я это понимаю, – ответил Второв.

– Придётся взять быка за рога и сразу испытать наши возможности. Надо совершить поворот на сто восемьдесят градусов. Если ты прав и автоматика не допускает резкого поворота, мы спасены. Если звездолёт повернёт мгновенно, всё будет кончено.

– Понимаю, – повторил Второв. – Я готов.

– Но может случиться, что звездолёт не послушается твоего «приказа». Тогда...

– Тогда опять-таки всё будет кончено, – перебил Второв. – Только смерть придёт не сразу. Я всё понимаю, Борис Николаевич, и я совсем спокоен. Пойдёмте на пульт. Не будем терять время.

Мельников с удивлением слушал твёрдый голос своего товарища. Ни тени волнения нельзя было заметить на лице Второва. Словно за короткие часы отдыха его подменили. Бесследно исчез человек, всего не-

сколько часов тому назад едва не впавший в истерику. Удивительная перемена!

– Пойдём!

Оба хорошо отдохнули. Крепко, без сновидений, они проспали ровно восемь часов. Проснулись одновременно, и Второв сразу зажжёт свет, послушно вспыхнувший, как только он пожелал этого. Так же послушно стенки стали прозрачны.

Где помещались удивительные механизмы фаэтонцев? Скорее всего, это были те плоские вертикально расположенные ящики, которые стояли всюду, во всех помещениях звездолёта. Какой поистине сказочной чувствительностью должны были они обладать, если могли улавливать на расстоянии нескольких метров слабые биотоки мозга! Какой огромный скачок сделает наука Земли, когда постигнет устройство и принципы работы этих механизмов. Звездолёт фаэтонцев – вершина их научной и технической мысли – представлял собой неопределимое сокровище знаний старших братьев человека. И это сокровище волей судьбы было доверено двум людям. От них зависело сохранить или погубить его. Когда они думали об этом, собственная судьба казалась им совершенно незначительной. Первоначальное стремление спасти себя постепенно сменялось другим – спасти корабль, спасти во что бы то ни стало – для науки, для людей, для родины.

– Будь очень осторожен, – повторил Мельников, когда они остановились у стенки, за которой находился таинственный пульт.

Вспыхнул синий круг.

– Вот теперь, – сказал Второв, – совершенно ясно, что он означает. Следи за своей мыслью, – вот его смысл.

– Если так, – ответил Мельников, – то наши шансы на благоприятный исход сильно возрастают. Сигнал относится не только к нам. Он говорил то же самое самим фаэтонцам. А раз так, их мысль была не столь дисциплинированная. Я начинаю верить, что управление кораблём осуществляется чем-то вроде нашего автопилота. Только здесь ему даётся мысленный приказ. В этом разница, а в остальном он должен действовать так же, как наш.

– Это безусловно так, – согласился Второв.

Неожиданно только что появившееся пятиугольное отверстие «затянулось» металлом и исчезло. Мельников вопросительно посмотрел на Второва.

– Да, это я его закрыл, – сказал молодой инженер. – Такие опыты подкрепляют мою уверенность.

– Правильно делаешь. Упражняйся как можно больше.

– Почему вы полагаетесь только на меня? – спросил Второв. – Может быть, вы сами...

– Я уже пробовал. Ничего не получается. Или я неправильно понимаю, что именно требуется, или биотоки моего мозга не соответствуют настройке механизмов. Как бы то ни было, только ты можешь влиять на них.

Дверь снова открылась. Как и раньше, перед этим появился синий круг с жёлтыми полосами.

Они «прошли» в помещение пульта.

– Я останусь здесь, – сказал Мельников. – У двери.

– В какое же кресло мне сесть? Здесь их четыре.

– Садись в то же, что вчера. Мне думается, что у фэтонцев было четыре пилота и каждый из них имел своё место. Биотоки у разных людей разные. Эта штука, вероятно, имеет четыре одинаковых пульта управления, но настроенных на различные токи.

– Скорее всего так. Ну что ж, Борис Николаевич! Приступим к первому опыту. Крепче держитесь за что-нибудь.

– Держаться не за что, – ответил Мельников – Я лягу на мостик.

При слове «лягу» оба невольно улыбнулись. Никто из экипажа «СССР-КСЗ» не мог отвыкнуть от слов: «лягу», «пойду», «сяду», хотя лежание, ходьба и сидение были невозможны в мире без тяжести.

Второв слегка оттолкнулся от стены и поплыл в воздухе к креслу. Взявшись за него руками, он придал своему телу сидячее положение. Искрящиеся огоньки мгновенно замерли, и на потемневшей грани пульта вспыхнул синий круг. И как только он исчез, стенки шара стали прозрачны.

– Я тут ни при чём, – сказал Второв. – Они сработали сами.

– Попробуй заставить их потерять прозрачность, – предложил Мельников.

Второв сосредоточился. Но то, что легко удавалось в других помещениях, здесь не получалось. Стенки оставались прозрачными.

– Что-то не выходит.

– Это в порядке вещей, – поспешил сказать Мельников, опасаясь, что неудачный опыт может лишить Второва необходимой уверенности в себе. – Здесь на пульте всё иначе, чем в других местах. Пилот должен думать о манёврах корабля. Поэтому всё остальное полностью автоматизировано, чтобы не отвлекать его внимания.

– Да, вероятно это так. Во всяком случае такое объяснение вполне логично. «Ложитесь», Борис Николаевич!

Мельников вытянулся вдоль мостика на расстоянии нескольких миллиметров от него. Если будет удар, мостик хорошо пружинит, это было проверено не один раз.

Наступила решающая минута. Всё будет ясно через несколько мгновений. Мельников пристально смотрел на Венеру. За то время, что они спали, планета отошла ещё дальше. Она выглядела сейчас огромным белым шаром, раз в восемь большим, чем полная Луна на небе Земли. «Значит, расстояние немного больше полумиллиона километров», – машинально подумал он.

Как только Второв коснулся сиденья кресла, он начал мысленно декламировать стихи, чтобы как-нибудь нечаянно не подумать того, что могло повлиять на пульт. Когда он увидел, что Мельников приготовился, очередная строчка оборвалась на полуслове. Второв закрыл глаза.

На мгновение мелькнула мысль, что через секунду они могут умереть, если звездолёт послушается его сразу. Молниеносный поворот, страшный рывок инер-

ции, чудовищной силы удар о стену, и всё!.. И тут же он почувствовал, как мягкая сила прижала его к креслу. На корабле возникла сила тяжести! Она могла появиться только при повороте.

Что же случилось? Он не давал приказа! Он ещё не успел подумать о повороте. Он только собирался сделать это...

– Звездолёт поворачивает, – сказал Мельников. – Опыт удался. Судя по направлению силы тяжести, поворот происходит в вертикальной плоскости. Ещё лучше это заметно по положению Венеры и Солнца. Поздравляю, Геннадий! Советую тебе немедленно отойти от пульта.

Второв машинально повиновался. Он ничего не понимал. Мельников думает, что поворот вызван им, но ведь это не так... не так... но почему же не так? Ведь он только что представил себе картину гибели. С обострённой силой воображения он подумал именно о повороте. Очевидно, этого было достаточно, чтобы привести в действие автоматику. Он представил себе мгновенный поворот, а звездолёт поворачивает плавно. Но ведь это означает именно то, на что они надеялись. Загадочные механизмы восприняли смысл приказа, а его выполнение идёт по другому пути, не зависящему от воли человека. Бессознательно он, Второв, произвёл опыт в самой решительной форме. И вот полная удача!..

«Чудовищно умён этот корабль», – подумал Второв.

– Вот теперь нельзя сомневаться, что мы спасём и себя и корабль, – сказал Мельников, обнимая товарища. – Молодец!

Второв подробно рассказал обо всём, что произошло в действительности.

– Выходит, – закончил он, – что я ещё не годен к роли водителя этого звездолёта.

– Я и не надеялся, что это произойдёт сразу, – ответил Мельников. – Будешь учиться. И учиться долго. Мы не имеем права рисковать после такого удачного начала.

– Боюсь, что придётся поторопиться. Скоро мы ослабеем от голода.

Мельников испытующе посмотрел на друга.

– Ты чувствуешь голод? – спросил он.

– Пока нет.

– Я тоже не чувствую. Наоборот, мне кажется, что у меня прибавились силы.

– Как странно, – сказал Второв, – у меня тоже такое ощущение. Наверное, это от нервного состояния. Ведь мы ели в последний раз на нашем корабле пятнадцать часов тому назад.

Мельников промолчал. Смутная мысль, что тут снова замешаны фазтонцы, мелькнула и исчезла. Не могли же они питаться воздухом. А если могли, то люди Земли не могут. Но никак не удавалось отделаться от впечатления, что желудок полон.

– Надо внимательно следить за тем, сколько времени продлится поворот, – сказал он. – Может быть, тебе придётся вмешаться и прекратить его.

– Не думаю. Я хорошо помню, что представил себе поворот именно на сто восемьдесят градусов. Не сомневаюсь, что так и будет.

– Вполне возможно, но всё же проследим.

Возникшая вследствие центробежного эффекта сила тяжести была несколько большей, чем на Земле. Мельников и Второв чувствовали себя немного отяжелевшими, но не настолько, чтобы затруднялись движения. Было естественно предположить, что эта тяжесть для фаэтонцев нормальна. Отсюда вытекало, что планета Фаэтон превосходила Землю своими размерами. Это объясняло малый рост фаэтонцев. Мельников отметил про себя этот чрезвычайно важный факт.

Звездолёт совершал поворот в вертикальной плоскости. Относительно полов, мостиков и всех предметов на корабле сила тяжести всё время была направлена вниз. Передвигаться можно было свободно, так же как тогда, когда корабль стоял на Венере. Это было удобно и доказывало продуманность, с какой были настроены пока ещё непонятные автоматы, управляющие полётом.

Медленно и равномерно Солнце и Венера менялись местами. Казалось, что не корабль, а именно они поворачиваются вокруг звездолёта. Через три часа Солнце оказалось внизу, под ногами, а Венера над головой.

И поворот закончился. Снова исчезла тяжесть, звездолёт полетел прямо. Теперь он двигался к недавно покинутой планете. Но если раньше опасения Второва были преждевременны, сейчас они стали вполне реальны. Венера была совсем близко. С огромной скоростью корабль падал на планету. Надо было принять меры.

– Заставь его ещё раз повернуть, – сказал Мельников. – Надо отлететь подальше. Производить манёвры

так близко от Венеры опасно.

– В какую сторону? – деловито спросил Второв.

Мельников улыбнулся.

– Ну, например налево. На девяносто градусов.

Второв уверенно сел в кресло.

Подумать о повороте именно на девяносто градусов было не так просто. Этот угол надо было не назвать, а реально представить себе. Представить в воображении с абсолютной точностью. Мельников на всякий случай лёг на мостик.

Звездолёт вздрогнул. Мельников ясно ощутил, как возникла и сразу исчезла тяжесть. Потом ещё раз, в другую сторону. Корабль заметался, дёргаясь в разные стороны. Было ясно, что чувствительные автоматы послушно исполняли нечёткие приказания Второва.

– Спокойно, Геннадий! – крикнул Мельников.

Сильный рывок сбросил его с мостика. На этот раз он довольно чувствительно ударился головой о невидимую стенку. Но тот же рывок сбросил с кресла и Второва. Звездолёт «успокоился».

– Чёрт знает, что такое! – сказал Второв. – Никак не удаётся.

– Отдохни. Прежде чем подойти к пультам, поупражняйся так.

– Тогда лучше перейти в другое помещение.

– Правильно.

Мельников отчётливо чувствовал, что состояния невесомости больше нет. На корабле существовала едва заметная сила тяжести. Откуда она возникла?

– Ты не думал об ускорении?

– Нет. Могу уверенно сказать, что не думал.

– Тогда, значит, мы падаем на Венеру.

Притяжение планеты, очевидно, создавало ускорение. Отсюда и тяжесть. Это обстоятельство начало тревожить Мельникова. Он заметил, что Солнце – хоть и очень медленно – смещалось относительно их. Тени двигались. Звездолёт выходил на прямой путь к Венере. Если Второв не сумеет собрать свои мысли в тугую клубок, катастрофа неминуема. Корабль сгорит в атмосфере и погибнет для науки. Что делать? Как и чем успокоить Второва, вернуть ему недавнюю уверенность в себе? По лицу товарища Мельников видел, что тот в полной растерянности. Нельзя говорить, что осталось очень мало времени.

– Отдохни, – повторил он. – Спешить некуда.

Вот когда со всей силой проявились волевые качества, приобретённые за четыре космических рейса. Лицо Мельникова было совершенно спокойно. Не только Второв, но и никто другой не смог бы увидеть на нём ни малейшего следа озабоченности и тревоги, которые в действительности быстро возрастали.

Второв даже не заподозрил грозной опасности, нависшей над ними.

– Я буду упражняться, – сказал он. – Подойду к пультам только тогда, когда смогу уверенно представить себе нужный угол. У нас есть время?

– Сколько угодно, – невозмутимо ответил Мельников. – Не торопись. Надо действовать наверняка.

Он сам поступал именно так. Ещё одна неудачная попытка – и ничто уже не спасёт их. Во что бы то ни

стало нужно выдержать принятую тактику до конца. Это единственный шанс.

– Ты оставайся здесь, – сказал Мельников, – а я пойду в другие помещения. Похожу по кораблю.

«Забыл», – подумал Второв.

Стараясь делать это незаметно, он стал следить за товарищем.

Мельников подошёл к стене. Нажал кнопку, но дверь не открылась. Механизмы фазонцев полностью перешли на «мысленные приказы». Тогда он попытался представить себе открытый проход. Но и из этого ничего не вышло.

«Насколько всё было бы проще, – подумал Мельников, – если бы механизмы оказались настроенными на биотоки моего мозга, а не мозга Второва».

– Открыть дверь? – спросил Геннадий Андреевич.

– Нет, это ни к чему. Всё равно мне одному никуда не уйти. Передвигаться по кораблю можно только с тобой. Я постараюсь не мешать тебе здесь.

Но дверь всё-таки открылась.

Второв снова выругался.

– Одно наказание, – сказал он. – Я опять подумал против воли.

– Да, это трудное искусство. Но думай о повороте.

Всем известна сказка о человеке, который не должен был думать об обезьяне и только то и делал, что думал о ней. Та же история повторилась и со Второвым. В помещении, где они находились, было два выхода. И вот началось. То одно, то другое, а то и оба сразу пятиугольные отверстия возникали и исчезали. Вспыхивал и

потухал синий круг с жёлтыми линиями. Стенки становились прозрачными и теряли прозрачность. То и дело зажигался свет, сменяясь темнотой. Беспорядочная мысль Второва перескакивала с одного на другое, но — было ясно — не могла сосредоточиться на том, что нужно.

Мельников ни словом, ни жестом не выражал своего нетерпения. Это было бы бесполезно и даже вредно. Всё зависело от самого Второва.

Борис Николаевич вынул записную книжку и сделал вид, что записывает в ней свои наблюдения. На частые смены света и темноты он никак не реагировал, будто не замечал их. Пусть Второв думает, что Мельников считает весь этот хаос вполне естественным и понятным.

Мчались одна за другой секунды, сливаясь в невозвратимые минуты. Звездолёт всё быстрее приближался к Венере. Невольно Мельников перешёл от записей к расчётам. Выходило, что в их распоряжении около двух с половиной часов. Если за это время звездолёт не повернёт в сторону, то он врежется в атмосферу планеты со скоростью ста километров в секунду, и только огненный след прочертит в небо Венеры путь его гибели.

Два с половиной часа! Очень мало...

Мельников украдкой посмотрел на Второва. Молодой инженер висел у противоположной стенки, прижатый к ней уже вполне отчётливо чувствуемой силой инерции. Его лицо было сосредоточено, а глаза закрыты. Но беспорядочное открывание и закрывание пятиугольных входов, мелькание света всё ещё про-

должалось, хотя и не так часто, как вначале. Очевидно, мысли Второва приходили в порядок.

Так прошло около часу.

Скорость звездолёта, по расчётам Мельникова, достигла пятидесяти километров в секунду или немногим больше. Вычислить точно он не мог, так как не знал, с какой скоростью летел корабль в начале падения на Венеру. Но он был уверен, что эта скорость не превышала двадцати, двадцати пяти километров в секунду. Расстояние до Венеры также было известно приблизительно.

«Ну, скорее!» – хотелось ему крикнуть своему товарищу, но он молчал.

Теперь стены уже не теряли своей прозрачности. Свет и темнота не сменяли друг друга. Только вход в помещение пульта нет-нет, да и откроется. Очевидно, Второв представлял себе, как он входит в это помещение, как садится в кресло, как приказывает кораблю повернуть на девяносто градусов. Мельников с изумлением убеждался в поразительной чувствительности аппаратов фаэтонского корабля. Чудесная техника! Как будет жаль, если этот корабль погибнет, не сможет послужить моделью для будущих космических кораблей.

«Вероятно, – думал Мельников, – на Арсене найдутся материалы об аппаратах, управляемых мыслью. Не может быть, чтобы фаэтонцы не оставили указаний на этот счёт. Но всё же это совсем не то, что сами эти аппараты, сосредоточенные на корабле. Ведь их можно разобрать, наглядно увидеть, как они сделаны».

Его нетерпение всё росло. Второв не шевелился. Дверь в помещение пульта перестало открываться. Заснул он, что ли?..

– Попробуем, Борис Николаевич.

– Да, конечно!

Не следовало отвечать так поспешно, но Мельников не смог удержаться:

– Пойдёмте.

Ходить было легко. Звездолёт незаметно повернулся «дном» к Венере. По-прежнему автоматы фазтонцев работали чрезвычайно разумно.

Но и вторая попытка кончилась полной неудачей. Сразу, как только Второв сел в кресло, резкий толчок сбросил их обоих – одного с кресла, другого с мостика. Повысившаяся скорость сделала эти падения значительно более чувствительными, чем в первый раз. Они основательно ушиблись.

Второв не выдержал. Сидя на прозрачной стенке словно вися в пространстве, он закрыл лицо руками и разрыдался.

«Вот теперь, – подумал Мельников, – всё пропало! Раньше чем через полчаса он не успокоится. А тогда будет уже поздно. Мы погибли, а с нами и звездолёт».

Он не пытался утешать своего друга. Пусть выплачется, если слёзы смогут разрядить нервное напряжение, в котором он находился последний час. Некоторым людям слёзы помогают.

Он смотрел вниз, и ему казалось, что Венера стремительно надвигается на них. Сколько ещё осталось до неё? Час? А впрочем, не всё ли равно. Чем скорей они

врежутся в атмосферу, тем лучше! Предотвратить гибель невозможно...

Один час до смерти!..

Мельников мысленно перенёсся на Землю. Единственный близкий человек – Оля, как живая встала перед ним. Он увидел её улыбку, такую знакомую и родную..

«Прощай, Оля! Прощай, родная! Тяжело тебе будет перенести мою смерть. Но найди в себе силы. Ведь ты дочь и жена звездоплывателя! Будь тверда! Найди утешение в том, что я погиб во имя науки, во имя грядущих побед над космосом!.. Для человека!..»

ЭТО НАШ ДОЛГ!

Бежали минуты...

Всё быстрее и быстрее мчался кольцевой корабль фаэтонцев к Венере, чтобы там, в верхних слоях атмосферы, бесследно исчезнуть облаком раскалённых газов.

Два человека молчали. Один, зная, что их ждёт, другой, ещё не подозревая истины.

Постепенно Второв успокоился.

– Извините меня, Борис Николаевич, – сказал он. – Я постараюсь, чтобы этого больше не повторялось.

– Так надо, Геннадий. Нервное напряжение требует разрядки. Я тебя понимаю и не осуждаю.

– Я немного отдохну и попытаюсь ещё раз. В конце концов должно выйти. Сумел же я овладеть дверями и стенами... – Он посмотрел вниз. – Мы очень близки к Венере! Сколько времени в нашем распоряжении?

– Вполне достаточно, – спокойно ответил Мельников. – Видимость расстояний обманчива. Отдохни часа два. Перейдём в соседний отсек, – прибавил он. – Сделай так, чтобы стенки потеряли прозрачность. Я устал от вида пространства.

«Пусть он не видит, что до Венеры совсем близко. Внезапная смерть не страшна. Хоть один из нас будет избавлен от ожидания».

Пятиугольное отверстие «затянулось» металлом за их спиной.

Позади остался разноцветный пульт фаэтонцев, единственное, что могло бы ещё спасти их.

Мельников не пытался заставить Второва попробовать в последний раз. Это было бесполезно. Когда-нибудь из него мог бы выйти настоящий звездоплаватель, но сейчас... сейчас он ещё не был им...

Жёлто-серые стены отрезали их от внешнего мира. Не видно Солнца, не видно Венеры! В памяти Мельникова остался только безграничный облачный океан, к которому они стремительно приближались...

Он лёг в гамак и закрыл глаза.

Вот сейчас... через минуту... Скорей же, скорей! Каждый нерв, каждая клеточка его тела напряжённо ждали...

И то, что произошло, он в первое мгновение воспринял как начало конца. До самой смерти, естественной смерти на Земле, этот закалённый человек не мог без жуткого чувства вспомнить это ужасное мгновение...

Натянувшийся под его тяжестью гамак фаэтонцев

внезапно лопнул. Мельников полетел на пол. Он видел, как Второв упал и покатился к стене, а через секунду сам оказался рядом с ним.

Удар об атмосферу Венеры?.. Или...

Только одно мгновение... и глубокий вздох облегчения, вздох живого существа, вернувшегося к жизни из холодных объятий смерти, вырвался из его груди. Он понял...

Жизнь! Снова жизнь, просторная и широкая, раскрылась перед ними.

– Спасены, Геннадий! Звездолёт поворачивает. Автоматы фаэтонцев сработали сами. Ты слышишь меня Геннадий?..

Второв молчал.

Звездолёт круто сворачивал с прежнего пути. Сила тяжести была увеличена больше чем в два раза. Почему же это произошло?

Ответ напрашивался сам собой, а слова Мельникова подтверждали догадку. «Спасены!»... Но это значит...

Второв повернул голову и посмотрел в глаза своего товарища. Да, это так...

– Спасибо, Борис Николаевич! Я не забуду до конца своих дней вашего безмерного великодушия. Вы хотели, чтобы я не знал...

– Предположим, – ответил Мельников. – Что за радость мучиться вдвоём. Твоё спокойное лицо поддерживало меня. Я сделал это для себя самого.

– Вы говорите неправду.

– Предположим и это. Не всё ли равно. Когда-нибудь ты поступишь так же, и мы будем в расчёте. Сделай-ка

стены прозрачными.

Пережитое волнение помешало Второву сосредоточиться, и прошло несколько минут, пока ему удалось исполнить просьбу.

Венера по-прежнему была внизу, но не прямо под ними, а несколько сбоку. Корабль ещё не выровнялся. Но люди видели, что он удаляется от планеты, а это было главное.

– Когда никого нет у пульта, – сказал Мельников, – звездолётом управляет автопилот. Почуввав опасную близость Венеры, он самостоятельно повернул корабль в сторону. Очень умно сконструирован этот аппарат.

– Запасы энергии здесь, по-видимому, не ограничены, – заметил Второв. – Для такого огромного корабля подобный манёвр – это колоссальное количество затраченной энергии.

– Несомненно.

– Что же это за энергия?

– Узнаем впоследствии.

Они замолчали. Говорить было тяжело. Давящая тяжесть не уменьшалась.

Но минут через десять тяжесть стала заметно ослабевать. Корабль принял нормальное положение, и Мельников со Второвым лежали уже не на стене, а на полу. Ещё немного – и они получили возможность подняться на ноги.

А через час с небольшим тяжесть совсем исчезла, и кольцевой звездолёт полетел прямо, удаляясь от Венеры.

– Снова к Солнцу, – сказал Мельников.

– Пойдёмте на пульт.

– Ещё рано. Приди в себя окончательно. Хорошо бы подкрепить силы, да нечем.

Он сказал это машинально, но сразу сообразил, что голода по-прежнему не чувствует. Было такое ощущение, что он только что поел, правда, не сытно, но достаточно, чтобы не мучил голод.

В чём дело? В чём причина этого странного обмана чувств?.. После утреннего завтрака на «СССР-КСЗ» прошли почти полные сутки.

– Как ты думаешь, Геннадий, в чём тут секрет? – спросил Мельников.

– Ума не приложу, Борис Николаевич.

– И воздух, ты заметил, по-прежнему чист и свеж. А ведь мы находимся в сравнительно небольшом замкнутом помещении. Соседние отрезаны от нас непроницаемыми стенами.

– Значит, воздух возобновляется и очищается какими-то аппаратами, находящимися здесь, – сказал Второв. – И вполне может оказаться, что в него систематически добавляются питательные вещества в газообразном состоянии. Невозможного в этом нет ничего. Как-то раз Степан Аркадьевич говорил, что в космическом рейсе наш способ питания несовершенен. Полный желудок вреден при невесомости. Вероятно, фаэтонцы в полёте питались как-то иначе.

– Другого объяснения не видно.

– Чудесная наука! И она достанется нам в наследство, людям Земли.

– Для этого мы должны спасти корабль. Спасти во

что бы то ни стало. Это наш долг. Твой долг, – улыбувшись прибавил Мельников.

– Так вы окончательно считаете, что только я...

– Похоже, что так.

– Я сделаю всё, что могу. Уверен, что не поддамся больше никакой панике.

– Никакой паники и не было...

Едва он произнёс последнее слово, как резкий, огромной силы удар, словно пушечный выстрел на близком расстоянии, прервал фразу. Прямо перед ними на невидимой глазом прозрачной стенке вспыхнуло яркое пламя. Погасло, – и, словно вися в воздухе, появилось тёмное пятно, как след от ожога.

– Метеорит!

– Но он не пробил стенку!

– Ударился об неё и взорвался. Этот металл крепче стали в десятки раз.

– Металл ли это?

– Да, правильно, – ответил Мельников. – Называть это металлом неверно. Но как же тогда? Сплав, что ли? Во всяком случае эта стенка надёжно защищает нас от метеоритов. Вблизи от Солнца метеориты имеют большую скорость, но, как мы только что убедились, пробить стену не могут.

– Я думал недавно, – сказал Второв, – почему деревья Венеры не задержали корабль при взлёте. Вернее, почему они не смяли его корпуса. Сросшиеся друг с другом стволы, по два, три метра в обхвате, – чудовищное препятствие.

– Меня удивляет другое, – возразил Мельников. –

Двигатели космического корабля сильнее деревьев, – это понятно. Но почему мы не захватили с собой ни одного дерева? Вот что удивительно.

– Вероятно потому, что их корни очень крепко вросли в «землю».

– Да, и это очень важно для понимания строения этих деревьев. Разорвать сросшиеся стволы оказалось легче, чем вырвать дерево из «земли».

– Я хочу спать, – неожиданно сказал Второв.

– Очень хорошо, – ответил Мельников. – Это самое лучшее.

«Как странно, – подумал он. – Геннадий сказал это в тот самый момент, когда я сам почувствовал желание заснуть. Неужели и тут проявляется наука фаэтонцев?»

Всё было возможно на этом корабле, построенном существами, разум которых далеко превзошёл своим развитием разум людей. Они находились среди будущей техники, будущей науки, будущих способов применения этой науки для нужд человека. Они находились в мире Фаэтона, а не Земли. Гадать было бесполезно, приходилось повиноваться законам жизни фаэтонцев.

«Становится понятным, как мы смогли заснуть сразу после катастрофы. В обычных условиях это вряд ли могло удасться».

Второв «затемнил» стены. Сон надвигался на них непреодолимо. Глаза сами собой закрывались. Едва коснувшись сетки гамаков, они заснули мгновенно.

Кольцевой звездолёт летел в пространстве от Венеры к Солнцу. «Разумные» механизмы зорко стерегли его безопасность. Они вели корабль более точно, более

надёжно, чем мог бы это сделать человек. Двое людей могли спать спокойно, им ничто не угрожало. Если встретится препятствие, крупный метеорит, звездолёт уклонится от встречи. Он маневрирует точно, безошибочно и осторожно, чтобы не пострадали те, кто находился в нём.

Человек подвержен усталости, по тем или иным причинам может потерять ясность мысли, может допустить ошибку. Машина не устаёт, не ошибается. Она всегда «внимательна», всегда точна, никогда не теряет «ясности мысли». И она «соображает» неизмеримо быстрее человека. Электронно-счётная машина производит сложнейшие вычисления со скоростью, которая никогда не будет доступна человеку. Силой своего разума создав такие машины, человек превзошёл самого себя.

Совершенная машина – вернейший и надёжнейший друг и помощник, который никогда не изменит и никогда не подведёт своего создателя. На неё всегда можно положиться.

Они спали, как и в первый раз, ровно восемь часов и проснулись одновременно.

– Теперь за работу, – сказал Мельников.

Оба были полны сил. Казалось, что неистощимая энергия бьёт через край, наполняет всё тело. Никогда они не чувствовали себя так бодро. И по-прежнему не было никаких признаков голода. Больше того: они давно не пили, но жажда их не мучила.

Чем и как фэтонцы кормили и поили своих невольных гостей? Немыслимо было догадаться об этом.

– За работу! – сказал и Второв.

И потянулись часы, незаметно слагавшиеся в сутки. Два человека, два обычных представителя человеческого рода, такие же, как миллионы и миллионы их собратьев, жили фантастической жизнью на фантастическом корабле. Они спали в определённые часы, спали, помимо своей воли и желания. Они ничего не ели и ничего не пили, но не испытывали ни голода, ни жажды. Их силы не только не убывали, а возрастали.

Звездолёт метался между Венерой и Солнцем. Постепенно Второв всё более уверенно маневрировал непонятными ему рулями корабля, заставляя его менять скорость и направление. Всё реже и реже звездолёт отказывался повиноваться его мысленным приказам. Человек Земли становился господином фаэтонской техники.

Оба друга неотлучно находились возле пульта или в помещении рядом с ним. Выйти в другие отсеки, осмотреть корабль Мельников не разрешал. Он не хотел рисковать. Здесь они как-то уже освоились. Что могло случиться с ними в других помещениях, никто не знал. «Фаэтонец» был вполне способен поднести им неожиданный сюрприз.

– Пора принимать решение, – сказал Мельников, когда в непрерывных «учебных манёврах» прошло несколько суток. – Куда мы направимся?

– Вы хотели вернуться на Венеру.

– Хотел, но сейчас, мне кажется, это неразумно. Тогда мы думали, что нам угрожает голод. Лететь на Землю казалось невозможным. Теперь мы знаем, что

голод не угрожает. Не лучше ли направиться к Земле?

Говоря это, он с некоторой тревогой думал о том, как рассчитать маршрут, не имея в распоряжении ни счётных машин, ни каких-либо приборов. Не было и телескопа для визуальных наблюдений. Оптические приборы или что-нибудь заменяющее их несомненно были на звездолёте, но как их найти? Он знал одно – во что бы то ни стало он обязан довести корабль до Земли.

– Но наши товарищи на Венере... – нерешительно начал Второв.

– Они нас давно похоронили, – перебил Мельников. – Мы должны сейчас думать только о безопасности звездолёта. Он ценнее чувств. Одно дело совершать манёвры в пустом пространстве и совсем другое – совершить спуск на планету. Это очень сложный и очень опасный манёвр. Если корабль будет повреждён или даже разобьётся на Земле – это одно, а если он разобьётся на Венере – другое.

– В таком случае, летим на Землю.

– Ты думаешь, это так просто? А как её найти? Как выдержать правильное направление? Без приборов, без наблюдений? Я потому и колеблюсь, что не уверен в себе. Вот если бы на моём месте был Константин Евгеньевич...

– Так что же делать?

– Только одно – лететь на Землю, – сказал Мельников, совершенно непоследовательно, но вполне логично по отношению к тому внутреннему процессу, который происходил в нём. «Трудно. Да, очень трудно, но необходимо. Значит, надо совершить невозможное, но

спасти для науки звездолёт фаэтонцев. Надо, во что бы то ни стало».

– Лететь на Землю, – повторил он. – Только на Землю.

– Ведь мы её видим, – сказал Второв. – Можно направить корабль в нужную сторону.

– Это только на море, Геннадий, совсем просто направить корабль к берегу. Берег никуда не убежит, а Земля бежит, и бежит быстро. Между нею и нами почти пятьдесят миллионов километров. Это что... Девяносто шансов из ста, что мы проскочим мимо с любой из сторон и на неизвестном расстоянии. Конечно, – продолжал он, словно убеждая самого себя, – мы можем изменить направление полёта и снова проскочить мимо. И так до бесконечности. А где гарантия, что двигатели способны работать без конца? Где гарантия, что мы и дальше будем сыты воздухом? Но выбора нет. Летим!

В эту минуту Мельников нисколько не думал о их собственной судьбе. Он не верил, что Второв сумеет посадить тяжёлый корабль на поверхность планеты. Нет, конечно, они разобьются о Землю. Именно поэтому он не допускал мысли о посадке на Венеру, до которой было сравнительно близко. Обломки звездолёта на Венере совершенно бесполезны. Те же обломки на Земле могут принести пользу. «Это наш долг, – подумал он. – Или мы достигнем каким-нибудь чудом Земли, или навеки затеряемся в пространстве. Другого ничего нет».

– На Землю!

– Летим на Землю, – покорно согласился Второв. Он

не испытывал никаких сомнений. Его вера в Мельникова была непоколебима: Борис Николаевич всё может. – Когда мы приблизимся к ней, нас заметят...

Что! Что сказал Второв?! Мельникову показалось, что его ударило электрическим током «Заметят...» Ну конечно заметят! Уже заметили, заметили давно. Мощные телескопы земных обсерваторий не могли не открыть астрономам, что возле Венеры появилось неизвестное тело. А если Белопольский поднял «СССР-КСЗ» и сообщил на Землю о случившемся, там уже знают, что представляет собой это неизвестное тело. Как он мог забыть об этом?.. Это совершенно меняет всю обстановку...

– Недаром говорят, что один ум хорошо, а два лучше, – сказал Мельников. – Я грубо ошибся, говоря, что у нас мало шансов. О нет, их много, Геннадий! Ты рассеял мои последние сомнения. На Землю! Навстречу нашим друзьям! А я просто осёл и больше ничего...

– Объяснитесь! – попросил Второв, ещё ничего не понимая.

– Всё очень просто. Мы не одни. Сотни глаз следят за нами. Сергей Александрович Камов всё знает. Дело спасения звездолёта в его руках. Ты сказал, что нас заметят. Нет, Геннадий, нас уже заметили. И я не сомневаюсь, что приняты нужные меры. Летим к Земле. Нам навстречу вышлют помощь.

Второв понял.

– Но, если это так, – сказал он, – почему же до сих пор «СССР-КСЗ» не догнал нас?

– Потому что, поднявшись с Венеры вдогонку за

нами, он сообщил о нашей гибели и вернулся на Венеру. Связь прервалась. А получив сообщение, земные обсерватории начали поиски и обнаружили нас. Манёвры, которые ты производил, должны были навести на мысль, что мы оба живы. Образ действий напрашивается сам собой. К нам направят, если уже не направили, звездолёт с Земли. Летим же к нему навстречу.

И кольцевой корабль повернул в сторону Земли.

Они даже не подозревали, в какое отчаяние привели своих друзей на «СССР-КСЗ» этим очередным поворотом. Они не знали, как близка была помощь. Сохранили они прежнее направление полёта ещё на несколько часов, и их одинокая эпопея подошла бы к концу, – оба корабля встретились бы. Но они с лёгким сердцем повернули, уходя от тех, с кем так страстно желали встретиться.

А в это время в рубке «СССР-КСЗ» Белопольский слушал приказ Камова. Земля считала дальнейшую погоню нецелесообразной. Экипаж звездолёта вынес слишком тяжёлую нагрузку, семь раз совершая опасные повороты. Земля предлагала немедленно лететь «домой».

– Я понимаю, – заканчивал Камов свою передачу, – как вам тяжело выполнить это распоряжение. Поверьте, что и нам не легче. Но это необходимо. Нельзя рисковать всем экипажем. «Фаэтонец» как будто повернул к Земле. Но он делал это уже несколько раз. Правительственная комиссия склоняется к тому, что кораблём никто не управляет. Он мечется под действием автоматов, которые за тысячи лет испортились и потеряли

чёткость в работе. Если бы Мельников и Второв были живы, они должны были догадаться, что замечены с Земли, и ожидать помощи, а не метаться, затрудняя задачу. Я лично придерживаюсь другого мнения, но большинство решило так. Поворачивайте к Земле, Константин Евгеньевич. Перехожу на приём.

– Ваш приказ выполняется, – коротко ответил Белопольский.

И измученный экипаж «СССР-КСЗ», с болью и отчаянием в душе, получил, наконец, возможность отдыха.

А Мельников радостно и спокойно заканчивал весьма приблизительно (он не знал основных данных) расчёт их пути.

С какой скоростью летел их корабль? Он этого не знал. Все ориентиры так далеки, что даже на глаз нельзя было этого определить. Им казалось, что звездолёт неподвижно висит в пространстве. Далёкой точкой блестяла Земля. Но они были теперь уверены, что от этой точки летит к ним другой корабль, командир которого знает всё.

– Нам нужно лететь прямо, – говорил Мельников. – По направлению к Земле. Если взятое направление даже и неверно, это не беда. Звездолёт с Земли всегда может маневрировать так, чтобы встретиться с нами. Прямое наше направление облегчит им задачу.

– А скорость? – спрашивал Второв.

– Будем надеяться, что наша скорость не чрезмерна и доступна кораблям Земли.

– Через сколько времени мы сможем встретиться с

ними?

– Это трудно сказать. Во всяком случае, не раньше чем через восемь, девять суток.

– Такой срок мы сможем выдержать, даже если бы фаэтонцы нас не кормили, – сказал Второв.

Он пристально всматривался сквозь прозрачную стенку отсека, словно надеясь увидеть за десятки миллионов километров желанный корабль, несущий им спасение. Он смотрел в сторону Земли.

Но если бы он повернул голову и посмотрел направо, то всё равно не смог бы увидеть другой корабль – «СССР-КСЗ», который, выполняя приказ Земли, закончил свой последний поворот и находился сейчас сравнительно недалеко от них.

Если бы на Земле могли знать, что «фаэтонец» не будет больше менять направление полёта!..

ЗАКОН ПУСТОТЫ

Очевидно, питаться «воздухом» можно было не слишком долгое время. Мельников и Второв не то чтобы почувствовали голод, нет, его по-прежнему не было, но им становилось ясно, что повышенная бодрость сменяется постепенно упадком сил. Появилось и стало быстро усиливаться неприятное ощущение в желудке, потом боли. Энергия сменилась вялостью. Они часто засыпали в неположенное время и просыпались с трудом, медленно приходя в сознание. И самый сон больше походил на болезненное забытьё, чем на нормальный сон здорового человека. Пища фаэтонцев пе-

реставала действовать.

– А может быть, её запасы иссякли, – предположил Второв.

Это было вполне возможно.

Они были людьми, а не фаэтонцами. Желудок человека требует наполнения, он так устроен природой. Питаться невесомой пищей, как бы питательна она ни была, человек не может. Было очень странно, что до сих пор в течение нескольких суток эта «пища» удовлетворяла потребности их организма.

И, что было ещё хуже, их начала мучить жажда.

Звездолёт летел с неизвестной им скоростью по раз заданному направлению. До Земли было огромное расстояние. А жажда будет возрастать с каждым часом...

– Плохо наше дело, – сказал Мельников. – Возвращаться на Венеру уже поздно.

Второв ничего не ответил.

Стенки отсека закрыты. Не на что смотреть, кругом только звёзды! «Висеть в пустоте» утомительно...

Оба неподвижно лежали на фаэтонских гамаках, почти не разговаривая друг с другом. Не о чем было говорить. Обои все сильнее овладевала апатия, полное равнодушие ко всему. Они потеряли счёт времени.

Только раз это дремотное состояние было нарушено неожиданным поворотом корабля. Он был плавлен и осторожен, но возникшая на короткое время сила тяжести позволила им догадаться о повороте.

– Вероятно, навстречу попался крупный метеорит, – сказал Мельников.

«Жаль, – подумал Второв, – что звездолёт уклонился от встречи. Наши мучения сразу бы окончились».

И снова наступило молчание, полусон, полубодрствование.

Даже мысль, что поворот мог изменить направление полёта и корабль летит сейчас в другую сторону, не пришла им в голову. Даже это было им совершенно безразлично.

Состояние, в котором они находились, несомненно привлекло бы внимание Мельникова, если бы он мог рассуждать с обычной ясностью мысли. Оно было совершенно неестественно, голод не мог до такой степени затуманить мозг. Но он не думал об этом, не мог думать.

Они находились во власти непонятной и необъяснимой силы, постепенно гасящей и мысли и ощущения. Медленно, но неотвратно надвигался непробудный сон... Может быть, смерть? Всё было возможно...

Огромным усилием воли Мельников стряхнул с себя оцепенение. Прислушался.

Нет, это не галлюцинация слуха! Где-то что-то настойчиво стучало. Громче, тише... опять громче...

– Геннадий, ты слышишь?

Второв открыл мутные глаза:

– Мерещится.

– Очнись, Геннадий! Слушай... Опять...

Теперь стучало явно в другом месте. Как будто ближе.

– Что это?

Оба окончательно проснулись.

Стук прекратился. Потом он раздался снова, и опять в

другом месте.

В этом непонятном стуке была какая-то система. Звуки были различной силы.

Тук... Тук... И, гораздо короче, отрывистое – тук. Пауза. Тук... Тук, тук. Снова пауза. Тук... Более длительная пауза и снова: Тук... Тук, тук...

– Точно телеграфный ключ, – сказал Мельников.

Второв вздрогнул от пришедшей в голову мысли.

– Может быть, это корабль с Земли, – нерешительно сказал он.

Мельников огляделся. Тщетно! Ничего не было, чем можно было бы постучать в стену. Да и зачем стучать? Если это человек, то он находится в безвоздушном пространстве, а в нём нет звуков.

– Стены! – отрывисто приказал он.

Второв попытался сосредоточиться. Ничего не получалось. Его мысли всё ещё туманила пелена сна. Ему мучительно захотелось, чтобы голова стала хоть на мгновение ясной...

И снова, с потрясающей отчётливостью, проявилась бездонная пропасть, отделяющая науку Фаэтона от науки Земли. Это уже выходило за рамки мыслимой техники... Струя чистого кислорода вошла в лёгкие. Незнакомый запах, чуть-чуть напоминавший запах нашатыря, появился и сразу исчез. Мысли прояснились, как по волшебству. Ни малейшего следа полубессознательного состояния. Они «воскресли»!

Второв растерянно посмотрел на Мельникова. Он был ошеломлён. Его желание было исполнено мгновенно и точно.

– Стены, – повторил Борис Николаевич.

Так же, как Второв, он почувствовал неожиданное пробуждение, но не обратил на это никакого внимания. Его целиком поглотило нетерпение. Видеть! Как можно скорей видеть, что происходит снаружи!

Стук опять прекратился.

И вдруг раздался совсем рядом. Тук... Тук, тук...

Кто-то стучал металлическим предметом в стенку отсека, где они находились.

Тук... Тук, тук... Удары были резки, отрывисты и повторялись в одной и той же последовательности.

Сомнения рассеялись! Там, за стенкой, совсем близко был человек!

– Стены, Геннадий!

Казалось, Второв не слышал. Он напряжённо прислушивался, что-то шепча побледневшими губами.

– Где... вы... Где... вы. Где вы... Вот, что они стучат! Это азбука Морзе. Где вы?..

Мельников ударил по стенке кулаком. Стук снаружи сразу прервался. Потом с лихорадочной быстротой застучал снова.

– «Вы... живы?.. – переводил Второв. – Отвечайте!»

– Стены, Геннадий! – молящим голосом в четвёртый раз повторил Мельников.

И сразу исчезла из глаз жёлто-серая стена. Распахнулся простор звёздного мира, и в метре от себя они увидели человека в пустолазном костюме, чем-то ярко освещённого. Сквозь прозрачный шлем на них смотрел Александр Князев.

– Саша!

Второв кинулся, точно собираясь обнять друга.

– Он нас не видит, – сказал Мельников. Ты забыл, что стенки этого корабля прозрачны односторонне.

И действительно, молодой механик ничем не выразил радости. Он смотрел как будто на них, продолжая выстукивать всё тот же вопрос: «Вы живы? Отвечайте!»

Не корабль с Земли, специально посланный за ними, а именно «СССР-КСЗ» пришёл им на помощь. Как это случилось? Откуда он взялся?..

Мельников и Второв одновременно повернули головы в ту сторону, откуда лился яркий свет прожектора.

Совсем близко, будто прижавшись к наружной трубе кольцевого корабля, перед ними темнел, закрывая звёзды, исполинский корпус родного звездолёта. Сквозь окна освещённой обсерватории были видны головы нескольких человек, очевидно следивших за Князевым.

И бурное волнение, овладевшее обоими пленниками фаэтонцев, сменилось спокойной радостью, – кончились все мучения!

«Корабль фаэтонцев теперь спасён!» – подумал Мельников.

– Отвечай! – сказал он Второву своим обычным невозмутимым тоном. – Отвечай ему. А то он перейдёт на другое место.

Отвечать! Князев совсем близко, между ним и стенкой корабля несколько сантиметров, но это сантиметры пустоты. Хоть из пушки стреляй, он ничего не услышит.

– Разве ты не видишь, – сказал Мельников, словно угадав мысли Второва, – что Саша держит руку на

стенке. Он почувствует звук. Этого вполне достаточно.

– Чем же стучать?

Мельников достал пистолет:

– Стучи этим.

Второв хорошо знал азбуку Морзе.

– Мы живы, – отстучал он. При первом же ударе они увидели, как Князев вздрогнул, он «слышал». – Мы живы и здоровы. Видим тебя. Спасибо, дорогие друзья.

Князев слегка повернул голову. Его губы шевелились, он говорил со звездолётом.

– Можно ли войти к вам? – дробный стук выдавал волнение молодого звездоплывателя.

Мельников задумался.

Дверь центрального шара можно открыть снаружи. Но оттуда немедленно вылетит весь воздух. Возобновится ли он, когда вход закроется? Но если и не возобновится, то шар наполнится воздухом изнутри корабля, как только будет открыт проход в радиальную трубу... Как будто никакой опасности нет.

Он сам простучал Князеву: «Можно».

– Сейчас ко мне присоединятся Пайчадзе и Андреев, – последовал быстрый ответ. – Тогда мы и войдём к вам. Потерпите ещё немного. Андреев принесёт с собой воду.

Вода!

Только услышав это короткое слово, прозвучавшее тире и точками, они почувствовали внезапную и острую жажду. Сразу пересохло горло, и невыносимо долгими показались предстоящие минуты ожидания.

Почему же до этого они не чувствовали жажду так

мучительно?..

Вода! Чудесный напиток, данный людям матерью-природой! Самый лучший и самый вкусный напиток в мире!.. Скорее...

Они видели, как появился в тёмном теле звездолёта освещённый прямоугольник двери выходной камеры. В луче прожектора вылетели две фигуры и стали быстро приближаться. Зеленоватая струйка газа отмечала их путь. Для передвижения в пустом пространстве звездоплаватели пользовались силой отдачи газовых «пистолетов».

Первый раз в жизни Второв наблюдал эту фантастическую картину. Оба звездолёта продолжали мчаться вперёд с трудновообразимой скоростью. Между ними, ничем не связанные, свободно передвигались, не отставая, три человека в огромных и неуклюжих костюмах.

Второв хорошо знал железный закон инерции. Он мог бы сам с исчерпывающей полнотой разъяснить любому, как это происходит и почему люди, оторвавшиеся от своего корабля, продолжают двигаться с ним вместе.

Но знать это совсем не то, что видеть своими глазами, как в реальной действительности проявляет себя хорошо известный физический принцип. Ведь он никогда не наблюдается на Земле в таком чистом виде.

И молодой инженер, затаив дыхание, следил за движениями товарищей. Он не боялся, что они вдруг отстанут от кораблей и в одно мгновение исчезнут в пространстве. Он знал, что этого не может произойти в абсолютной пустоте. Знал, но всё-таки... немного бо-

ялся. Очень трудно отрешиться от привычных представлений.

Князев не видел их. Для него стенка корабля не была прозрачна. Но он знал, что Мельников и Второв видят его. И, прежде чем направиться к своим товарищам, он помахал рукой и улыбнулся по тому направлению, откуда слышал стук и где, как он думал, находились потерянные и вновь обретённые друзья. По странной случайности, его приветственный жест пришёлся как раз в их сторону, – настолько точно, что Мельникову и Второву на мгновение показалось, что Князев не может не видеть их. Бывает же так!

Они повернулись к другой стене, откуда можно было видеть центр фэтонского корабля. Кнопки входа были бы видны, если бы в их распоряжении находился бинокль. Но и без бинокля Мельников хорошо знал, где они находятся.

«СССР-КСЗ» светом своего яркого прожектора освещал теперь центр фэтонского звездолёта. Пайчадзе, Андреев и Князев, собравшиеся возле него, выглядели блестящими мотыльками, вьющимися у зажжённой лампы.

– Пойдёмте к ним навстречу, – предложил Второв.

– Да, конечно, – ответил Мельников. – Без тебя они не смогут открыть дверь в радиальную трубу. Я думаю, что воздух не слишком разрежится, когда ты это сделаешь. Объём центра гораздо меньше объёма трубы.

– А вы не думаете, что дверь совсем не откроется, если в центре будет пустота?

– Нет, фэтонцы должны были предусмотреть выход

из корабля в пустоте. Центральный шар играет роль нашей выходной камеры. Я даже думаю, что воздух наполнит его сразу, как только закроется наружная дверь.

– Пойдёмте.

И в первый раз после старта с Венеры Мельников и Второв покинули помещение возле пульта. Товарищи были рядом, теперь они ничего не опасались.

Двери послушно и чётко открывались одна за другой, подчиняясь уже опытной и уверенной команде Второва. Стенки радиальной трубы стали прозрачны, как только они вошли в неё.

Друзья остановились возле последней стенки. За нею находился центр. Войти в него, не имея пустолазного костюма, было равносильно самоубийству. Наружная дверь сейчас откроется, и в нём образуется вакуум. Незащищённое тело человека было бы разорвано силой внутреннего давления.

Теперь они видели трёх своих товарищей, пришедших к ним на помощь, совсем близко. Князев как раз положил руки на квадраты. Средний пятиугольник, очевидно, был уже повернут нужным образом.

– Борис Николаевич, – сказал Второв, – у них ничего не выйдет.

– Почему? – Мельников не сразу понял.

– Потому, что квадраты поддаются только очень сильному нажиму...

– Верно, Геннадий! Вот этого они не предвидели.

Очевидно, трое звездоплавателей, находящихся снаружи, сообразили, что им никак не нажать на квад-

раты. Было видно, как они оживлённо переговаривались между собой, а возможно, и со звездолётом. Задача, действительно, казалась неразрешимой.

В пустоте при равномерном прямолинейном движении человек ничего не весит. Мышечная сила его рук оставалась прежней, но как употребить её в дело, если не на что опереться, если нет точки опоры. Гладкие стенки центрального шара не имели ни одного выступа, кроме самих квадратов. Но как раз на них-то и нужно было нажать, и нажать очень сильно.

– Может быть, наружную дверь можно открыть изнутри мысленным приказом? – сказал Второв.

– Вряд ли! Но попробуй!

Как и следовало ожидать, из этой попытки ничего не вышло. Как бы ни была дисциплинирована мысль фэтонцев, они не могли допустить риска гибели всего экипажа от нечаянной мысли одного человека. Наружная дверь открывалась только механически. Её можно было открыть изнутри шара, но для этого надо было пройти в него, чего не могли сделать ни Мельников, ни Второв, – пустолазных костюмов у них не было.

– Скверная история! – сказал Мельников.

Второв постучал в стену, но никто из троих не касался корабля и, разумеется, не услышал стука.

– Что они будут делать?

– Не знаю, но что-нибудь придумают обязательно. Это не такие люди, чтобы отступить перед трудностями.

Трое звездоплывателей как будто совещались. Потом Пайчадзе что-то сказал, очевидно Белопольскому, так как повернул голову к звездолёту. Выслушав ответ, он кивнул и произнёс:

– Хорошо!

Это слово Мельников и Второв легко прочли по

движению его губ.

Наступила пауза. Трое людей снаружи и двое внутри молчали.

Прошло минут двадцать.

Четвёртая фигура, оставляя за собой зелёный след, подлетела к центру. Мельников и Второв узнали Романова. В его руках был моток тонкого стального троса.

– Ну ясно, – сказал Мельников. – Просто и естественно.

Как выяснилось впоследствии, выход из положения сразу пришёл в голову всем звездоплавателям, кроме Мельникова и Второва. Они оба никак не могли понять, когда всё кончилось, почему такая простая мысль ускользнула от них.

Трос перекинули через радиальную трубу; вернее, не перекинули, а обнесли вокруг трубы его конец. Такая же операция была проделана с другой стороны центрального шара. Щёлкнул карабин замка, и образовалась двойная петля – великолепная точка опоры.

Князев поместился между тросом и стенкой. Опираясь на неё ногами, а спиной на трос, он получил возможность нажать на квадраты изо всех сил, лучше, чем стоя на Земле.

Разум человека сумел обойти закон пустого пространства.

Потускнела, «растаяла» и исчезла пятиугольная дверь. Её жёсткий металл превратился в пустоту. И такая же пустота должна была неизбежно возникнуть и внутри гранёного шара – центра звездолёта.

Должна, но возникла ли?..

То, что произошло вслед за тем, как открылся вход, заставило звездоплывателей усомниться в этой, казалось бы бесспорной, истине.

Мельников и Второв видели, как Пайчадзе, оттолкнувшись от того же троса, подлетел к двери с очевидным намерением «войти». Но тотчас же, словно натолкнувшись на невидимую упругую преграду, далеко отлетел в сторону.

Князев последовал за ним и также был отброшен назад.

Вход на космический корабль фаэтонцев казался открытым. Лучи ламп на шлемах свободно проходили сквозь него. Была видна каменная чаша и остроугольные грани стен. Но что-то непонятное и совершенно невидимое мешало людям проникнуть внутрь.

Что это было? Ведь на Венере ничто не помешало войти. Откуда появилось это препятствие?

Ответ напрашивался сам собой и, как оказалось впоследствии, был правильным. На этот раз догадка возникла у всех одновременно.

«Милые, мудрые фаэтонцы!» – когда-то сказал Второв. Они действительно были очень мудры. Высочайших вершин достигла наука погибшего мира. И верная спутница науки – могучая техника давала возможность фаэтонцам с лёгкостью решать труднейшие задачи.

Так было и с защитой звездолёта от пустоты. Не понадобились выходные камеры с двойными дверями. Ненужными оказались фильтровальные установки. Мельников и Второв могли находиться в центральном шаре при открытой двери без защитных костюмов.

Воздух звездолёта не мог уйти наружу. Даже в пустоте.

Пайчадзе и Князев вернулись обратно. Потом Князев уцепился ногами за трос, а руками за порог двери. По этому живому мосту Пайчадзе снова приблизился к пятиугольному отверстию. С видимым трудом он преодолел «пустоту» входа и оказался внутри. За ним, тем же способом, проник и Андреев.

Романов и Князев остались снаружи. Очевидно, таков был приказ Белопольского, боявшегося рисковать несколькими людьми сразу.

Пятиугольная дверь затянулась металлом и исчезла.

Было совершенно ясно: на месте двери образовалась плотная завеса из чего-то прозрачного, как воздух, но непроницаемого для воздуха. Этой завесой фаэтонцы защищали свой корабль от пустоты. Человек мог пройти через этот вход, хотя и с трудом, но воздух не мог. Это было просто и удобно. Никаких тамбуров.

Чем же была заполнена видимая пустота отверстия? Как и на все загадки фаэтонцев, ответ на этот вопрос мог быть получен только на Земле, да и то не наверное. Велика была разница между наукой Земли и наукой Фаэтона. Кто знает, в каком веке люди достигли бы той же степени развития! Трудно сразу одним скачком преодолеть такое большое расстояние. Весь мир фаэтонцев был гораздо старше.

Второв открыл дверь между центром и радиальной трубой.

Железные, в буквальном смысле слова, объятия едва не задушили его и Мельникова.

Ни слова не сказав, «хозяева» сняли с головы своих

гостей прозрачные шлемы.

– Не тревожьтесь, – сказал Мельников. – Воздух этого корабля совершенно для нас безвреден.

– Я это сам вижу, – ответил Андреев, с изумлением глядя на «фаэтонцев». – Вижу и ничего не понимаю. Мы ожидали найти вас умирающими от голода. Но по вашему виду этого не скажешь.

– Мы умираем от жажды. Давайте воду!

– Пожалуйста! – Андреев открыл металлическую сумку, висящую на его плече. Мельников увидел в ней полный набор для оказания первой помощи. Появилась большая фляжка. – Пейте сколько хотите. Но я всё же не вижу у вас признаков десятидневной жажды.

– Их и не может быть. – Пока Второв утолял жажду, Мельников кратко рассказал, чем они «питались» всё это время.

– Объяснить это «чудо» я не могу, – закончил он.

– Да, мудрено, – улыбнулся Пайчадзе.

– Чёрт возьми, – сказал Второв, – я и не заметил, как выпил всю воду.

На его лице были растерянность и смущение.

– Ничего, – ответил Андреев. – Я сказал, пейте сколько хотите.

Он вынул вторую фляжку и протянул её Мельникову. Борис Николаевич с наслаждением прильнул к ней. Когда он отнял флягу от губ, она была пуста.

– Хотите ещё?

– Нет, спасибо, но не вредно бы и съесть что-нибудь.

– Вот уж тут я не дам вам воли. – Андреев протянул им по два тонких ломтика консервированной ветчи-

ны. – Съешьте это, и пока достаточно. А затем, по очереди, на звездолёт. В госпиталь.

– Не выйдет! – сказал Мельников. – Мы здесь, и останемся здесь до прилёта на Землю. Кроме Второва, никто не может управлять этим кораблём. Вы дадите нам продукты и навигационные приборы...

– Не говори чепухи, – вмешался Пайчадзе. – Константин Евгеньевич приказал доставить вас на корабль. А этот... пропади он пропадом.

– Не сердись, Арсен, – очень серьёзно сказал Мельников, – но если кто из нас говорит чепуху, так это именно ты. Этот корабль – самое ценное из всего, что мы нашли на Венере. Это неоценимое сокровище. Нельзя допустить его гибели. Мы должны доставить его на Землю во что бы то ни стало.

– Отправляйся на звездолёт. Говори с Белопольским. Кстати, он ждёт тебя с большим нетерпением.

– Наденьте мой костюм, – прибавил Андреев. – А мы будем ждать вас здесь.

Доктор был одного роста с Мельниковым, и его пустолазные доспехигодились вполне. В костюме Пайчадзе ни Мельников, ни Второв не могли бы забраться.

ОТРЕЧЕНИЕ

Мельников уже не однажды находился в пустом пространстве. Ощущение свободного полёта, вдали от корабля, было ему хорошо знакомо. Но это возвращение на свой звездолёт после всего, что пришлось пережить, – на звездолёт, которого он уже почти не на-

деялся увидеть, не могло не взволновать его. Всё, что происходило сейчас, было слишком необычайно.

Его сопровождал Романов. Князев один остался у входа на «фаэтонец». Мельников уже знал, что это название твёрдо укоренилось на Земле за их кораблём.

Его рука дрогнула, коснувшись такой знакомой, «земной» кнопки. Вздох облегчения вырвался из груди, когда стены выходной камеры сомкнулись вокруг них обоих. Сейчас он увидит родные лица товарищей!..

Как долго, как медленно наполняется воздухом камера!..

Подлетая к звездолёту, он заметил, что «СССР-КСЗ» действительно плотно прижат к наружному кольцу «фаэтонца» и даже привязан к нему тросом. Когда это сделали? Как жаль, что не пришлось увидеть ни ему, ни Второву, как подлетел к ним корабль. Они находились в полусонном состоянии и не интересовались тем, что могло происходить снаружи. Жаль, очень жаль! Полезно и поучительно было бы наблюдать этот манёвр исключительной трудности и сложности.

«Вот где подлинное мастерство! – подумал Мельников. – Далеко мне до Белопольского».

Он не завидовал командиру «СССР-КСЗ», а восхищался им, почти как самим Камовым. Настоящие люди! У них есть чему поучиться!

Вспыхнула зелёная лампочка. Открылась внутренняя дверь...

Наконец-то дома!..

Их встретил один только Коржевский. Мельников догадался, что встречать больше некому. Белопольский,

разумеется, неотлучно на пульте. Зайцев там же. Топорков у рации. На борту звездолёта осталось всего четыре человека.

Биолог ничем не выразил удивления при виде Мельникова. Только чуть заметная бледность показала его волнение. Он помог им раздеться.

– Вы живы! – сказал он, обняв освобождённого от доспехов Мельникова. – Надеюсь, что оба? Очень хорошо!

– Константин Евгеньевич на пульте?

– Да, он там уже десять часов. Мы догнали вас три часа тому назад. Было очень трудно приблизиться к вам.

– Представляю! – сказал Мельников.

Он находился в непривычном для себя состоянии растерянности и даже не заметил, что оттолкнулся ногой не от стены, как это следовало сделать, а от Коржевского. Биолог отлетел к двери выходной камеры, но Мельников и этого не видел. Он спешил к Белопольскому.

Вот и круглая дверь рубки управления. Не думал он попасть сюда так скоро! Над дверью зелёная лампочка – войти можно.

И, едва успев «переплыть» порог, Мельников оказался в крепких объятиях. Очевидно, Белопольский ждал его у самой двери.

Но он ли это? Что случилось? Почему лицо учителя и друга так исхудало? Почему прибавилось столько морщин? Неужели он управляет звездолётом будучи болен? И слёзы, открыто текущие по щекам, так странно, так необычайно видеть на суровом лице...

– Что с вами, Константин Евгеньевич?

– Борис, прости меня! – сказал Белопольский. – Прости за все муки, которые я причинил тебе и Геннадью.

– Я не понимаю вас, Константин Евгеньевич. За что простить? Наоборот, я должен благодарить вас. Вы пришли к нам на помощь как раз тогда, когда это было нужно.

Привычным усилием воли Белопольский успокоился.

– Поймёшь, когда узнаешь всё, – сказал он – Рассказывай! А где же Второв?

– Он остался. Пустолазный костюм Пайчадзе для него не пригоден. Но всё равно, я не позволил бы ему покинуть звездолёт.

– Да, верно. Я упустил из виду, что Второв гораздо крупнее Пайчадзе.

Не веря ушам, Мельников вопросительно посмотрел на Зайцева, который у пульта ожидал своей очереди обнять спасённого товарища.

«Упустил из виду... Кто?.. Константин Евгеньевич?! Что у них стряслось?» – с тревогой подумал Мельников.

Зайцев приложил палец к губам.

– Разрешите поздороваться с Константином Васильевичем.

– Ну разумеется. Извини!

«Положительно он не тот. Но что же всё-таки случилось?»

Ему хотелось спросить Зайцева, но он хорошо знал, как тонок слух Белопольского. Нельзя спрашивать даже шёпотом. Предупреждающий знак инженера был дос-

таточно ясен.

– У вас совсем неизнуренный вид, – сказал Зайцев, – это очень странно.

– Сейчас я вам всё расскажу. Есть у нас время, Константин Евгеньевич?

– Сколько угодно. Но как там Второв?

– Он так же, как и я, в превосходном состоянии. Пока я здесь, он покажет Пайчадзе и Андрееву наш «фаэтон-ец». Тем более, что только он один и может это сделать.

Казалось, Белопольский не обратил никакого внимания на эти слова, которые должны были удивить его. Он что-то обдумывал, сдвинув брови и пристально глядя на экран, где отчётливо виднелся центр фаэтонского звездолёта и возле него крохотная фигурка Князева.

– Ваш корабль маневрирует самостоятельно?

– Только при встрече с крупным телом. Например, с метеоритами.

– Как раз этого я и опасаясь, – сказал Белопольский. – Константин Васильевич, – обернулся он к Зайцеву, – соединитесь с радиорубкой. Надо сказать Князеву, чтобы он не выпускал из рук троса. Пусть держится крепко. Внезапный поворот возможен в любую минуту.

– Не лучше ли Саше вернуться сюда. У «фаэтонца» ему нечего делать, – сказал Мельников.

– Да? Тебе лучше знать. Пусть возвращается.

Зайцев включил внутренний экран. Появилось лицо Топоркова. Он приветствовал Мельникова улыбкой.

Зайцев передал ему распоряжение Белопольского.

В рубку управления вошли Романов и Коржевский.

Со смутной тревогой пять человек наблюдали за Князевым, который, как им казалось, очень медленно приближался.

А что если именно сейчас навстречу двум звездолётам мчится крупный метеорит? Что если «фаэтонец», почуяв его близость, начнёт поворот? С ним вместе повернёт и «СССР-КСЗ». Одиноким человеком, ничем не связанным с кораблями, останется на месте, вернее сказать, будет продолжать двигаться по прежнему направлению и мгновенно затеряется в просторах мира. Найти его... совершенно безнадежно.

Следя за товарищем, Мельников подумал, что «прежний» Белопольский учёл бы такую возможность с самого начала. Как можно было Пайчадзе, Андрееву, Романову и Князеву отправиться к «фаэтонцу», не будучи прикрепленными к «СССР-КСЗ» хотя бы верёвкой? Правда, они не знали, что «фаэтонец» умеет маневрировать самостоятельно, но всё же...

И вдруг Мельников вспомнил, что сам поступил таким же образом. А он знал, знал по опыту... Краска стыда залила его лицо. Упрекать других в том, в чём и сам виноват! Хорошо, что он ничего не сказал вслух.

– Оба корабля летят со скоростью тридцати двух километров в секунду. Точнее – тридцать два и сорок одна сотая...

Прежний Белопольский! Лаконичный, точный!

«Что с ним?»

И впервые мелькнула догадка: «Не из-за нас ли? Не

наша ли мнимая гибель всему причиной?»

– Если они повернут, человек будет отброшен с большой силой. Простой верёвкой здесь не обойдёшься. Как жаль, что мы не знали раньше особенностей «фаэтонца». Мы сильно рисковали.

– Радиолокатор не видит ничего опасного впереди, – успокоительно сказал Зайцев.

– Опасность может возникнуть мгновенно. Кто знает, на какую дистанцию реагируют автоматы фаэтонцев.

Но вот Князев приблизился к выходной камере. Ещё минута – и зелёная лампочка на пульте показала, что наружная дверь закрылась за ним.

– Теперь рассказывай, и как можно подробнее, – сказал Белопольский обычным спокойным голосом.

– Подождём Князева.

– Тогда мы сами тебе расскажем.

* * *

– Почему же вы решили ещё раз пуститься в погоню за нами? – спросил Мельников, когда Зайцев закончил короткий, но подробный рассказ обо всём, что случилось после внезапного отлёта с Венеры.

Ни единым словом инженер не коснулся того состояния, в котором находился Белопольский, но Мельников догадался сам. Бросалось в глаза явное противоречие в рассказе. Выходило, что узнав с Земли о «фаэтонце», «СССР-КСЗ» повернул обратно не сразу, а через два дня. Этого не могло быть. Никакими соображениями нельзя было оправдать подобное промедление

в таких обстоятельствах.

Всё было ясно. Странности, которые он заметил у Белопольского, подтверждали догадку.

Мельников посмотрел на Константина Евгеньевича и встретил непривычно смущённый и даже робкий взгляд. И чувство любви к этому человеку, так много пережившему из-за него, с щемящей жалостью волной хлынуло в сердце. Захотелось сейчас же, сию минуту обнять учителя, расцеловать морщинистое лицо...

– За вами, – ответил Зайцев, – непрерывно наблюдали с Земли. Когда выяснилось, что «фаэтонец» день за днём не меняет направления и скорости полёта, Камов предложил сделать последнюю попытку приблизиться к нему. На этот раз удалось. Почему вы так часто поворачивали?

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – сказал Мельников, – говорит народная мудрость. Если бы «СССР-КСЗ» сразу догнал нас, мы могли бы действительно бросить корабль фаэтонцев на произвол судьбы. Наука понесла бы большой ущерб. Ведь мы не знали тогда, что кольцевым кораблём можно управлять. Всё к лучшему.

Белопольский опустил голову. Он понял, что этими словами Мельников отвечает на просьбу о прощении, высказанную сразу при встрече.

– Теперь мы ждём вашего рассказа, – сказал Зайцев.

Он включил экран, чтобы Топорков, находившийся в радиорубке, также мог слышать.

– Говорите!

И очень часто то один, то другой из членов экипажа

«СССР-КСЗ» невольно бросал взгляды на экран, словно вид корабля фаэтонцев самим фактом своего близкого соседства доказывал реальность того, что они слышали.

Всё, что говорил Мельников, было правдой, такой же несомненной, как несомненно было присутствие самого Мельникова в рубке управления, правдой о пребывании двух людей в мире отдалённого будущего, правдой, чудовищно неправдоподобной, которую любой трезвый человек счёл бы сплошной фантазией.

Он говорил о питании воздухом, об управлении мыслью, о металле, превращающемся в пустоту, о неизвестных аппаратах, которые по «своей воле» управляют сном и бодрствованием человека, о самостоятельном маневрировании звездолёта, автоматы которого заботливо охраняют его в пустоте пространства. Он рассказывал им о стенах, которые по желанию становятся прозрачными и теряют эту прозрачность, о «стеклянных» мостиках, висящих без опоры, о пульте управления, в глубине разноцветных граней которого горят загадочные огоньки, становящиеся неподвижными, когда в кресло садится пилот, точно они видят его и готовы выполнить его волю.

И, когда смолк негромкий голос Мельникова, в рубке наступило длительное молчание.

Его прервал Белопольский.

– Ты прав, – сказал он. – Корабль фаэтонцев надо спасти, спасти во что бы то ни стало.

– Приказывайте, Константин Евгеньевич!

Словно тень легла на лицо академика. Мельникову показалось, что Константин Евгеньевич хочет что-то

сказать, но не может решиться. И каким-то особым чутьём он догадался...

Зайцев закусил губу и отвернулся. Он тоже понял, что сейчас произойдёт.

Экран погас. Точно не желая слушать, Топорков выключил его.

– Приказывать? – едва слышно сказал Белопольский. – Я потерял это право. – Он сделал над собой ясно видимое усилие и сказал громко и твёрдо: – На борт «СССР-КСЗ» вступил его командир. Командиру не приказывают. Его приказы выполняют. Я жду!

– Константин Евгеньевич, – умоляюще прошептал Мельников.

– Если хочешь, пошли радиogramму на Землю. Ответ Камова может быть только один. – Он помолчал. – Об одном попрошу тебя. Предоставь мне честь довести «фаэтонца» до Земли. Доверь его мне, Второву и Коржевскому. Только так я могу оправдаться если не в глазах людей, то в своих собственных. Слишком много было ошибок. Ошибок преступных.

Мельников понял, что спорить бесполезно. По лицам товарищей он видел, что решение Белопольского их не удивило. Но он не мог так, сразу, согласиться принять на себя командование кораблём.

– Хорошо! Я радирую Камову. Пусть он решит этот вопрос.

– Идите! – сказал Белопольский.

Все поняли, что это относится не только к Мельникову. Константин Евгеньевич хотел, чтобы его оставили одного.

– Я очень боюсь за него, – сказал Зайцев, когда круглая дверь рубки управления закрылась за ними, – как бы он...

– Кто? Белопольский? Бросьте об этом думать. Это совершенно невозможно. Исключается. Но расскажите мне обо всём более подробно.

И, пока радиограмма летела через бездну пространства, Зайцев и Топорков рассказали всё.

В свете этого рассказа было очевидно, что решение Белопольского естественно и закономерно. Но что ответит Сергей Александрович?..

Ждать пришлось долго. Камова не было на радиостанции, и с ним связывались по телефону. В Москве сейчас было пять часов утра.

Но наконец чёткий голос радиста передал ответ директора Космического института и председателя правительственной комиссии:

– Говорит Камовск. Мельникову. Поздравляем с благополучным окончанием фаэтоновского плена. Передайте экипажу «СССР-КСЗ» благодарность за самоотверженный труд по спасению командира и его спутника. Решение перевести Белопольского на борт «фаэтонца» считаем правильным. Обдумайте вопрос о посадке фаэтонского корабля на Землю. Возможно, что лучше совершить тренировочный спуск на небесное тело с меньшей силой тяжести на нём. Например, на Луну. Окончательное решение вопроса предоставляем на ваше усмотрение. «СССР-КСЗ» – направиться прямо к Земле. Счастливого полёта! Камов. Волошин. Внимание! Передаю радиограмму по личной просьбе

Мельниковой: «Счастлива. Целую. Оля». У меня всё.

– Приняли полностью, – как обычно ответил Топорков.

– Свершилось! – задумчиво сказал Мельников. Он вздохнул. – Ну что ж, может быть, это и к лучшему. Я мечтал сам привести «фаэтонца» на Землю. Не судьба!

– Белопольский справится, – сказал Зайцев.

– Каким тоном вы это говорите, Константин Васильевич? Конечно справится, и гораздо лучше меня. Белопольский остаётся Белопольским, что бы ни случилось. Всё это результат, правда непонятного, но безусловно временного упадка духа. Мы ещё летаем под его командованием.

Зайцев и Топорков молча переглянулись. Борис Николаевич всё ещё не понимает, что Белопольский как командир звездолёта человек конченный. Даже ответ Камова не убедил его в этом. Что ж! Поймёт со временем.

– Будем надеяться, что это так, – уклончиво сказал Игорь Дмитриевич.

– Безусловно так!

Мельников вышел из рубки. Его сильно беспокоило, как передать Белопольскому ответ Земли. Смягчить жёсткий тон этого ответа было невозможно. Константин Евгеньевич всегда может прослушать радиogramму, автоматически записанную на ленте магнитофона. Надо сказать правду, но как тяжело это сделать...

Однако всё обошлось. Белопольский ничего не спросил. Очевидно, он был вполне уверен в ответе Камова.

– Вот видишь! – сказал он, когда Мельников появился на пороге рубки управления. – Не нужно было никакой радиограммы. Факты – вещь упрямая. Как ты решил насчёт «фаэтонца»?

– Сергей Александрович удовлетворил вашу просьбу. Конечно, – прибавил Мельников, желая, по возможности, смягчить приговор, – довести «фаэтонец» до Земли значительно труднее, чем «СССР-КСЗ». Вам больше по плечу эта задача.

– Спасибо за доброе желание, – усмехнувшись ответил Белопольский. – Но я не нуждаюсь в утешениях. На месте Камова я поступил бы так же. Но перейдём к делу. Считаешь ли ты возможным, чтобы «фаэтонец» летел прямо на Землю?

– В радиограмме Сергея Александровича сказано, что он и Волошин рекомендуют...

– Потренироваться, – перебил Белопольский. – Я только что думал об этом. Второву необходимо приобрести опыт посадки.

– Луна подходит?

– Боюсь, что нет. Гравитационная сила на её поверхности всего в шесть раз меньше, чем на Земле. Это ещё опасно. Нужно тело меньшего размера.

– Астероид?

– Да, это лучше всего.

– Какой же?

– Церера. Она сейчас находится в удобном положении, и до неё сравнительно недалеко. «Фаэтонцу» придётся пролететь около трёхсот миллионов километров и столько же обратно. Мы знаем, что он может

развить скорость в пятьдесят километров в секунду, а возможно и больше. Понадобится два месяца в худшем случае. И почти столько же на путь от Цереры до Земли. Гравитационная сила этой малой планеты составляет одну двадцать девятую земной. Это уже подходит для первого опыта. А после Цереры мы опустимся на Луну, а уж затем на Землю. Мне кажется, что такой путь стоит проделать, если мы хотим сохранить «фаэтонца». Как ты думаешь?

– Придётся ещё раз радировать Камову.

– Ты начальник экспедиции и можешь принимать решения сам. Приучайся действовать самостоятельно.

Не в силах больше сдерживаться, Мельников обнял старого академика.

– Если бы вы знали, – сказал он, – как огорчили меня своим решением.

– Знаю, Борис. Могу тебя утешить, открыв небольшой секрет. Ещё на Земле было решено, что полёт на Венеру твой последний экзамен. После него ты был бы официально назначен первым капитаном советского космического флота. Это случилось немного раньше, вот и всё. И я и Камов уже стары. Экзамен ты выдержал, выдержал блестяще. Вспомни, я передал тебе командование кораблём на пути к Венере. Это было намеренно сделано – Белопольский отвернулся и несколько минут смотрел на экран, словно собираясь с силами для того последнего, что он хотел сказать своему ученику. – Помни всегда, Борис. Командир звездолёта должен сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. Ничто не должно выводить его из равновесия. Неус-

танно вырабатывай в себе это важнейшее качество звездоплвателя. Тебе это не трудно. И не бери на борт людей, которые тебе особенно дороги. Иначе не избежать того, что случилось со мной. А это тяжело, очень тяжело. А теперь простимся! Я немедленно перейду на борт «фаэтонца».

Закипела работа.

Оборудовать фаэтонский звездолёт для длительного рейса под управлением не фаэтонцев было не так просто. Его помещения не были приспособлены для земных приборов и аппаратов. Немало изобретательности и выдумки пришлось проявить Зайцеву, Романову, Князеву и самому Белопольскому, чтобы установить самые необходимые навигационные приборы, без которых немислимо было пускаться в многомесичный полёт. Хорошо ещё, что радиопрожектор не был нужен, – автоматы корабля сами следили за безопасностью пути. Но с телескопом пришлось повозиться. В кладовых «СССР-КСЗ» нашёлся запасной телескоп небольшого размера, и, после долгой и тяжёлой работы, он был установлен в помещении рядом с фаэтонским пультом. Оптические приборы безусловно были на звездолёте, но никто не знал, где они находятся, как выглядят и, главное, как ими пользоваться. А без визуальных наблюдений лететь к Церере было невозможно. Появилось подобие пульта, при помощи которого Белопольский мог давать точные указания Второву.

Звездоплватели работали не торопясь, помня, что ошибка неисправима и может привести к катастрофе. Потери времени они не опасались. Оба корабля про-

должны были лететь в нужном направлении.

Ни Коржевский, ни Второв ничего не сказали по поводу неожиданного назначения лететь на «фаэтонце» к Церере. Им было грустно, что свидание с Землёй откладывается, но они знали, что так нужно. А для звездоплавателей слово «нужно» звучало очень убедительно.

Сознавая ответственность, лёгшую на его плечи, Мельников сам проверил работу, попросив Белопольского вернуться на это время в рубку «СССР-КСЗ».

И вот отцеплен трос. Экипажи собрались – один в обсерватории, другой в жилом помещении «фаэтонца».

Белопольский, Второв и Коржевский видели товарищей, их же самих нельзя было видеть, но оставшиеся на борту «СССР-КСЗ» не спускали глаз с кольцевого корабля. Один Мельников оставался на пульте.

Словно прилипшие друг к другу, оба корабля продолжали лететь рядом.

Мельников повернул плоскость газового руля, потом включил на самую малую мощность один из двигателей.

«СССР-КСЗ» медленно отошёл от «фаэтонца». Прометель неуклонно увеличивался. Пути звездолётов расходились в стороны.

Несколько минут... и силуэт кольцевого корабля «растаял» в пространстве.

Счастливого пути, товарищи!

КАТАСТРОФА

Да, Мельников был совершенно прав! Вести фаэтонский звездолёт оказалось неизмеримо труднее, чем «СССР-КСЗ». Небольшой телескоп и самодельный пульт – это всё, чем мог пользоваться Белопольский, но этого было очень и очень недостаточно. Не хватало электронно-счётной машины, и приходилось полагаться на свои математические знания и опыт. А задача достигнуть Цереры таила в себе огромные трудности.

Константин Евгеньевич хорошо понимал, какими соображениями руководствовался Камов, давая согласие на перевод его, Белопольского, на борт «фаэтонца». Как всегда, Сергей Александрович учитывал всё. Во-первых, поведение Белопольского после отлёта с Венеры не могло не возмутить его. Оно действительно было непростительно для командира звездолёта и только благодаря чудесной технике фаэтонцев не окончилось трагически. Смещение с должности начальника экспедиции и назначение Мельникова на это место было вполне обосновано. Старость? Это не оправдание.

Во-вторых, Камов ясно представлял себе трудности в управлении «фаэтонцем». Можно было не сомневаться, что даже не зная подробностей, он понимал, в чём заключаются трудности, и, естественно, учёл глубокие познания Белопольского и его математические способности. Мельников в этом отношении не мог соперничать с ним. Как сказал Борис Николаевич, Бело-

польскому было «более по плечу» выполнить эту трудную задачу.

Всё было стройно, логично и продуманно. Вполне в стиле Камова.

Константин Евгеньевич принял «наказание» с чувством, похожим на облегчение. Он был рад, что возвращение на Землю откладывалось, что ему предоставлена возможность вернуться, хоть отчасти заслужив прощение.

Родина умела прощать, – он это знал!

И все свои знания, все силы своего ума он направил на достижение поставленной цели.

По-прежнему изменять скорость и курс корабля мог один только Второв. Ни Белопольского, ни Коржевского, взятого на «фаэтонец» в качестве врача, фаэтонская техника не хотела слушаться. Только биотоки молодого инженера соответствовали настройке механизмов. Случись с ним несчастье – и Белопольский с Коржевским оказались бы совершенно беспомощными.

Сразу после того, как исчез в пустоте пространства «СССР-КСЗ», Белопольский попросил Второва попытаться увеличить скорость «фаэтонца» до возможного предела.

Попытка удалась, а её результат превзошёл все самые оптимистические ожидания.

Корабль послушно полетел с ускорением, которое Белопольский определил в двадцать четыре метра в секунду за секунду. Оно продолжалось один час сорок девять и четырнадцать сотых секунды, и снова наступила невесомость. Нетрудно было вычислить, что ско-

рость звездолёта достигла ста двадцати километров в секунду.

Очевидно, это был «потолок» корабля. Больше чем вдвое он превосходил предел скорости земных звездолётов. Теперь, если ничего не случится, они достигнут Цереры меньше чем за один месяц. Это был огромный выигрыш во времени.

Белопольский не сомневался, что все обсерватории Земли продолжают наблюдать за «фаэтонцем». Следит за ним и Сергей Александрович Камов. Ему сразу станет известно, что кольцевой корабль увеличил скорость, и он сделает отсюда нужные выводы.

Как хорошо чувствовать себя не одинокими, тесно связанными с родиной, хотя бы зрительно!

Несколько дней Белопольский занимался расчётом пути. Он не мог ещё видеть Цереру в относительно слабый инструмент, но он хорошо знал, где она находилась в момент их расставания с «СССР-КСЗ». Знал все элементы её орбиты и своё собственное место в космосе. Этого было вполне достаточно.

На четвёртые сутки он попросил Второва немного изменить направление полёта, и успевший хорошо натренироваться инженер уверенно выполнил его указания.

«Фаэтонец» слушался Второва «беспрекословно».

– Мне кажется, – сказал Геннадий Андреевич, – что мы могли бы опуститься прямо на Луне, минуя Цереру. Корабль очень послушен.

– Не обольщайтесь! – ответил Белопольский. – Одно дело маневрировать в пустоте, а совсем другое – спуск.

Здесь можно исправить ошибку, а там она приведёт к гибели корабля.

То же самое говорил Мельников. Второва поразило полное совпадение – слово в слово! Значит, это так и есть. Незачем было высказывать своё мнение. Эти люди знают что делают.

Среди вещей, погруженных на «фаэтонец», они обнаружили несколько книг и очень обрадовались этой находке. Кто позаботился об этом?..

Полёт протекал томительно однообразно. Книги оказались весьма кстати. Чтобы не покончить с ними слишком скоро, Второв и Коржевский читали вслух, по очереди.

Белопольский не нуждался ни в каких развлечениях. Часами и сутками он занимался доступными ему наблюдениями, вися у телескопа или производил вычисления. В мире астрономии и математики он чувствовал себя прекрасно.

Шли дни.

И вот позади осталась орбита Марса. Близок пояс астероидов обломков погибшего Фаэтона. Корабль три раза за два дня изменил направление полёта, уклоняясь от встречи с мелкими, но для него достаточно крупными обломками. Очевидно, их было много, несущихся по путям, неизвестным астрономам. Ведь за орбитой Марса тело диаметром в десятки метров недоступно для наблюдения с Земли.

Для Белопольского наступила горячая пора. Как не хватало ему счётной машины! Но его математический ум сам работал подобно машине. Раз за разом он вы-

числял новый маршрут и с помощью Второва исправлял путь корабля.

До, можно было уверенно сказать, что только он один из всего экипажа «СССР-КСЗ» мог вести «фаэтонец» в таких условиях.

Церера была уже хорошо видна. Даже невооружённым глазом можно было заметить крохотную звёздочку, которая буквально по часам увеличивала свой блеск.

Звездолёт подлетал к цели.

Своеобразный новогодний подарок преподнёс науке итальянский астроном Пиацци. В ночь на 1 января 1801 года он открыл первую из малых планет – Цереру, оказавшуюся впоследствии самой крупной. Её диаметр – семьсот семьдесят километров, а масса составляет одну восьмьдесятитысячную массы Земли. Планета очень ярка, и это заставляет думать, что она состоит из хорошо отражающих свет минералов, а возможно, и металлов. Церера движется по почти правильной круговой орбите, и её скорость движения составляет около двадцати километров в секунду.

Белопольский принял решение опуститься на Цереру по тому же плану, который был осуществлён при посадке «СССР-КСЗ» на Венеру, – зайти на орбиту позади планеты и догонять её. При этом манёвре должно было окончательно выясниться, во всём ли послушен Второву звездолёт и насколько точно он выполняет мысленные приказы. Если подход к Церере удастся, то можно будет надеяться на благополучное «приземление».

Даже с помощью прекрасно оборудованного пульта

управления «СССР-КСЗ» подобный манёвр требовал большого труда и исключительной точности. А здесь придётся не самому управлять, а каждый раз действовать через Второва, так объясняя ему нужный, угол поворота, чтобы молодой инженер мог, отчётливо представив его в воображении, мысленно повернуть звездолёт и без малейшей ошибки.

У Константина Евгеньевича невольно возникали сомнения. В точности работы механизмов корабля он не сомневался, несколько раз он видел, как они реагируют на «приказы». Но вот чёткость мысли Второва?..

«Если бы я сам, непосредственно, мог принимать решения и приводить их в исполнение», – думал он.

Но это было невозможно.

Он понимал, что все они рискуют жизнью. Если от удара о поверхность Цереры треснет корпус корабля, смерть будет мгновенна, – на Церере нет атмосферы.

Но жребий был брошен месяц назад на борту «СССР-КСЗ», и ничего не оставалось, как испытать на практике «орлом» или «решкой» он ляжет. «Орёл» – жизнь и спасение звездолёта, «решка» – смерть и разбитый корабль.

Белопольский поделился с Коржевским своими мыслями. Биолог ответил коротко: «Я это знаю». Со Второвым никто не говорил на подобные темы – его спокойствие и уверенность в себе были важнее всего. Белопольский думал, что Второв не сознаёт величины опасности, но он ошибался.

Геннадий Андреевич испытал всю тяжесть первых дней совместного с Мельниковым полёта на «фаэтон-

це». Он давно понял, что за непринуждённой лёгкостью посадки «СССР-КСЗ» на Арсену, а затем на Венеру стоят труд, искусство и смертельная опасность. Урок падения на Венеру не прошёл даром. Он понял, что космос не шутит. И он хорошо знал, на что идут они трое и чем рискуют. На Венере он был ещё новичком, многого не понимающим и на многое смотрящим несколько легкомысленно: теперь он превратился в звездоплывателя. Десять незабываемых дней – и от прежнего Второва ничего не осталось. Он прошёл школу пустого пространства.

И, отчётливо сознавая, что именно от него, в конечном счёте, зависят жизнь товарищей и спасение корабля, Второв собрал свои нервы в тугую клубок, готовясь как автомат исполнять всё, что прикажет ему Белопольский. У него не было ни страха, ни сомнений. Он говорил себе: «Я должен!»

И он и Коржевский были уверены в своём командире, в его знаниях и опытности.

Экипаж кольцевого корабля был готов к труднейшему манёвру, и всё, казалось, говорило в пользу благополучного конца.

Всё!.. Кроме одного, самого главного, самого решающего... Но они даже не подозревали, как близка была грозная и неотвратимая опасность.

Фатальная ошибка была совершена месяц назад, совершена совместно Мельниковым и Белопольским.

Можно ли было обвинить их в этом? Человек – это только человек, не более. Он не машина и подвержен ошибкам. На решения, принимаемые людьми, влияют

предшествующие факты и впечатления. Мельников и Белопольский были «загипнотизированы» могуществом фаэтонской техники. И они упустили из виду, что фаэтонцы тоже не более как люди. Их техника – это техника людей, другой не бывает в природе, и её мощь не беспредельна.

Об этом они забыли.

На Земле «фаэтонский гипноз» не был так силён. Там не знали всех подробностей десятидневной эпопеи Мельникова и Второва. И сразу заметили опасность.

Но было уже поздно и ничего нельзя было исправить.

На сообщение Мельникова Камов ответил короткой радиограммой, которая, будь она известна Белопольскому, заставила бы его немедленно повернуть назад: «Откуда вам известно, что запасы энергии на «фаэтонце» достаточны для подобного полёта? Камов».

В самом деле, откуда? Как могли они не подумать об этом решающем обстоятельстве?

Мельников готов был рвать на себе волосы от отчаяния. Кольцевой звездолёт мчался со скоростью ста двадцати километров в секунду. Ни один корабль, существующий на Земле, не может догнать его. И невозможно послать радиограмму.

Не вернуть! Ошибка неисправима! Оставалось надеяться на то, что опасения ложны, и... на счастье!

Весьма слабое утешение, но другого не было...

А экипаж кольцевого звездолёта, ничего не подозревая и нисколько не сомневаясь в том, что энергии хватит, стремился к Церере, откуда не было возврата.

Опасения Белопольского оказались необоснован-

ными. Второв уверенно и чётко маневрировал кораблём. Вероятно, сами фазтонцы не могли бы лучше отдавать приказания своему звездолёту. Молодой инженер полностью овладел искусством воображения, его мысленные образы были отчётливы, как никогда раньше.

И «фазтонец» послушно совершил нужный поворот и вышел на орбиту планеты, позади неё. Догнать Цереру было уже не трудно. Корабль замедлил скорость.

И вот сквозь прозрачные стенки перед ними панорама крупнейшего из астероидов.

Бесплодная голая равнина, изрезанная трещинами, с редкими цепями острых пиков. С высоты линии горизонта казалась ещё очень далёкой. Когда корабль спустится, она приблизится.

– Я опасался, что характер поверхности такой же, как на Арсене, – сказал Белопольский. – Хорошо, что это не так. Ну, Геннадий Андреевич, приступайте. Посадите звездолёт на «землю».

Второв вернулся в «рубку управления». Продолжавшееся торможение корабля создавало достаточную силу тяжести, и он мог сесть в кресло.

«Когда мы падали на Венеру, – вспомнил он, – звездолёт самостоятельно повернул от неё. А теперь он этого не делает. А ведь Церера близка. Как странно – механизмы корабля «понимают», что это не падение, а сознательный манёвр и ждут команды».

«Фазтонец» действительно «ждал». Он всё медленнее приближался к планете, временами усиливая торможение. Не оно ли показывало автоматам, что, на этот

раз, близость крупного тела не опасна, что всё происходит по воле человека?..

Второв закрыл глаза, так было легче сосредоточиться, и представил себе: кольцевой звездолёт медленно и осторожно опускается на поверхность Цереры...

Он был уверен, что всё правильно и что «фаэтонец», так же, как раньше, чётко выполнит его приказ.

Так и случилось. Когда он открыл глаза и посмотрел сквозь прозрачные стенки, то увидел, что его распоряжение выполняется. Звездолёт опускался. До поверхности планеты было не больше двух километров.

И вдруг... прямо перед ним, на грани пульта, вспыхнул ярко-зелёный треугольник. Исчез, вспыхнул снова и погас. И одновременно с ним погасли огоньки, мерцавшие в глубине грани. А сама грань стала тусклой, точно покрылась серым налётом.

Звездолёт ощутимо рванулся вниз. Церера стремительно надвинулась.

Падение?!

На мгновение вспыхнули снова огоньки на пульте. Мелькнул зелёный треугольник. И резкий рывок сбросил Второва с кресла на стенку.

Он понял, что двигатели корабля задержали падение.

Это повторилось ещё раз.

В чём же дело? Почему корабль так странно ведёт себя? Второв не понял этого, он думал, что виноват сам, что скомандовал не так, как было нужно.

И Белопольский с Коржевским, напряжённо следившие в соседнем помещении за приближением Цереры, не поняли, что это последние судороги жизни,

уходящей из тела звездолёта. Истощившаяся энергия, безрассудно растроченная людьми, отдавала свои последние крохи, и умирающие механизмы в последний раз пытались предотвратить роковое падение.

Им это отчасти удалось.

«Вздохом смерти» вздрогнул корабль, слабо рванувшись назад. И упал... с высоты ста метров.

Церера не Земля. Сила её притяжения в двадцать девять раз меньше, чем Земли. Это спасло людей.

Тяжёлый удар! Что-то рассыпалось совсем близко от Второва, точно на металлическую плиту опрокинули корзину, наполненную гайками. Он видел, как по гладкой грани пульта прошла широкая трещина, как сорвались и разлетелись стеклянными брызгами все четыре кресла.

Он понял, что пульт вышел из строя, и ужаснулся, всё ещё не догадываясь, что даже вполне исправный пульт для них уже бесполезен.

«Гибель, гибель по моей вине! Но что я сделал? В чём допустил ошибку? Прав был Борис Николаевич, посадка – это высший экзамен. Я не выдержал его. И теперь только смерть».

Звездолёт глубоко засел в серебристой пыли, покрывавшей равнину. Совсем близко высился острый пик, точно шпиль какого-то погрузившегося в «землю» собора. Кругом, на различных расстояниях, беспорядочно поднимались такие же пики. Голый камень и серебристая пыль. Больше ничего. Чуждый мир!

Второв поднялся на ноги. Он чувствовал себя почти невесомым. Один шаг – и он у двери. Откроется ли она?

Звездолёт ещё жил. Он не мог больше лететь, но внутренние механизмы нисколько не пострадали: они не были так хрупки, как пульт. Дверь открылась как всегда.

– Что случилось, Геннадий Андреевич? – тотчас же спросил Белопольский.

Он думал то же, что думал Второв. Ошибка!

– Я, право, не знаю, Константин Евгеньевич. Я дал приказ. Всё шло хорошо, но вдруг зелёный треугольник...

– Какой треугольник? – вздрогнув спросил Белопольский.

Второв рассказал подробно.

И Константину Евгеньевичу всё стало ясно. Ещё одна, и на этот раз безусловно последняя, ошибка!

– Вы не виноваты, Геннадий Андреевич, – сказал он. – Энергия, приводящая в действие двигатели звездолёта, окончилась. Слишком много её тратили, сначала вы с Мельниковым, потом я с вами. Её запасы были ограничены. Мы безумцы! Мы малые дети, играющие с огнём. И мы обожглись. Я виноват. Я погубил вас обоих. Простите, если можете. А впрочем, и прощать уже поздно.

Он отвернулся, и, в третий раз за время этого злополучного рейса, слёзы полились по его щекам. Слёзы жалости к двум своим спутникам. О себе он не думал – он вполне заслужил смерть.

Коржевский прислонился к стене и закрыл глаза.

Второв думал. С тайной радостью он воспринял слова Белопольского – он не виновен! Но ещё больше он радовался тому, что его мысли ясны и никакого страха и отчаяния он не испытывает. То, о чём он мечтал – быть таким, как Мельников, – как будто исполнилось. Даже Борис Николаевич не мог быть более спокоен.

– Никто не виноват в том, что произошло, – сказал Второв. – Кто мог предвидеть? Но, мне кажется, что наше положение не так уж безнадежно. С Земли следят за нами. Там уже знают, что звездолёт опустился на Цереру. Они будут ждать нашего появления в пространстве и, не дождавшись, поймут, что случилось несчастье, и вышлют помощь. У нас достаточно продуктов, а нехватки воздуха опасаться не приходится. Значит, мы можем дожждаться.

Белопольский обернулся.

– Всё та же ошибка, – сказал он. – Мы думали, что нехватки энергии опасаться не придётся, а теперь вы говорите то же самое о воздухе. Мы не знаем – может быть, автоматы, возобновляющие кислород на последнем издыхании? Взятые с «СССР-КСЗ» баллоны со сжатым кислородом были предназначены для пустозазных костюмов, и их хватит не больше чем на два дня, при непрерывном использовании. А самое главное – от Земли до Цереры не меньше трёх месяцев пути для

наших звездолётов. Они не могут лететь так быстро, как «фаэтонец». К тому же, мы отправились к Церере в самый благоприятный момент, а с тех пор прошёл почти месяц. Сейчас Земля и Церера относительно друг друга не в столь удобном положении. Но допустим, что они вылетят сегодня. На три месяца у нас не хватит продуктов питания, если даже и хватит воздуха.

– Хватит, – Коржевский очнулся от своего оцепенения. – Я сам грузил их. При уменьшенной норме мы можем протянуть больше трёх месяцев.

– Не понимаю, о чём мы спорим? – сказал Второв. – Хватит, не хватит, а ничего больше, как ждать помощи, мы не можем сделать. Или вы предлагаете покончить самоубийством?

– Об этом и разговора быть не может, – сказал Белопольский. – Будем ждать. Наша судьба в руках фаэтонцев, вернее их техники. Будем надеяться, что она нас не подведёт второй раз.

Второву и Коржевскому показалось, что Белопольский сказал это тоном сожаления. Было ясно, что он предпочёл бы смерть возвращению на Землю. Но они двое не имели никаких причин желать смерти.

– За три месяца, – сказал Второв, – мы сможем сделать полезную работу. Надо тщательно обследовать доступную нам площадь поверхности Цереры. Звездолёт всё равно останется здесь навсегда. Можно изучать его, не боясь испортить.

– Вот уж этого никак нельзя сделать, – ответил Белопольский. – Можно повредить автоматы воздуха. Мы понятия не имеем, где они. И ещё хуже – можно ис-

портить автоматы дверей. Ничего нельзя трогать.

Автоматы дверей! Только при этих словах все трое подумали об одном и том же – если энергия, приводящая в движение внутренние механизмы звездолёта, истощится так же, как энергия двигателей, они будут замурованы в этом помещении без малейшей возможности выйти.

– Я думаю, – сказал Коржевский, – что вообще нельзя выходить отсюда. В каком положении мы очутимся вне корабля, не имея возможности в него вернуться?

– Значит, придётся сидеть три месяца взаперти и в полном безделье? – сказал Белопольский. – Нет, лучше уж погибнуть сразу. Я – за выход.

– Я тоже, – присоединился Второв. – Если откажут двери, то можно быть уверенным, что откажут и автоматы воздуха. Не всё ли равно в этом случае, быть снаружи или внутри. Результат один.

– Составим план действий. Как будем выходить, вместе или по очереди? – как ни в чём не бывало спросил Коржевский.

«ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ»

Церера быстро вращалась вокруг своей оси. Её сутки составляли всего девять часов и восемнадцать с половиной минут. Но день и ночь резко отличались друг от друга по своей продолжительности. Та часть планеты, где опустился кольцевой звездолёт, освещались Солнцем два часа пятьдесят девять минут. Всё остальное время занимала ночь.

Расчёт, произведённый Белопольским, показывал, что корабль находился в экваториальной полосе. В полдень Солнце поднималось почти к зениту. Неравномерность суток можно было объяснить только одним – Церера имеет неправильную форму. Удивительного в этом ничего не было, если вспомнить, что планета не самостоятельно образовавшееся тело, а обломок погибшего Фаэтона.

Ни утра, ни вечера, разумеется, не было в этом мире, лишённом даже намёка на атмосферу. Стоило Солнцу коснуться верхним краем линии горизонта, как сразу наступала ночь.

Ночь, но не темнота.

Юпитер находился сейчас по ту же сторону от Солнца, что и Церера. Их разделяло расстояние, не превышавшее трёхсот миллионов километров. Исполинская планета сверкала так ярко, что от острых пиков и колец корабля ложились густые тени.

А когда Юпитер склонялся к горизонту, восходило Солнце, и тогда от всех предметов появлялись две тени, направленные в разные стороны. Одна темнее – от Солнца, другая светлее – от Юпитера. То же повторялось по вечерам.

В этом странном мире, где днём и ночью одинаково ярко светились звёзды, было два Солнца.

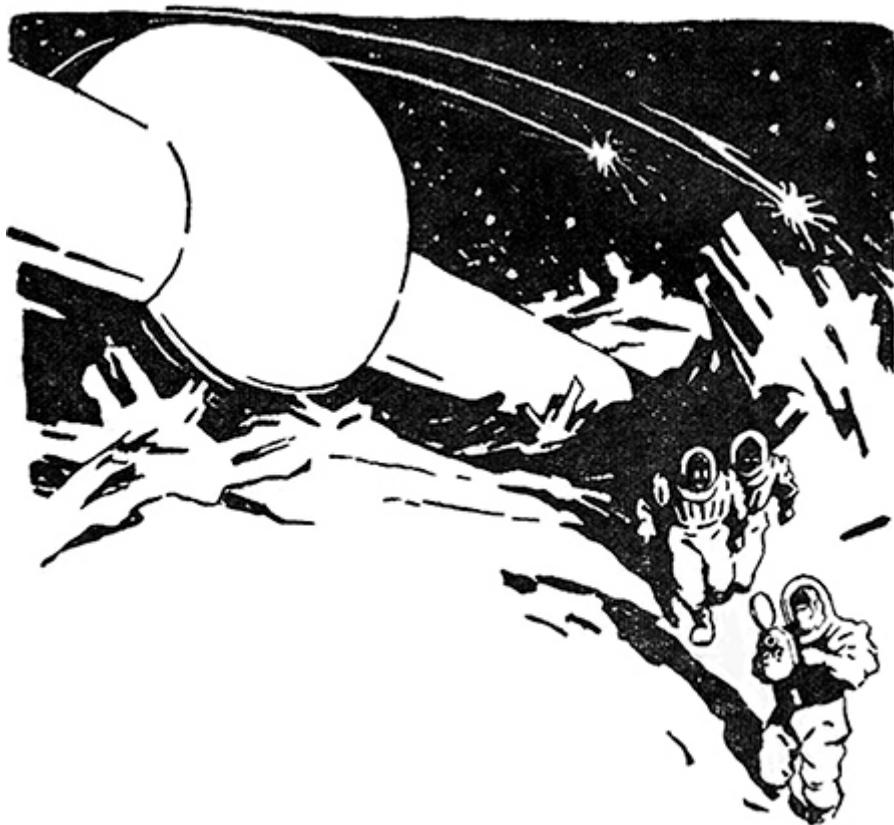
Не прибегая к помощи телескопа, можно было видеть все двенадцать спутников Юпитера. А если бы Сатурн находился по эту сторону Солнца, то звездоплаватели могли бы любоваться его кольцами.

Они были первыми людьми, проникшими так далеко

в глубину Солнечной системы. И, несмотря на трагичность своего положения, они испытывали своеобразную гордость при этой мысли.

Слой пыли, покрывавший Цереру, был толст. Ноги уходили в него по колено. И хотя звездоплыватели почти ничего не весили, ходить было очень трудно.

Но много ходить не пришлось. Ничего, кроме этой пыли неизвестного происхождения и пиков, оказавшихся гранитными, вокруг звездолёта не было. А отойти очень далеко Белопольский не разрешал. И так, каждая вылазка грозила смертельной опасностью. Они

находились в самой середине пояса астероидов. Огромная, в сравнении с другими, масса Цереры притягивала к себе бесчисленное количество мелких обломков. За сутки в окрестностях звездолёта падало не меньше сотни небесных камней, не считая космических «пылинок».

В интересах науки люди всё же выходили. Два мешка пыли и несколько десятков метеоритов лежали на полу их жилого помещения. Коржевский добрался до одного из ближайших пиков и отколол от него большой кусок гранита.

Существовала ещё опасность упасть в трещину, – Церера была изрезана ими вдоль и поперёк. В первую же вылазку, в которой участвовали все трое, Коржевский чуть было не провалился в одну из них, покрытую слоем пыли так, что её нельзя было заметить. Хорошо, что они догадались привязаться друг к другу, на манер альпинистов, крепкой верёвкой. Если бы не эта предосторожность, дело могло бы окончиться плохо. Никто не знал глубины этих трещин.

После того как Коржевский, привязанный к кораблю длинной верёвкой, принёс кусок гранита, Белопольский решил не выходить больше.

– Мы должны дождаться помощи все трое, – сказал он. – Или все трое погибнуть. Не следует рисковать без серьёзной причины.

Товарищи согласились с ним.

И трое звездоплавателей заперлись внутри кольцевого корабля на долгие недели, а может быть, и навсегда.

Им было очень скучно. Сутки за сутками проходили, ничем не отличаясь друг от друга. Белопольский занимался наблюдениями, Второв и Коржевский томилась бездельем.

Автоматы фаэтонцев с пунктуальной аккуратностью погружали их в сон на восемь часов, через каждые двенадцать. Таков, по видимому, был распорядок дня самих фаэтонцев, и он продолжал соблюдаться на их корабле, независимо от желания новых хозяев. Противиться этому принудительному сну было совершенно невозможно, – он надвигался на людей непреодолимо, и они засыпали.

Белопольский сделал отсюда вывод – сутки погибшего Фаэтона равнялись двадцати часам. А его обитатели спали больше, чем люди Земли, вернее бодрствовали меньше.

Коржевский не соглашался с ним.

– Если бы такой распорядок дня, – говорил он, – был нормален для фаэтонцев, то зачем понадобился бы им искусственный сон? Мне кажется, что это распорядок для космического полёта, и только. Они считали его наиболее полезным в условиях полёта. А у себя дома они могли соблюдать совсем другой режим дня.

Второва эти теоретические споры занимали мало. Он с ужасом думал о предстоящих им трёх месяцах ожидания. Три месяца – девяносто земных суток! Чем занять их?..

Лежавшую на нём обязанность – заснять на плёнку пейзажи Цереры, он выполнил в первые дни. Больше нечего было снимать. Книги были прочитаны по два

раза. Спать? Они и так спали больше, чем всегда, по вине фаэтонцев.

Уныло-однообразный вид, открывавшийся сквозь прозрачные стенки, надоел им до смерти. Но даже ночью Второв не осмеливался «закрыть» стены. Белопольский категорически запретил это делать. Он опасался, что и здесь может проявиться истощение неведомой энергии, питающей загадочные механизмы, управлявшие прозрачностью. Очутиться взаперти, без возможности что-либо видеть снаружи, было слишком страшно. По этой же причине они как можно меньше пользовались и механизмом дверей.

– Мы в тюрьме, – сказал Коржевский. – Осуждены на три месяца заключения.

Три месяца! Все трое говорили только об этом сроке, сознательно закрывая глаза на то, что три месяца всего лишь минимально возможный срок. Помощь могла прийти к ним через три месяца в одном случае – если с Земли вылетели в тот самый день, когда произошла катастрофа с «фаэтонцем».

А если там ждали?.. Несколько дней, неделю?..

Для них это было безразлично. Что неделя, что год, – никакой разницы. Они не могли протянуть больше двенадцати недель.

Когда, в первый день пребывания на Церере, Коржевский говорил о продуктах, он упустил из виду воду. А ведь хорошо известно, что без воды человек погибает быстрее, чем без пищи.

При подготовке «фаэтонца» к рейсу на Цереру наибольшее затруднение возникло именно из-за воды. На

«СССР-КСЗ» она хранилась в огромных цистернах, ни одна из которых не могла пройти через пятиугольные входы кольцевого корабля. Были использованы опустевшие баллоны из-под кислорода. Но их было не так много. Количество воды рассчитали в обрез на четыре месяца. И вот теперь, через двенадцать недель, даже при жесточайшей экономии, запас воды будет исчерпан.

Именно здесь создавалась самая страшная угроза, против которой они были бессильны. Автоматы фаэтонцев, так чудесно «кормившие» и «поившие» Мельникова и Второва в течение нескольких суток, почему-то не действовали больше. Вероятно, их постигла участь двигателей.

Воздух пока был свеж и чист. В этом отношении фаэтонцы оказались более запасливыми. Но нельзя было утверждать, что так будет до самого конца. И воздух мог истощиться.

Мы не должны обольщаться, – говорил Белопольский с неумолимой логикой, когда товарищи спрашивали его об этом. – Разве можно с уверенностью сказать, что помощь придёт именно через три месяца? Правильнее предположить, что на Земле будут ждать, считая, что мы намеренно задержались на Церере. Многое могло заставить нас поступить таким образом. Когда пройдут все мыслимые сроки, когда станет совершенно ясно, что мы в беде, только тогда начнётся подготовка корабля, чтобы лететь на помощь. Но ведь это требует времени. А Земля и Церера всё дальше и дальше расходятся в пространстве. Расстояние между ними увеличивается. Каждый день – это сотни тысяч километров лишнего

пути, десятки часов лишнего времени.

И Второву с Коржевским невольно казалось, что чем безнадежнее были доводы Белопольского, тем яснее и спокойнее становилось его лицо.

– Он хочет умереть, – говорил Второв, оставаясь наедине с Коржевским. – Его страшит возвращение на Землю.

– Может быть, и так, – ответил биолог, – но он говорил правду.

Казалось, что у них не было возможности надеяться, но они всё же надеялись. Таково спасительное свойство человека. Приговорённый к смертной казни на что-то надеется даже стоя на эшафоте. Инстинкт самосохранения всегда властно проявляет свою силу.

Звездоплаватели вели счёт времени по земным часам. Они не обращали внимания на восходы и заходы Солнца на горизонте Цереры. Они жили своими сутками.

И вот на одиннадцатый день их плена появились первые признаки истощения запасов кислорода.

Проснувшийся первым, Второв заметил, что дышать трудно. Кружилась голова, слегка тошнило. Он понял, что воздух насыщен углекислотой – продуктом дыхания. С автоматической подачей свежего воздуха что-то случилось.

Он не испугался. С каким-то удивившим его самого равнодушием он подумал, что это, вероятно, конец. И бессознательно, возможно, по привычке, приобретённой за почти двухмесячное пребывание на фаэтонском корабле, он дал мысленный приказ очистить воздух.

Таинственные приёмники восприняли и исполнили его желание. С непостижимой быстротой воздух стал чистым. Это случилось столь молниеносно, что проснувшиеся вслед за Второвым Белопольский и Коржевский ничего бы не заподозрили, если бы Второв тут же не рассказал им.

Это было предупреждающим сигналом.

Автоматы, ведавшие воздухом звездолёта, не могли работать без какой-то энергии. Эта энергия истощалась. Они не могли больше действовать непрерывно. И, когда люди спали, автоматы остановились. Приказ Второва возродил их к жизни. Надолго ли?..

– Ну вот и всё! – только и сказал Белопольский в ответ на сообщение Второва.

Через три часа снова повторилась та же история. Было ясно, что конец приближается раньше, чем они думали.

Бесполезной оказалась тщательно и жёстко проводимая экономия. Они могли бы есть и пить сколько хотели. Смерть приближалась к ним совсем с другой стороны – предстояло погибнуть от удушья.

– Мы можем жить некоторое время за счёт кислорода в баллонах, – спокойно сказал Белопольский.

– Самое время вспомнить о пистолетах, – отозвался Коржевский.

Константин Евгеньевич вздрогнул.

– Дайте его сюда, – приказал он.

– Нет, – Коржевский усмехнулся кривой улыбкой. – Не дам! Вы не лишите меня права избавиться от мучений.

Белопольский подошёл к биологу.

– Я вам приказываю! – сказал он холодно, – пистолет!

И так сильна была привычка беспрекословно подчиняться этому человеку, что Коржевский отдал оружие. Потом он упал лицом вниз и замер.

– Ваше! – повернулся Белопольский к Второву.

Молодой инженер пожал плечами.

– Возьмите, если хотите, – сказал он, вынимая пистолет из кармана. – Мне он совершенно не нужен. Но только на мой счёт вы могли бы быть спокойны. Я звездоплаватель, а не истеричная барышня.

Последние слова он адресовал Коржевскому, вспомнив средство, применённое Мельниковым к нему самому.

– Хорошо! – сказал Белопольский. – Оставьте у себя. – Он замолчал, точно погрузившись в свои тайные мысли, потом прибавил: – С нашей смертью не оканчивается звездоплавание. Многие в будущем не раз попадут в тяжёлое положение. Какой же пример должны мы им оставить? Как вести себя? Ведь нас найдут, рано или поздно. Причина нашей смерти станет известна. Покончить с собой – чего проще! Мы должны думать не о себе, – с нами всё кончено, – а о других. Не создавать прецедента.

Коржевский сел на полу. К удивлению Второва, его лицо было совсем спокойно.

– Вот об этом я не подумал, – сказал он. – Вы правы, Константин Евгеньевич!

– Следовало подумать.

Второв рассмеялся. Тон Белопольского, которым он сказал эти два слова, был добродушно ворчлив и до смешного не соответствовал смыслу разговора. Словно не о жизни и смерти шла речь, а о чём-то совсем незначительном.

В течение следующих двадцати четырёх часов фаэтонские автоматы действовали исправно. За это время звездоплаватели снова заснули на восемь часов, несмотря на опасение не проснуться больше.

Наступил двенадцатый день пребывания на Церере.

К вечеру этого дня перебои в подаче воздуха стали принимать угрожающий характер. Пришлось впервые прибегнуть к земному кислороду, открыв кран баллона.

– Не попробовать ли нам перейти в другое помещение? – предложил Второв.

И верно. Могло случиться, что испортились те автоматы, которые питали кислородом и очищали воздух только в этом отсеке, а другие могли сохранить «жизнеспособность». Фаэтонские механизмы были весьма разумны и могли не действовать там, где никого не было.

Но увы! Куда бы они ни переходили, везде было одно и то же. Очевидно, всё управление воздухом, на всём корабле, питалось от одного источника.

Не оправдалась и эта, последняя надежда.

Они вернулись «домой».

Время остановилось для них. Каждый ушёл в себя, по-своему готовясь встретить близкую смерть. Говорили очень редко, скупыми, отрывистыми фразами. Да и о чём было говорить!

Когда подходило время сна, они засыпали с тайной надеждой, что задохнутся во сне и не проснутся.

Осталось два баллона с кислородом. Если фаэтонские автоматы не остановятся окончательно, с этим подспорьем можно будет прожить ещё несколько дней.

Коржевский больше не заикался о самоубийстве. И хотя Белопольский никуда не мог запереть отнятый пистолет и он лежал в углу совершенно открыто, биолог ни разу не взглянул на него. Он понял, что их долг вытерпеть до конца. Ради тех, кто будет продолжать дело, от которого оторвали их троих воля случая и человеческая ошибка.

С упрямством, удивительным даже для него самого, Белопольский упорно продолжал наблюдать звёзды и записывать итоги.

Так прошло ещё два земных дня.

Признаков окончательной остановки автоматов не появлялось. Они продолжали работать, – с частыми перебоями, но работали. И постепенно у троих людей снова начала появляться надежда, от которой они совсем было отказались.

«Кто их знает! – думал каждый из них. – Может быть, они проработают так и все три месяца».

Два баллона всё ещё оставались полными.

И к трем людям вернулась жизнь. Как прежде, они вели частые к длительные беседы, ели с аппетитом. И по-прежнему экономили воду.

Удивительно это свойство человека – приспособляться к любым условиям, привыкать даже к мысли о смерти! Удивительно, трудно объяснимо, но совер-

шенно бесспорно!

Утро (земное) на пятнадцатый день совпало с утром на Церере. Относительно звездолёта и относительно далёкой Москвы Солнце взошло одновременно. И, по странной случайности, звездоплаватели проснулись в момент восхода.

От внимания Белопольского не ускользнуло это совпадение Он скачал о нём своим товарищам.

– Москва! – вздохнул Второв. – Восход Солнца на Земле! Утро и голубое небо, а на нём розовые облака.

Он поднял голову к чёрному, усыпанному звёздами небу Цереры и вдруг стремительно вскочил на ноги.

Соскочили со своих гамаков Белопольский и Коржевский.

Что-то пронеслось со стремительной быстротой прямо над ними. Они успели заметить у близкого горизонта огненную линию, точно в окружающей их пустоте сверкнула длинная молния.

– Болид! – вскрикнул Коржевский.

Белопольский побледнел.

– Болид? – спросил он сдавленным голосом. – Болиды оставляют за собой огненный след, стора в атмосфере, раскаляются трением о воздух. Здесь нет воздуха, нет атмосферы.

– Что же это?..

Белопольский ничего не ответил. Он смотрел в ту сторону, где исчез неизвестный предмет, и краска медленно возвращалась на его лицо.

«Неужели?» – беззвучно шептали его губы.

И безумная надежда сжала сердца обречённых лю-

дей. Они задыхались от волнения, столь сильного, что, казалось, продлись оно ещё минуту – и человек не сможет больше выдержать это напряжение.

Все трое стояли неподвижно, не спуская глаз с горизонта, точно надеясь, что неизвестное тело, названия которого они не решались произнести даже мысленно, вернётся назад.

Оно не вернулось.

Прошло около трёх минут – и снова, в том же направлении, над ними пронеслось что-то. Мелькнул и исчез на том же месте огненный след... вторично сверкнула молния.

– Несомненно! – сказал Белопольский. – Но как, откуда?!

Было ясно, что-то кружилось вокруг Цереры. Что-то с огненным хвостом позади!

– Звездолёт! Звездолёт! – закричал Второв.

В третий раз пронеслось тело. Они увидели – в лучах Солнца блеснул длинный корпус. Его форма была слишком хорошо знакома!

Космический корабль пролетел над ними четвёртый, пятый, шестой раз.

Откуда он взялся? За пятнадцать суток немислимо было долететь от Земли до Цереры.

Всё медленнее становился его полёт.

Командир корабля, очевидно, подлетел к Церере на чрезмерно большой скорости и теперь постепенно снижал её, готовясь к посадке.

Знал ли он, что на этой планете трое людей нуждаются в помощи? Или звездолёт явился сюда случайно,

не подозревая о присутствии «фаэтонца»?..

Белопольскому было известно, что ни один космический корабль не собирался покинуть Землю в ближайшие месяцы. Только «СССР-КСЗ» должен был находиться в космосе, но и он уже вернулся.

Чей же это корабль?

Может быть, «СССР-КСЗ» полетел за ними вдогонку? Форма неизвестного корабля была, в общем, такой же, но Белопольскому казалось, что этот звездолёт немного длиннее и уже.

Нет, это не «СССР-КСЗ»!

Звездолёт совершал последние круги. Он летел теперь со скоростью реактивного самолёта, но и этого было много, чтобы как следует рассмотреть его. От одного горизонта Цереры до другого было не так далеко.

Где он опустится? Видит ли его командир жёлто-серые кольца «фаэтонца» на серебристой равнине? Корабль пролетел прямо над ними, но ведь и это могло быть случайностью...

А вдруг командир корабля и не думает о посадке?.. Рассмотрев планету на малой скорости, он мог, не опускаясь на неё, снова набрать скорость и улететь дальше, по своему пути... Зачем опускаться, если экипаж не подозревает о присутствии «фаэтонца»?..

– А вдруг это не земной звездолёт? – неожиданно сказал Второв.

– Могло случиться, – сказал Белопольский, не обращая внимания на эту фразу, – что в какой-нибудь стране решили совершить космический рейс без ведома Кос-

мического института. Корабль мог вылететь очень давно, и тогда командир понятия не имеет о «фаэтонце» вообще. Во всяком случае, он не за нами прилетел сюда. Немыслимо совершить такой путь в столь короткое время.

Звездолёт снова появился на горизонте. Теперь он двигался совсем медленно. И больше не скрылся. Широкими кругами летал он над кольцевым кораблём, словно намеренно показывая, что видит его.

Металлический корпус тускло сверкал в лучах Солнца. Из-за отсутствия воздуха неосвещённая сторона не была видна, и казалось, что над Церерой летает странная половина звездолёта.

Его форма не оставляла сомнений, – это был земной корабль. Белопольский не ошибся: корабль был длиннее и уже «СССР-КСЗ».

– Никак не могу вспомнить, в какой стране строят такие звездолёты, – сказал Белопольский. – Корпуса такой длины я ещё не видел.

– Чего мы ждём? – спросил Второв. – Корабль сейчас опустится. Надо выйти к нему навстречу.

Они быстро надели пуголозные костюмы. Командир звездолёта видит «фаэтонца» и, даже если не знает, что это такое, посадит свой корабль рядом с ним. Это было очевидно.

Они вышли из центрального шара как раз в тот момент, когда совсем рядом, на такие же «лапы», какие были у «СССР-КСЗ», загадочный звездолёт опустился на «землю».

Его огромный корпус высоко поднимался над низкими кольцами «фаэтонца». На носу золотыми буквами блестело название корабля.

Оно было написано по-английски:

«Prince of Wales»

И ниже:

«Made in England»

ФИНИШ

Как только стало известно о решении Мельникова и Белопольского направить «фаэтонец» к Церере, волнение и тревога охватили всех работников звездоплавания.

А вслед за первым пришло второе известие – «фаэтонец» увеличил скорость до ста двадцати километров в секунду.

Всем было ясно, что возлагать такие большие надежды на фаэтонскую технику, совершенно неизвестную, считать её беспредельно мощной, нет никаких оснований. И грозную опасность, нависшую над тремя людьми, увидели всё.

Напрашивался вопрос: как могло случиться, что Мельников и Белопольский не подумали об этом решающем обстоятельстве? Как могла забота о сохранении «фаэтонца», понятная сама по себе, до такой степени ослепить их, лишить способности мыслить с элементарной логикой?

Вспомнились высказывания некоторых учёных, которые, ещё в период подготовки к космическим рейсам, писали о влиянии космоса на психику человека.

Необычны условия межпланетного полёта. Чужды условия вне Земли. Из поколения в поколение десятки и сотни тысяч лет человек жил на Земле. И глубоко вкоренилось в нём сознание её постоянного присутствия. Трудно вырвать то, что вращалось тысячелетиями. Легко ходить по Земле. Но, сделав шаг в просторы Вселенной, человек должен научиться «ходить» и там.

Земля тверда. Атмосфера плотна. Кругозор ограничен линией горизонта. Так было всегда. И вот исчезла тяжесть, кругом абсолютная пустота, и со всех сторон безграничный простор. Нужно время, чтобы привыкнуть к этому.

Законы жизни в пустоте ещё не изучены людьми. А они иные, чем на Земле!

Только этим можно было объяснить странное и непонятное поведение Белопольского, строго логичный, математический ум которого был хорошо известен.

И Мельников, «железный звездоплаватель», как часто называли его в кругах людей, близких к космическим рейсам, очевидно также подпал под влияние космоса.

Нельзя так долго находиться вне Земли! – таков был закономерный вывод.

– За последние годы, – сказал по этому поводу известный учёный профессор Коллинз, – человек одерживал над космосом одну победу за другой. И он успел привыкнуть к ним. Это опасно. Легко забыть, что Вселенная далеко не покорена. С космосом надо обращаться очень осторожно, иначе он ещё не раз покажет свои зубы.

В этом высказывании была немалая доля правды.

«Головокружение от успехов» – не пустая фраза. Оно коварно и подкрадывается к человеку незаметно для него.

Экипаж «СССР-КСЗ» триумфально прошёл свой путь. Звездоплователи посетили Арсену, справились с враждебной им природой Венеры. И даже кольцевой корабль фаэтонцев, создание другого мира, оказался подвластен им. Трудно не поддаться сознанию своего могущества! А отсюда ошибки!

В тот же день, когда астрономы, наблюдавшие за «фаэтонцем», известили Камова о том, что Белопольский увеличил скорость своего корабля, состоялось экстренное заседание учёного совета Космического института.

С коротким сообщением выступил Камов.

– Всё, что нам теперь известно о фаэтонцах, – сказал он, – заставляет думать, что они в своё время отправились в космический рейс, не подозревая о близкой гибели своей планеты. Их целью были: Марс, Земля и Венера. Предположим, что и Меркурий. Они должны

были рассчитать необходимый запас горючего для двигателей, исходя из этого маршрута. Пять стартов и пять посадок. Какими бы источниками энергии они ни располагали, нельзя себе представить, что на таком, сравнительно небольшом по объёму корабле удалось сосредоточить ещё большее количество потенциальной энергии. Формула Циолковского неопровержима. И в своих прогнозах я вынужден исходить из неё. Известно, что фаэтонцы посетили Марс, Землю и Венеру. Кроме того, они приземлялись на Арсене и возвращались к орбите Фаэтона. Это много для одного рейса. Наша техника ещё не может осуществить такой рейс. Теперь вспомним другой факт. Фаэтонцы навсегда остались на Венере. Но ведь совершенно ясно, что наша Земля была более удобна для них по климатическим условиям. Однако они не перелетели на неё. Почему? Да именно потому, что запасы горючего были израсходованы. Они знали, что не могут стартовать с Венеры и опуститься на Земле. Это более чем вероятно, это очевидно. Что же произошло потом? Мельников и Второв улетели с Венеры. Они производили частые манёвры, истратив на это не так много энергии, сколько потребовалось бы для посадки на Землю, но всё же очень и очень много. А затем Белопольский заставил корабль лететь с ускорением больше часу. Я даже удивлён, что им это удалось. Можно ли утверждать, что после всего этого на фаэтонском корабле не кончается горючее? Все основания думать, что оно подходит к концу, если уже не кончилось. Мы рекомендовали Мельникову направить «фаэтонца» к Луне именно потому, что если бы корабль не

смог улететь с неё, то остался бы там, где мы могли легко разобрать его и по частям доставить на Землю. Теперь ясно – следовало не рекомендовать, а приказывать. Но перейдём к фактам. А они говорят, что, помимо корабля фаэтонцев, на карте судьба трёх человек. Я ставлю перед советом два вопроса. Можно ли надеяться, что Белопольскому удастся благополучно совершить намеченный рейс? А если нет, то что предпринять для спасения людей?

На первый вопрос последовал единогласный ответ: «Нет, рассчитывать на запасы «фаэтонца» нельзя!»

– Тогда что делать? – спросил председатель.

Поднялся один из руководящих работников Космического института – инженер Семёнов.

– «СССР-КСЗ» вернётся на Землю через двенадцать суток, – сказал он. – Надо немедленно подготовить его к рейсу на Цереру. Если мы увидим, что «фаэтонец» не улетает с неё, стартовать.

– Это значит потерять целый месяц.

– А что мы ещё можем сделать? «СССР-КСЗ-бис» на капитальном ремонте. Других кораблей, способных на столь длительный рейс, у нас нет.

– А если «фаэтонец» не сможет опуститься на Цереру и упадёт на неё? – спросил Волошин. – Как ни мал этот астероид, сила тяжести на нём вполне достаточна, чтобы корабль разбился. Но люди могут уцелеть. Смогут ли они ждать три месяца?

– Не смогут и одного. Достигнуть Цереры меньше чем за семьдесят два дня невозможно.

Снова поднялся Камов:

– Товарищи! Мною получена радиограмма от Уильяма Дженкинса. Он может вылететь немедленно, на новом звездолёте, построенном в Англии. Этот корабль готов к старту, так как они собирались послать его на Венеру. Дженкинс заявляет, что он и его экипаж отдают себя в распоряжение нашего института. «Принц Уэльский» может начать полёт в любую минуту.

– Но его скорость, насколько мне известно, пятьдесят километров в секунду, – сказал Волошин. – В случае аварии с «фаэтонцем» этого мало.

– Послушайте, что он пишет. – Камов достал бланк: – «Я и мои товарищи предлагаем ускорение в тридцать пять метров в секунду за секунду. Это позволит достигнуть скорости в восемьдесят четыре километра. Расстояние до Цереры будет покрыто за одну тысячу часов». Не вам объяснять, на что хотят пойти англичане для спасения наших товарищей. «Принц Уэльский» мощный корабль. В некоторых отношениях он превосходит «СССР-КС3». Мы должны быть благодарны англичанам, так как «СССР-КС4» ещё не вышел из цехов завода. Но вправе ли мы принимать жертву, на которую они хотят пойти? Сорок минут такого ускорения опасно для здоровья.

– Вопрос, – сказал Волошин, – допускает только одно решение. Отказываться от предложения Дженкинса нельзя. Я предлагаю связаться с ним и указать на опасность, которую он, возможно, недооценивает. А дальше... их дело!

...Вот как случилось, что погибающие на Церере звездоплаватели были спасены неожиданным появле-

нием звездолёта «Принц Уэльский».

Уильям Дженкинс и семь его товарищей без колебаний пошли на этот подвиг. И не опоздали!

Звездоплавание, почти с момента своего возникновения на Земле, вышло из узконациональных границ, стало делом всего человечества, делом интернационально-коллективным. А хорошо известно, как велика сила коллектива.

Англичане могли справедливо гордиться своими героями, но разве не сделали бы то же самое их товарищи из других стран? Когда люди преданы одному делу, для них нет разницы, кто попал в беду, – свой или чужой.

Роальд Амундсен погиб, стремясь на помощь своему личному врагу – итальянцу Нобиле. Оба были полярными исследователями. И не осталось места для личного или национального. Они делали одно дело! Звездоплаватели пришли на помощь другим звездоплавателям!

Уильям Дженкинс, англичанин, спас Константина Белопольского – русского. А если бы случилось наоборот?.. Перед лицом космоса люди всех стран – одна семья! И самый характер их работы выбросил из сознания звездоплавателей весь мусор национальных различий.

Цель – космос!

Родина – Земля!

* * *

Перекрещивающиеся лучи прожекторов, со всех сторон направленные на поле ракетододрома, превратили ночь в день. Четыре длинных луча, устремлённых вверх четырьмя светлыми колоннами, показывали приближавшемуся кораблю место посадки.

Как всегда при финише звездолётов, ограда украшена бесчисленными флагами.

Вереницы автомобилей вытянулись на улицах Камовска. И, несмотря на позднее время, толпы людей окружили поле.

Но на здании вокзала огромные полотнища национальных знамён Англии и СССР приспущены. В молчании ожидают «Принца Уэльского» представители всех народов Земли.

На крыше вокзала собрались звездоплаватели всех стран. Они съехались в Москву, чтобы встретить того, кто долгие годы был гордостью их дружной семьи, человека, имя которого олицетворяло собой все завоевания человеческого разума над силами космоса.

Он возвращался из последнего рейса.

Навсегда!

Экипаж «СССР-КСЗ» неподвижно застыл в почётном карауле у портрета, обвитого крепом.

Тайное желание Константина Евгеньевича Белопольского исполнилось. Звездолёт нёс к Земле его тело.

Недалеко от родины, на борту английского космического корабля остановилось сердце второго «звёзд-

ного капитана» Земли.

Он умер внезапно, у телескопа, на своём посту. И стальное сердце может не выдержать непрерывных ударов.

Он совершал ошибки! Кто из людей не совершает их? Но теперь, когда его больше не было, все забыли о них. В тот час, когда послушный твёрдой руке Уильяма Дженкинса звездолёт приближался к Москве, дрогнули и опустились национальные флаги во всех столицах мира.

Всё было прощено и забыто! Земля отдавала дань уважения и благодарности.

Траурные звуки оркестров не слышны в могучем рёве двигателей. В вихрях бурного пламени опускается на землю исполинская ракета.

Убраны «лапы», и сразу наступает тишина.

Словно вырвавшись на свободу, высоко кверху, над полем, взлетают медные голоса труб. И чудится людям, что не о смерти возвещают они, а о торжествующей жизни.

Сотрясают воздух залпы салюта.

Космический вездеход со снятой крышей устремляется к звездолёту. На нём будет доставлен стальной гроб с телом звездоплывателя.

Этот гроб был сделан в пути, в межпланетном пространстве, из запасных частей, любящими руками товарищей.

Ещё двое погибли во время рейса «СССР-КСЗ» на Венеру. Их тела далеко отсюда. Но придёт время, и они будут встречены с теми же почестями, с тем же ува-

жением и благодарностью.

Человечество не забывает тех, кто отдал за него жизнь. Они бессмертны!

Уже трудятся в своих мастерских знаменитые скульпторы и архитекторы, создавая достойный памятник трём погибшим. На вечные времена встанет он здесь, на этом поле. И трое друзей металлическими глазами будут провожать и встречать своих товарищей, неумоимо продолжающих начатое ими дело.

* * *

Странные бывают случайности.

Уильям Дженкинс, посоветовавшись с Белопольским, решил снять с «фаэтонца» всё оборудование, какое только удастся хотя бы частично разобрать. Опасаться повредить механизмы и аппараты, не приходилось, они всё равно обречены были навсегда остаться на Церере. А наука Земли могла и по отдельным деталям узнать многое.

Но «фаэтонец» воспротивился этому намерению. Закрывшаяся за тремя людьми дверь центра не желала больше открываться. Не помогли все попытки нажима на квадратные выступы, не достигли цели и «приказы» Второва. Доступ внутрь кольцевого звездолёта был отрезан глухой стеной.

Ни острое пламя автогена, ни термит не справились с твёрдостью жёлто-серого металла, который не смогли пробить мчавшиеся с космической скоростью метеориты.

Всё было напрасно!

Тайна «фаэтонца» оставалась на Церере нетронутой и загадочной, как прежде.

– Хорошо, что мы не выходили из корабля до прилёта «Принца Уэльского», – заметил Второв.

Автоматы дверей сработали в последний раз. Звездолёт «умер». И вернувшийся на Землю корабль не доставил ничего, что могло бы пролить свет на тысячелетнюю тайну.

Вся надежда была теперь только на Арсену. На ней в круглой котловине под гранитными фигурами, изображавшими тела простой кубической системы, были спрятаны какие-то ящики. Их предстояло достать и привезти на Землю. Никто не сомневался, что в них находятся материалы, могущие перевернуть всю технику и пролить наконец свет на причину гибели пятой планеты.

Неужели экипаж кольцевого звездолёта, найденного на Венере, было всё, что осталось от населения Фаэтона? Куда делись другие фаэтонцы? При исключительно высоком развитии науки могли ли люди не знать о грозящей им гибели? И не принять мер к спасению? Вряд ли это могло быть так.

На Арсену! – таково было единодушное требование мировой общественности.

– На Арсену! – говорили звездоплыватели, готовые вылететь когда угодно.

Но техника Земли была не в силах выполнить это всеобщее желание.

Арсена ушла далеко. Обогнув Солнце, она всё дальше и дальше удалялась от Земли. Апогей её орбиты нахо-

дился за орбитой Юпитера. Только через год астероид достигнет этой точки и направится обратно к Солнцу. И только тогда можно будет вылететь ему навстречу.

Приходилось ждать почти два года.

Горячие головы предлагали всевозможные проекты доставки на Землю брошенного на Церере корабля фэтонцев. Но если бы и было возможно «отбуксировать» двухсотметровое кольцо, всё равно надо было бы ждать, и ждать долго. Церера намного разошлась с Землёй.

Так грандиозны масштабы Вселенной, что даже внутри Солнечной системы, «у себя дома», человек не всегда может лететь куда хочет. Расстояние, побеждённое на поверхности Земли, – непреодолимая преграда на пути звездоплавателей. Пока непреодолимая. Только тогда, когда техника овладеет субсветовыми скоростями, рухнет эта преграда.

Экспедиция Белопольского открыла не только фэтонцев. Были ещё и венериане. Загадки сестры Земли тоже настоятельно требовали разрешения.

Предстояла большая и трудная работа. Звездоплаватели деятельно готовились к ней.

Англичане построили свой звездолёт для полёта на Венеру. Но, вместо Венеры, он летал на Цереру. Теперь приходилось ждать: и Венера ушла вперёд. Штурм космоса временно приостановился.

Борис Николаевич Мельников сразу после похорон Белопольского попросил шестимесячный отпуск и вместе с женой уехал из Москвы.

В небольшом, тихом городке Украины он засел за книгу о полёте «СССР-КСЗ».

Никто не сказал ему ни одного слова упрёка, но он был уверен, что никогда больше не доверят ему космический корабль. Разве не по его вине «фаэтонец» находится на Церере, потерян для науки, – если и не навсегда, то надолго. А смерть Константина Евгеньевича? Разве не то же роковое решение послужило косвенной причиной?

Мельников глубоко раскаивался, что не выполнил своего долга и не посоветовался с Камовым. Почему он этого не сделал. Только потому, что Белопольский сказал: «Решай сам». А само решение послать «фаэтонца» на Цереру здесь, на Земле, казалось ему верхом нелепости.

Какой же он «звёздный капитан», если может принимать такие ошибочные решения?

Просторы Вселенной по-прежнему влекли его к себе. Он знал, что никакая деятельность на Земле не заменит ему космоса с его тайнами, которые надо брать силой. Не заменит пленительной борьбы с природой в самой трудной для человека области.

И постепенно созрело решение.

Он написал письмо Камову. В нём, как о величайшей милости, он просил разрешить ему принять участие в ближайшей экспедиции рядовым участником. «Я не забыл своей прежней специальности, – писал он. – Прошу доверить мне киносъёмку. Я знаю, что недостойн быть звездоплавателем, но обещаю приложить все силы, чтобы снова стать им».

Никакого ответа он не получил.

– Когда мы вернёмся в Москву, – сказал он жене, – я

подам заявление и навсегда уйду из Космического института. Вернусь к журналистике.

Ольга только улыбнулась и ничего не сказала. Мельников подумал, что и она потеряла веру в него.

Он бросил писать свою книгу. Тоска овладевала им всё с большей силой. В газетах он читал о подготовке большой экспедиции, из двух кораблей, на Венеру и остро завидовал своим бывшим товарищам.

Бывшим!.. Он был убеждён, что они говорят о нём – «бывший».

Ольга внимательно наблюдала за мужем. Выполняя указания отца, она не утешала и не обнадеживала его. Камов прописал ему «моральный карантин». И она аккуратно писала отцу, сообщая обо всём, что делал и говорил Мельников.

Отпуск подходил к концу.

И вдруг пришло письмо со штампом Космического института.

– Вероятно, они предупреждают моё намерение, – сказал Мельников, вертя в руках конверт. – Здесь уведомление об увольнении.

– Чем гадать, – ответила Ольга, – не проще ли прочитать?

Первые же строчки заставили Мельникова вскочить со стула.

– Не может быть! – прошептал он.

– Так сказал один человек, – засмеялась Ольга, – увидя в зоопарке жирафа.

Мельников недоуменно посмотрел на неё.

Разве ты знаешь, что здесь написано? – спросил он.

Знаю, – продолжая радостно смеяться, ответила Ольга. – Читай!

– Это нехорошо с твоей стороны. Почему ты молчала?

– Так приказал твой учитель, а мой отец. Спроси у него. Я не знаю его соображений.

Впервые за шесть месяцев Мельников улыбнулся:

– Сергей Александрович как всегда прав. Его лекарство достигло цели.

И он прочёл вслух:

«Прилагая при этом копию приказа по Космическому институту Академии наук СССР о назначении Вас начальником англо-русской экспедиции на планету Венеру, выражаем Вам нашу радость и удовлетворение этим назначением, отвечающим всеобщему желанию. Мы гордимся, что в трудной и ответственной работе нами будете руководить Вы, испытанный капитан и самый опытный звездоплаватель. Ждём Вас!

От имени экипажа звездолёта «СССР-КС4» – Пайчадзе.

От имени экипажа звездолёта «Принц Уэльский» – Дженкинс».

А внизу от руки было написано:

«Поздравляю! Радуюсь и горжусь тобой. Сергей Камов».

* * *

И снова в необъятных просторах серебристыми точками сверкали в лучах Солнца металлические тела

звездолётов. Снова разум и воля человека вступали в борьбу с космосом. Пока только в пределах Солнечной системы!

Но близко было время, когда само Солнце превратится для экипажа корабля в небольшую звезду. Откроются человеку просторы Большой Вселенной.

Мала наша Земля! Мало ещё видно сквозь плотную завесу её атмосферы! И человеку стало тесно на ней! Слабы физические силы людей! Но их могучему Разуму доступно всё!

А наука и техника заменяют то, в чём отказала природа!

Одно за другим невозможное становится обыденным. Природа сдаёт одну позицию за другой.

Наступление Разума продолжается! И будет продолжаться, пока существует Разум. А он вечен!

ЭПИЛОГ

Слово «эпилог» означает «конец». И по своему смыслу он должен быть краток.

Отступая от этого правила, автор приносит свои извинения читателю. Его эпилог длинен. В сущности, это почти целая книга. Но внутренняя логика сюжета заставила автора поступить так «незаконно».

Те из читателей, которых не интересует рассказ о Фэзтоне, могут его не читать.

История Мельникова окончена. Автор рассказал, как вступил его герой на путь звездоплавания и к чему привёл этот путь.

Он хотел сказать этим: «Будьте преданы своему делу! И вас ждёт успех!»

Такого человека, как Мельников, ещё нет на Земле. Но он будет! Ибо очень близко всё, о чём было рассказано в этой книге.

Разумеется, всё будет совсем иначе. Иные картины предстанут глазам звездоплавателей на Марсе, на Венере, на других планетах и астероидах. Но главное –

завоевание космического пространства – осуществится!

А оно не может осуществиться без участия людей. Значит, появятся Камовы, Белопольские, Мельниковы. У них будут другие фамилии. Иначе они будут вести себя. Иной будет их судьба. Но благородное стремление завоевать для человека Земли просторы Вселенной, будет присуще им так же, как героям книги. Потому что без страстного желания, беззаветной преданности, мужества и воли нельзя вступать в поединок с Космосом!

ВО ЛЬДАХ АНТАРКТИДЫ

Четыре совершенно одинаковых «ящика»!

В них, если верить кинофильму фаэтонцев, который два раза видели Мельников и Второв, заключалось что-то исключительно важное. Для кого? Для людей или для самих фаэтонцев? Хотелось верить, что для людей. Об этом говорила тщательная подготовка. Всё было сделано, чтобы рассказать людям, откуда прилетел на Венеру этот корабль, и, в заключение, подробно описано место, где спрятаны «ящики».

Больше того. Фаэтонцы долгие годы жили на Венере. Было странно, что там, возле их корабля, нет ничего подобного тому, что они оставили на Арсене. Казалось бы, естественнее и логичнее соорудить гранитные фигуры именно на Венере и там же зарыть свой «клад». Или сделать это на Земле.

Почему же Арсена? Все шансы были за то, что люди Земли или другой какой-нибудь планеты посетят скорее Венеру, чем маленький астероид.

Казалось, что действия фаэтонцев не имеют логики. Трудно было предположить, что они выбрали Арсену только потому, что это обломок их погибшей планеты. В таком исключительно серьёзном и ответственном деле, как обращение к грядущим поколениям разумных существ, не может быть места для сентиментальности.

Экспедиция Мельникова на Венеру ответила на этот вопрос.

Клад на сестре Земли действительно существовал. Рядом с тем местом, где долгие века пролежал кольцевой звездолёт, была найдена каменная фигура в форме пирамидального куба. Вернее, остатки этой фигуры. Природа Венеры жестоко расправилась с ней. Если бы звездоплыватели не знали о существовании таких фигур, то никогда не обратили бы внимания на беспорядочную груду камней в первобытном лесу. Но они знали и искали именно это.

Внимательный осмотр позволил восстановить первоначальную форму и убедиться, что искомое найдено.

Под фундаментом фигуры оказался бетонный свод. Применение бетона на Венере было вполне оправдано. Как известно, бетон от сырости только крепнет.

Когда с большим трудом свод был пробит, появилась небольшая ниша. В ней лежала металлическая плита. Это был тот же жёлто-серый металл, из которого был построен корабль фаэтонцев.

Каким-то острым инструментом на плите был сделан чертёж. Он изображал часть Солнечной системы, до орбиты Юпитера включительно. Глубоко вырезанная линия в форме эллипса явно занимала центральное ме-

сто. Это была орбита Арсены.

К ней от крохотных кружков, изображавших Венеру и Землю, шли тонкие стрелки. А возле кружка Арсены тускло поблескивал сделанный из цветной мозаики синий круг с двумя линиями в форме буквы «X».

И больше ничего. Снова фаэтонцы указывали на то, что оставлено ими на Арсене. Синий круг, это было уже известно, предупреждал об осторожности.

Может быть, и на Земле лежат где-нибудь остатки каменной фигуры? Мало ли мест на нашей планете, где ещё не ступала нога человека!

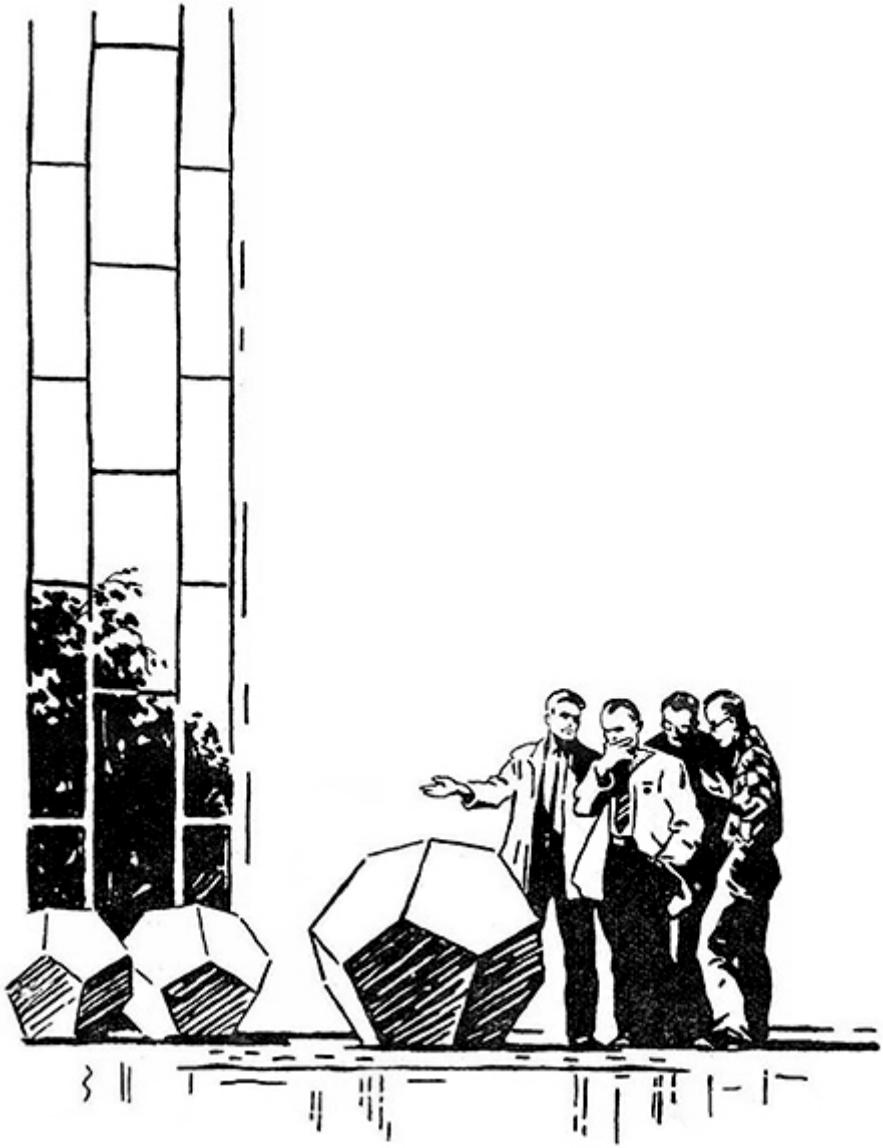
«СССР-КСЗ» вылетел на Арсену.

И вот четыре одинаковых «ящика» стоят в лаборатории Академии наук в специальном помещении, расположенном вдали от населённых пунктов.

Нельзя забывать об осторожности, предписанной самими фаэтонцами. Никто не знал, что может произойти, когда «ящики» будут открывать. Что в них? А открыть их необходимо. Необходимо, но как?

«Ящики» необычной формы. Это гранёные шары. Двенадцать пятиугольных граней не имеют никаких следов скрепления друг с другом. «Ящики» кажутся выточенными из целого куска неизвестного металла. Его цвет трудно определить, он меняется при малейшем изменении условий освещения. Если пристально смотреть на грань, начинает казаться, что за тонкой плёнкой таится бездонная глубина.

Диаметр «ящика» – один метр, а весит он больше двух тонн. Но ведь он не может быть сплошным, в нём что-то находится!

Огромного труда потребовала доставка этих шаров. Люди обращались с ними, как с хрустальными вазами. На звездолёт их грузили руками. Две земные тонны на

Арсене – небольшой вес. Не то на Земле. Здесь каждая тонна представляет собой то, что и должна представлять, – тысячу килограммов. Стрелу крана не введёшь внутрь корабля. И пришлось сломать стенку звездолёта. А от ракетодома до лаборатории дары фаэтонцев везли шесть дней, по одному на машине, со скоростью двух километров в час. И впереди колонны шёл мощный каток, выравнивая путь.

Всё было сделано, чтобы ни один толчок не встряхнул содержимого. Любую вещь можно сделать ещё раз. Но гранёные шары фаэтонцев были уникальны.

Всё готово! На мягкой подстилке, в центральном зале лаборатории стоит один из шаров, выбранный наугад.

Нужно его открыть! Узнать, что в нём находится! Для того он и доставлен сюда.

Но как к нему подступиться? С какой стороны? Чем и как открывать его? А может быть, его вообще нельзя открыть? Может быть, он всё-таки сплошной?

Три инженера, взявшиеся за разрешение загадки, тщательно осмотрели все двенадцать граней с помощью оптических средств.

Ничего! Грани были гладки, и никаких знаков на них не было. Загадка внутри!

Инженеры не торопились. Грубое вмешательство режущих аппаратов было здесь неуместно. Если не будут найдены другие средства, тогда придётся прибегнуть к ним. А пока надо было искать простой и логичный способ, думать, поставив себя на место фаэтонцев.

Но решение не приходило.

Осмотрели другие шары. Может быть, на них есть знаки. Но ничего не обнаружили. Все четыре совершенно одинаковы.

Инженеры были работниками Космического института. Звездоплавание – вершина современной техники. И его штаб привлёк лучшие силы. Все трое – Владимир Сергеевич Семёнов, Николай Александрович Готовцев и Всеволод Андреевич Мацкевич – были люди самого широкого технического кругозора. Они хорошо знали все области техники. Так неужели же совместными усилиями трёх таких людей не удастся разгадать замысла фаэтонцев?

Они ставили вопрос так: а как поступили бы они сами, если бы перед ними возникла задача сохранить содержимое ящиков на десятки тысячелетий?

И они перебрали все мыслимые способы наглухо замкнуть гранёные шары. Все! Даже выходящие за границы возможностей земной техники.

И отклоняли их один за другим. Они чувствовали, что решение просто. Оно где-то тут, совсем рядом, но...

– Только логика, – говорил Мацкевич. – Только она может помочь нам. Ничего более!

Кому первому пришла в голову правильная догадка? Вероятно, Семёнову. Во всяком случае, он первый высказал мысль до того простую, что стало понятно, почему так долго не удавалось наткнуться на неё. Простое всегда самое трудное!

– Синий круг с жёлтыми линиями, – сказал он, – это не сигнал осторожного обращения. Это то же самое, что такой же круг на фаэтонском звездолёте.

Готовцев и Мацкевич говорили впоследствии, что эта мысль приходила и им в голову, но они почему-то не высказали её вслух.

И в уединённой лаборатории, стоявшей в густом лесу, появился Геннадий Андреевич Второв.

Несомненно, на Земле было много людей, биотоки мозга которых могли соответствовать биотокам фазтонцев. Но они были неизвестны. Только относительно одного Второва это знали достоверно.

– Заставьте шар открыться, – предложил ему Владимир Сергеевич.

Без преувеличений можно сказать, что результата этого опыта с волнением ждал весь мир.

Но и Второва постигла неудача. Гранёный шар не изменил своего вида. Никакого отверстия не появилось. Однако была одна деталь, которая сразу показала, что, несмотря на неудачу, догадка верна.

Как только Второв сосредоточил свою мысль, в кажущейся глубине грани вспыхнули хорошо знакомые ему огоньки. Было ясно, что шар «приготовился». Мёртвый кусок металла ожил.

Чего же ждал он от человека? Какого «приказа»?..

Начались поиски. День за днём Второв просиживал по несколько часов напротив шара, давая ему всевозможные приказы. Он до предела напрягал своё воображение. Всё было тщетно. Ему начинало казаться, что мерцающие огоньки смеются над его усилиями. Гранёный шар не слушался.

Наступил день 25 октября 19... года.

Четыре человека, бьющиеся над шаром, запомнили

навсегда это число. И не только они.

Тайна раскрылась!

Кто мог додуматься до этого! То, что произошло, было слишком невероятно!

В отчаянии от бесплодных усилий, исчерпав всё, что могло случиться с шаром, Второв почти машинально вообразил, что шар... заговорил!

В то же мгновение четверо людей слышали голос. Они могли поклясться, что их окружала полная тишина. Ни звука не доносилось снаружи лаборатории. Но каждый из них отчётливо слышал знакомый голос. И он произносил русские слова!

Конечно, всё это было просто. Просто с фаэтонской точки зрения. Их биотехника стояла высоко. И, привыкнув к ней, они невольно считали её простой и для других. Так всегда бывает.

Человек мыслит словами. За каждым словом стоит какой-то предмет или понятие. Слыша фразу, мы, не замечая этого, представляем себе соответствующую вещь или действие. Сами по себе слова – пустой звук.

Но если слова могут вызвать представление, то возможно и обратное: представление можно воспринять словами. И каждый человек «услышит» эти слова на своём привычном языке. Возникнет мысль, как будто бы сказанная самим человеком.

«Фаэтонцы заключили в гранёный шар то, что они хотели сказать в форме представлений, понятий и образов. На каком бы языке ни мыслил будущий слушатель, он должен был воспринять зашифрованный язык фаэтонцев на своём родном языке.

На разных языках слова звучат разное, но значат они одно и то же. Стул можно называть с помощью звуков совершенно не похожих друг на друга, но, в конечном счёте, все они создадут одно понятие – стул, предмет, предназначенный для сидения на нём. То же самое и со всем остальным.

Другой вопрос – как это сделать? Мы привыкли, что речь можно записать на пластинку, на ленту магнитофона. Нас не удивляет, что она звучит из мёртвого аппарата как живая. Записывать мысли мы ещё не умеем. Да ещё так, чтобы они «завучали» после мысленного же приказа. Это техника будущего. Для нас. Но для фаэтонцев это была техника настоящего. И они ею воспользовались. Это было просто, логично и рационально. В мозгу четырёх людей звучал их собственный голос. И он говорил им, что они должны делать дальше.

«Запись» оказалась очень короткой. Она заключала в себе не более двух десятков фраз, иногда одиночных слов. А случалось и так, что мысли внезапно путались, и никак нельзя было уловить смысла. Очевидно, фаэтонец, «диктовавший» аппарату, в эти мгновения создавал перед собой образы или понятия, недоступные мозгу человека Земли. Но основной смысл «послания» полностью восприняли все четверо.

Людям Земли дали указание. Не здесь, в этих шарах, заключалось наследство фаэтонцев. Шары предназначались только для того, чтобы указать, где искать подлинный «клад».

Когда испробовали все четыре шара, из каждого услышали одно и то же: четыре раза фаэтонцы повторили

свою речь.

Многое стало понятным. Клад, спрятанный на Земле, был настолько ценен, что фаэтонцы боялись доверить его человеку до тех пор, пока его развитие не станет высоким настолько, чтобы разумно распорядиться им. Они нашли надёжное хранилище. А указания о нём спрятали на Арсене, справедливо полагая, что добраться до него может только человек, вооружённый мощной наукой и могучей техникой.

И до самого клада здесь, на Земле, не в состоянии был добраться человек без помощи той же техники.

Хранилище расположили в глубине материка Антарктиды, в точке полюса.

Любопытно, что послание фаэтонцев не указывало именно на Южный полюс. Очевидно, они не знали этого. В мозгу людей возникал полюс вообще. Но материк только на Южном, на Северном – море.

И ничего не было сказано о том, что ждёт там людей. Новые «ящики» или что-нибудь другое? Фаэтонцы дали знать об огромной ценности спрятанного. И только.

И ещё! Там же, в тайнике, находился такой же грабёжный шар, как на Арсене. Очевидно, от него люди узнают, что делать с кладом, но было достаточно ясно указано, что не он является главным.

Что же находится в глубине материка Антарктиды?

Всё население земного шара гадало об этом. Газеты были заполнены всевозможными предсказаниями.

Первым достиг Южного полюса знаменитый Роальд Амундсен. Это произошло в 1911 году. В 1912 году полюс посетил англичанин Скотт. В ноябре 1929 года

американец Берд пролетел над ним на самолёте. А затем началось планомерное освоение Антарктиды, начатое Советским Союзом. Вслед за посёлком «Мирный» появился посёлок на самом полюсе. Ко времени, когда люди узнали о фаэтонцах, там существовал довольно большой научный городок.

В центре, на небольшой площадке, высился обелиск. Он стоял точно на полюсе. Тонкая игла на его вершине была как бы зримым концом воображаемой земной оси.

На материке Антарктиды велись бурения, производились поиски ценных ископаемых. Легко могло случиться, что хранилище фаэтонцев было бы обнаружено. Что случилось бы тогда? Не зная, что это такое, люди могли безвозвратно погубить бесценное сокровище. И никогда человечество не узнало бы, отчего погиб Фаэтон.

* * *

В ноябре 19... года самолёты СССР, Англии и США слетелись к Южному полюсу. Они доставили сюда учёных, инженеров и всё, что было нужно, чтобы проникнуть в недра плоскогорья.

Разумеется, среди прилетевших был Второв.

Его охраняли как зеницу ока. Берегли, как величайшую драгоценность. Только с его помощью можно было «спросить» спрятанный где-то здесь шар. Ответ, это знали по опыту, мог услышать не он один.

Сами собой возникали недоуменные вопросы. Если только один человек мог приказывать фаэтонской тех-

нике, то как могли фаэтонцы полагаться на подобную случайность? Почему не придумали что-нибудь другое, доступное всем разумным существам? Предусмотрели же они, чтобы ответы слышали все.

Это было непонятно.

Но, как бы то ни было, помочь мог только Второв.

Всё было подготовлено к началу работы. И 20 ноября первый бур вонзил своё острое жало в промёрзшую землю.

Памятника решили не трогать. Хранилище фаэтонцев занимало, вероятно, не мало места. Бурение производили в четырёх точках вокруг обелиска.

Было уже известно, как тверды материалы, употребляемые фаэтонцами в подобных случаях. Не опасаясь больше испортить содержимое, инженеры делали попытки вскрыть один из говорящих шаров, чтобы увидеть загадочные аппараты, заключённые в нём. Но пока что эти попытки не увенчались успехом. Металл шара не поддавался никакому воздействию.

Буры всё глубже уходили в почву плоскогорья. Пройдено пятьдесят метров.

Все ждали момента, когда они остановятся, наткнувшись на непреодолимую преграду. Это покажет, что искомое найдено. А если хранилище покрыто бетоном, как на Венере, то бур пройдёт через него и окажется в пустоте. Чувствительные приборы тут же сообщат об этом.

Достигнув глубины в шестьдесят метров, буры остановились. Что-то не пускало их дальше. Не пускало все четыре.

– Глубоко они зарыли свой клад, – сказал Семёнов, руководивший работой. – И как точно!

Извлечённые на поверхность земли буры тщательно осмотрели. Алмазные наконечники притупились. На одном из них удалось обнаружить едва заметные следы жёлто-серого металла.

Быстрокрылое радио разнесло весть об успехе по всей Земле.

На Южный полюс прибыла научная комиссия, возглавляемая Сергеем Александровичем Камовым. В её составе находились Волошин, Мельников и Пайчадзе. Кому же, если не звездоплавателям, принять в свои руки наследство фаэтонцев!

Началась вторая стадия работы. Нужно было построить шахту.

Радиозондами определили форму металлического препятствия, остановившего буры. Оно оказалось круглым. Но буры остановились на одной и той же глубине. Значит, это не шар, а плоская крышка. Её диаметр составлял двенадцать метров.

Семёнов был прав: круглая крышка была помещена геометрически точно на полюсе. Земная ось проходила через её центр.

И фаэтонцы были правы. Невозможно было прорыть шестидесятиметровую шахту, не имея в распоряжении мощных машин на полюсе. Их расчёт оказался правильным: что бы ни нашли люди, они были уже достаточно вооружены знаниями, чтобы разумно распорядиться «наследством».

Шахту решили прорыть непосредственно рядом с

обелиском, чтобы достигнуть центра крышки. Если существовала дверь, она логически должна была находиться именно в центре.

Заработали динамо, давая силу машине. Алмазные резцы врезались в землю. Автоматически действующие конвейеры непрерывным потоком выносили на поверхность срезанные пласты гнейса, диорита и песчаника.

Шахта углублялась на глазах. Работа шла без участия людей. Они сделали своё дело – установили машину, подвели к ней питание и дали ей нужное направление. Остальное сделала сама машина.

И вот огромный «крот» вернулся на поверхность земли. Далеко внизу под лучом света блеснула жёлто-серая крышка хранилища. Цель достигнута.

Владимир Сергеевич Семёнов спустился в шахту по верёвочной лестнице. Нужно было, прежде чем пустить туда Второва, выяснить вопрос, есть дверь или нет.

Он сразу увидел её. На жёлтом фоне ясно виднелся край синего пятиугольника. Шахта прошла немного в стороне от центра. Пятиугольник был обнажён меньше чем наполовину.

Снова пускать в ход землеройную машину не было смысла. Вооружённые вибраторами инженеры сами взялись за работу.

Недра полюса когда-то были разрыхлены фазтонцами. Но за тысячи лет (кто знает, может быть, прошли десятки тысяч лет, а некоторые учёные считали, что даже и не тысячи, а миллионы) всё снова – приняло первоначальный вид, наглухо «срослось», и электро-

вибраторы с трудом входили в твёрдую породу. Работа продвигалась буквально миллиметрами.

Но вот пятиугольный контур полностью обнажён. Это был вход в хранилище, и он должен был открываться так же, как пятиугольные двери на фаэтонском звездолёте, – без каких-либо кнопок.

Всё было предусмотрено. Если бы люди не знали о существовании фаэтонцев, не имели опыта с кольцевым кораблём, то никогда не смогли бы догадаться как открывается дверь, да и вообще не подумали бы, что синяя линия – граница входа. Найденное случайно, хранилище осталось бы неприступным.

Пришла очередь Второва. В сопровождении Камова, Мельникова и Семёнова Геннадий Андреевич спустился в шахту.

Наступил решающий момент операции.

Длинный путь привёл людей к этому месту. В памяти Второва промелькнули скалы Арсены, круглая котловина, каменные чаши венериан, кольцевой звездолёт фаэтонцев и вся мучительная эпопея его и Мельникова. Всё это были звенья одной цепи. Наконец четыре шара в лаборатории, таинственный голос – и вот они стоят здесь, на полюсе, в шестидесяти метрах от поверхности земли, а перед ними тонкая синяя линия, означающая вход.

Что там?

Тысячи предположений и догадок были высказаны за эти дни в газетах и журналах всего мира. В тщательно замаскированном хранилище фаэтонцев, в самой труднодоступной точке земного шара, ожидали найти

всё, что угодно, но подавляющее большинство считало, что будут найдены «говорящие» машины и кинофильмы. В хранилище могли оказаться такие же аппараты, какие были доставлены с Арсены, но, конечно, более мощные, заключающие в себе всё, что фаэтонцы считали нужным оставить в наследство людям Земли. Мельников и Второв видели их фильм и убедились, как высоко было развито на Фаэтоне искусство съёмки. И почти никто не сомневался, что наука пятой планеты предстанет перед людьми именно в кинофильме.

Фильм в сочетании с говорящим аппаратом, – очень многое можно было рассказать с помощью этих средств.

Но, рассуждая так, люди забывали, вернее, не признавали ещё, огромной разницы между наукой Фаэтона и наукой Земли. Все знали, что фаэтонцы обогнали людей, но никто не представлял себе с полной ясностью, сколь велика была пропасть, разделявшая их.

Какими словами современный человек смог бы рассказать египтянину времён первой династии о технике и науке двадцатого века? И, вдобавок, рассказать, не зная языка, на котором говорит и думает слушатель.

Второву не в первый раз приходилось мысленным приказом открывать фаэтонские двери. Но сейчас он испытывал особо сильное волнение. Раньше он знал, что ждёт его за дверью, теперь там была неизвестность.

Сверху, наклонённый над шахтой, светил прожектор.

Синий контур был виден отчётливо. Второв смотрел на него, ожидая, чтобы успокоилось сердце.

Хорошую школу прошёл Геннадий Андреевич. Легко

было невольно подумать об открытом входе. Но он хотел действовать наверняка и не допускал случайных мыслей.

Для Семёнова, Камова и Мельникова время тянулось нескончаемо. Им начало казаться, что Второва постигла неудача.

Второв закрыл глаза. Пятиугольный контур продолжал находиться перед его мысленным взором, он как бы видел его сквозь опущенные веки.

И чудо фаэтонской техники совершилось послушно.

Потускнел металл контура. Словно растворяясь в невидимой кислоте, он исчезал на глазах. И вот блеснули в свете прожектора жёлто-серые ступени узкой лестницы. Они вели в тёмную глубину.

НАСЛЕДСТВО ФАЭТОНЦЕВ

Не сразу решились четыре человека спуститься по лестнице, хотя было ясно, что именно для них она и оставлена.

Камов поднялся на поверхность, чтобы рассказать нетерпеливо ждущим учёным об удаче.

Он вернулся с четырьмя предохранительными масками.

– Нам рекомендуют принять меры предосторожности, – сообщил он. – Там, в подземелье, могли скопиться вредные газы.

– Откуда? – возразил Второв. – Хранилище было герметически закрыто. Там воздух нашей Земли.

– Вот именно. Воздух Земли, но только тот, который

был на ней сотни тысяч лет тому назад.

– Мы и сейчас дышим этим воздухе!

– Необязательно, – сказал Мельников. – Вспомни, двери фаэтонского звездолёта открывались в пустоте и воздух не выходил наружу.

При этих словах все посмотрели на отверстие у своих ног. Оно казалось пустым. Ничто не препятствовало проходу через него. Но это впечатление могло быть обманчиво.

Мельников наклонился и опустил руку в отверстие. Она прошла, но он ясно почувствовал какое-то сопротивление. Невидимая завеса походила на упругую ткань. Она «образовалась» под напором его руки, но сжимала запястье плотно и сильно.

Вход в хранилище продолжал оставаться закрытым.

Даже об этом подумали фаэтонцы! Они проявили заботу о здоровье неведомых им людей, предвидели, что за долгие века воздух Земли может измениться, и предупреждали их, что нельзя входить, не принимая мер к безопасности.

Все они знали, обо всём думали!

– Да, – сказал Мельников. – Надо надеть маски.

Он первым прошёл через «пустое» отверстие и спустился по лестнице. За ним последовали остальные.

Лестница имела шестнадцать ступеней. И все четверо поняли ещё одно. Расстояние между ступенями соответствовало росту человека Земли, а не фаэтонца. Значит, фаэтонцы знали, каков будет этот рост.

– Неудивительно, – заметил Семёнов. – Они видели наших отдалённых предков. Ведь человек появился

сотни тысяч лет назад³.

Стоя у подножия лестницы, Мельников и Второв смотрели наверх. Они привыкли, что фаэтонские двери закрываются за людьми.

Но проходили минуты, а пятиугольное отверстие не затягивалось металлом. Оно продолжало быть открытым. Через него проникал луч прожектора. На металлическом полу отчётливо обрисовывался пятиугольник. Всё остальное смутно проступало в полумраке.

Пол не отражал света. Людям казалось, что помещение совершенно пусто.

Второв распорядился, чтобы был свет. И сразу же вспыхнул уже знакомый голубой туман.

Помещение осветилось.

Это была комната с прямоугольными стенами, полом и потолком, через который они проникли сюда. Она была сплошь металлической или казалась таковой. Она имела кубическую форму. От одной стены до другой и от пола до потолка было метров пять. И она, действительно, была совершенно пустой.

Никаких предметов, ничего похожего на скрытые двери, – голые стены, голый пол! Ничего!

Четверо людей с недоумением посмотрели друг на друга. Ведь не за тем, чтобы увидеть эту пустую «металлическую» комнату фаэтонцы позвали сюда людей таким сложным и запутанным способом?...

– Диаметр хранилища, – сказал Семёнов (глухо звучал его голос из-под маски), – двенадцать метров. Здесь

---

³ По современным данным – 2 500 000 – 1 500 000 лет назад.

около пяти, никак не больше.

Как же проникнуть в другие помещения?

Второв, поочерёдно, представил себе открытые двери на всех четырёх стенах и на полу. Никакого результата! Он стал вспоминать, что говорили им гранёные шары там, в далёкой отсюда лаборатории. Да. Они «сказали», что именно здесь находится то главное, ради чего люди должны найти это место. И прибавляли, что указания будут даны здесь. Они говорили о таком же аппарате, какие были найдены на Арсене. И он и его товарищи вообразили себе такой же гранёный шар. Но ведь это могло быть не мыслью фаэтонцев, а их собственной... Почему обязательно такой же шар?.. Тот же аппарат! Но он может иметь совсем другую форму. Запись может находиться хотя бы... в стенах!

И Второву почудилось, что стена заговорила. Нет, не почудилось! Он «слышал». В его мозгу настойчиво возникали мысли об учёных.

– Они требуют присутствия здесь учёной комиссии, – сказал Камов.

– Очевидно, – согласились Мельников и Семёнов. – И это вполне логично.

Четверо людей вернулись на поверхность земли. Вход в хранилище и на этот раз остался открытым. Было ясно, что фаэтонцы не считали нужным закрывать его больше.

На Южный полюс съехалось много учёных различных стран. Спуститься в хранилище всем сразу было невозможно. Решили, что требуемая фаэтонцами комиссия, которая, очевидно, должна была «выслушать»

исключительно важные вещи, будет состоять из двенадцати человек, включая Мельникова и Второва.

Камову предстояла нелёгкая обязанность сделать выбор, никого не обидев. Предложенный им список, состоящий из представителей шести стран, не встретил никаких возражений.

И вот двенадцать человек стоят на металлическом полу в освещении голубого тумана.

Что же им делать дальше?

Одиннадцать смотрели на Второва, ожидая от него нужных действий. А он сам дорого дал бы за то, чтобы получить совет.

Как сказать давно умершим фаэтонцам, что их требование исполнено и учёные Земли собрались и готовы выслушать их?

«Может быть, сами фаэтонцы...» – подумал Второв и, не закончив мысли, «потребовал», чтобы стена заговорила.

Двенадцать человек услышали голос. Он сказал на шести языках то же, что раньше слышали четверо.

Невольно хотелось ответить. «Мы здесь, говорите!» Но как выразить эту фразу не словами, а образами?

Высока техника фаэтонцев! Но и ей не под силу определить, кто находится здесь. По внешнему виду люди мало отличаются друг от друга. Учёный и каменщик, инженер и врач выглядят одинаково.

Надо сказать!

– Помогите мне, – попросил Второв.

– Вернёмся наверх, – предложил Камов. – Подумаем.

Задача была предельно ясна. Но она не становилась

от этого легче.

Фаэтонский автомат был настроен на какой-то вполне определённый и, вероятно, единственный, образ. Он должен был воспринять этот образ или представление, передать другому механизму, который, в свою очередь, заставит действовать механизм записи. И только тогда люди смогут «услышать» то, что было нужно. Другого устройства нельзя было себе представить.

Что же должен вообразить Второв? Какая картина должна была ему представиться? Какое действие характеризует именно учёных? Таких действий было тысячи.

Это было похоже на поиски неизвестного числа с помощью всех мыслимых перестановок существующих чисел.

Безнадёжно!

– Не могли фаэтонцы не понимать этого, – говорили все. – Нужно искать простое решение.

Легенда о «колумбовом яйце», басня Крылова о ларчике, – как часто люди забывают эти мудрые указания. Как ни странно, но думать совсем просто не лёгкая вещь. Чаще всего люди ищут сложность там, где её нет.

Это повторилось и в данном случае.

В чём же ошибались люди? Всё в том же вопросе неразрывной связи представления и слова, образа и слова, понятия и слова. Слово – всегда и везде. Без слов нет мыслей! Хотя людям и кажется, что это не так.

И снова, как тогда в лаборатории, правильный путь

указал Семёнов.

– Вы ищете образ, который связан со словом «учёный», – сказал он. – Но разве само это слово не создаёт нужное представление? Когда мы слышим или произносим слово «учёный», мы не можем представить себе футболиста или оперного певца. Все картины, которые вы изобретаете, автоматически возникают из одного этого слова.

– По-вашему получается, что я должен просто сказать: «Учёные здесь», – возразил Второв – Слово «здесь» так же создаёт вполне определённое представление.

– Да, по-моему, так, – ответил Владимир Сергеевич.

– Тогда почему же для открывания пятиугольных дверей недостаточно сказать: «Откройтесь»?

– А разве вы пробовали? Может быть, автоматы фаэтонцев гораздо тоньше настроены, чем мы думаем. Одно дело звездолёт, а совсем другое здесь.

– Во всяком случае, это выглядит очень логично, – сказал Камов. – Мы автоматически повторяем те действия, которые производили на фаэтонском корабле. Вполне вероятно, что Владимир Сергеевич прав, надо испробовать.

– А если это правильно, – добавил Мельников, – то не только Геннадий Андреевич может заставить автомат сработать. Рассчитывать на случайное совпадение биотоков фаэтонцы не могли.

– Значит, любой из нас?..

– Да, любой, – уверенно ответил Мельников. – Теперь это совершенно ясно.

Двенадцать человек снова спустились в шахту.

Обычным тоном, словно обращаясь к невидимому собеседнику, Второв сказал:

– Учёные здесь.

Осталось неизвестным, прав был Семёнов или нет. Каждый из присутствующих обратил внимание, что при этих словах в мозгу возникало вполне определённое представление – здесь, на этом месте, находятся люди, связанные с наукой. Все отчётливо осознали то, на что обычно не обращают внимания, – звуки слов вызвали те образы, которые и нужны были в данном случае.

А так как все знали, что именно будет сказано, то даже не владеющие русским языком восприняли их так же, как присутствующие русские. Возникло двенадцать различных по частоте, но одинаковых по смыслу биотоков.

Может быть, именно на это и рассчитывали фазтонцы? На коллективную мысль, облегчающую устройство и настройку их аппарата?

Решение, проще которого и быть не могло, оказалось правильным.

За стеной послышался звук, – точно упало что-то металлическое. Мельников и Второв сразу его узнали. Они слышали такой звук на космическом корабле фазтонцев.

И то, что обычно случалось с пятиугольными контурами дверей, случилось с одной из стен. Она «растаяла» и исчезла.

Открылась тёмная глубина, её скрывал плотный синий туман. Ничего не было видно. Потом появились

искрящиеся, словно хрустальные, нити, пронизывающие синий сумрак во всех направлениях.

Они становились всё более частыми и вскоре заполнили всё видимое пространство.

И люди впервые ясно увидели, что «исчезнувшая» стена по-прежнему находится перед ними. Хрустальные нити в стремительном своём движении натыкались на её невидимую поверхность и круто изгибались в стороны. Между людьми и синим туманом стояло непроницаемое препятствие. А нити, казавшиеся тонкими полосками света, очевидно, были потоками неизвестных частиц.

Это продолжалось несколько минут. А затем и нити и самый туман внезапно исчезли.

Но наружная стена хранилища, которая должна была находиться метрах в шести от людей, всё же оставалась невидимой. Её скрывал на этот раз не синий, а молочно-белый – не туман, а свет.

И совсем близко, как будто на том месте, где находилась недавно исчезнувшая перегородка, возникла фигура фаэтонца.

Он был совсем такой же, как те, которых видели Мельников и Второв на кольцевом звездолёте, а остальные люди на экранах при демонстрации картины, заснятой Второвым. Тёмное трико плотно облегло его тело. На шее висела цепочка серебряного цвета.

Фаэтонец во всём был подобен человеку Земли, отличаясь только небольшим ростом, не больше метра с четвертью.

Нижняя часть его лица казалась непропорционально

малой по сравнению с огромными овалам глаз и нависшим над ними мощным лбом. Брови были густы, длинные и круто загибались к вискам. Такими же густыми и длинными были ресницы.

Чувствовалось, что за этим выпуклым лбом находился мозг, во много раз превышавший своим развитием мозг человека Земли.

Прошла минута.

Люди рассматривали странного «гостя», казавшегося реальным существом из плоти и крови. Но это был только призрак, созданный силой науки и могучей техники погибшего мира.

Фаэтонец протянул вперёд обе руки (создавалось впечатление, что они вышли за границы невидимой стены) и улыбнулся.

В мозгу двенадцати человек «прозвучали» слова:

– Моё имя...

И уже не в мозгу, не в мыслях, а просто в ушах раздался певучий звук фаэтонского языка:

– ...Иайа.

Где помещался аппарат, связанный с «призраком» фаэтонца и говорящий за него, люди не видели.

– Я пришёл к вам, чтобы рассказать о гибели нашей планеты и судьбе её обитателей, для того, чтобы связать вас с нашими далёкими потомками на их новой родине...

Каждый из двенадцати человек отчётливо «слышал» каждое слово. Четверо записывали. Никто не знал, дадут ли фаэтонцы второй сеанс, нельзя было полагаться только на память.

Слова Иайи звучали на шести языках. Какой силой воображения, какой отчётливостью мысли надо было обладать, чтобы фразы фаэтонского языка превращались и образы и понятия, легко воспринимаемые любым мозгом!

Последние слова Иайи поразили всех. «Новая родина... отдалённые потомки.» Это означало, что обитатели пятой планеты не погибли, как думали люди. Они спаслись и поселились на другой планете, очевидно не принадлежавшей к Солнечной системе.

– Вы можете задавать мне вопросы, – продолжал Иайа. – Я буду отвечать вам. Разумеется, только на те, которые мы смогли предвидеть. В аппарате, откуда вы слышите мой голос, записано несколько десятков вопросов и ответов.

Фаэтонец замолчал. Он стоял перед людьми и смотрел на них огромными глазами, устремлёнными в одну точку. Его руки оставались протянутыми вперёд, он как бы застыл в этой позе. И настолько живым казался Иайа, что каждый невольно подумал, что он устанет, если не опустит рук.

Но изображение фаэтонца не могло устать. Могли устать сами люди. И за много веков до этой беседы, обдумывая и подготавливая её, фаэтонцы подумали и об этом. Следующие слова Иайи показали, что он и его товарищи представляли себе всю обстановку встречи с поразительной точностью.

– Вернитесь на поверхность планеты, – сказал Иайа. – Обдумайте ваши вопросы. Спуститесь сюда через одну двухтысячную долю времени, необходимого

для вашей планеты, чтобы обойти вокруг Солнца. И примите меры против усталости. Наша беседа будет продолжительной.

Разумеется, фаэтонцы не могли знать счёта времени земных людей, и они нашли форму, как указать нужное время, чтобы прияли все, независимо от принятой единицы измерения.

И перед людьми снова встала жёлто-серая стена. Изображение Иайи исчезло.

– Это означает четыре часа и двадцать три минуты, – сказал Пайчадзе, произведя несложный расчёт.

– За работу, друзья! – по-английски, чтобы все поняли, сказал Камов. – Фаэтонцы дали нам не много времени на подготовку.

Пока учёные составляли список вопросов, которые они хотели задать Иайе, в подземную комнату спустили двенадцать кресел и расположили их полукругом перед стеной, где должен был снова появиться фаэтонец.

Мельников подробно рассказал о том, что они видели, тем, кто не был внизу. И у всех возник один и тот же вопрос – зачем понадобился фаэтонцам этот театральный эффект? Почему они не ограничились «говорящей» машиной, а сочли нужным показать людям «живого» фаэтонца?

На этот вопрос был только один ответ, и он напрашивался сам собой, особенно после того, как Иайа сказал, что фаэтонцы не погибли, а существуют где-то. Они не были уверены, что люди увидят фильм на кольцевом корабле, и хотели показать, как выглядят те, с кем придётся иметь дело впоследствии. Ведь Иайа

сказал, что свяжет людей с отдалёнными потомками фаэтонцев.

Другого объяснения не было. Нельзя же было предположить, что фаэтонцы поступили так из любви к эффектам.

Точно в указанное время, через четыре часа и двадцать три минуты, двенадцать человек опять собрались перед металлической стеной. Удобно расположившись в креслах, они приготовились к длительной беседе. Смело можно сказать, что ничего более странного, чем эта «беседа», никогда не происходило на Земле.

Мельников и Второв захватили с собой кинокамеры. «Явление Иайи» должны были увидеть все люди на земном шаре.

Наступила назначенная минута.

Было очевидно, что вмешательство Второва или кого-нибудь другого сейчас не нужно. Фаэтонцы сами назначили срок, и их автоматика должна была сработать сама. Так и случилось, но только после семи минут ожидания.

Почему запоздала фаэтонская техника? Много причин могло привести к этому. Во-первых, фаэтонцы могли указать одну двухтысячную долю года просто потому, что круглая цифра удобнее для мысленной передачи, семь минут опоздания они могли считать не-

существенными. Во-вторых, часовой механизм, а что-нибудь вроде него должно было быть, мог за столь долгое время немного испортиться. И в-третьих, время оборота Земли вокруг Солнца могло измениться, если прошли не тысячи, а миллионы лет.

Всё это было возможно, но люди сильно удивились. Невольно обращало на себя внимание одно странное обстоятельство – двадцать три минуты плюс семь составляют тридцать. А это означало, что запланированный фаэтонцами «перерыв» продолжался, с поразительной точностью, ровно четыре с половиной часа!

Никак не могло случиться, что счёт времени у людей и фаэтонцев был один и тот же. Случайность? Это возможно, но трудно было поверить в такую точную случайность.

Синего тумана и хрустальных нитей на этот раз не было. На месте «растаявшей» стены сразу появился Иайа.

– Я вас слушаю, – сказал он.

Первый вопрос был о причине гибели Фаэтона.

Начался рассказ. Двенадцати слушателям казалось, что кто-то действительно говорит им. Запись мысленных образов была поразительно чёткой. Но не всегда.

Все заметили, перерывы в рассказе Иайи. Создавалось впечатление, что временами фаэтонец «умолкал» и это молчание не было оправдано логикой его слов. И только в конце Иайа (было ясно, что люди слышали именно его мысли) объяснил, отчего это происходило.

В рассказе многого не хватало. А вместе с тем было совершенно очевидно, что фаэтонцы очень тщательно

готовили его.

Происходило это потому, что в местах перерывов людям должен был демонстрироваться фильм, иллюстрирующий рассказ Иайи. Но фильма не было.

И такой совершенной казалась фаэтонская техника, что об этом никто не догадался. Люди не понимали причины неясностей и объясняли их недостатками своей восприимчивости к мысленным образам.

А догадаться было не трудно.

ТРАГЕДИЯ МИРА

Опытный стенографист записывает человеческую речь легко и точно. Без пропусков и без искажений. Речь можно воспроизвести впоследствии в таком виде, в каком она была произнесена.

Совсем не то произошло с рассказом Иайи. Его записывали четверо, и у всех получилась различная запись.

Это никого не удивило, люди не имели опыта записи чужих мыслей. В каждом мозгу рассказ фаэтонца звучал по-своему, в зависимости от степени восприимчивости. К тому же, в рассказе не всё шло гладко.

В результате, когда «беседа» закончилась, в распоряжении людей оказались четыре неодинаковые записи и восемь воспоминаний. Большого труда потребовало составление отчёта для опубликования в печати.

Одно дело – короткие указания, подобные тем, которые были заключены в гранёных шарах Арсены, и совсем другое – длинный рассказ о чужой и неведомой

жизни. Его гораздо труднее передать и гораздо труднее «услышать».

Фазтонцы предвидели эту трудность. Они даже не попытались рассказать о науке и технике, отлично сознавая, что это невозможно. Иайа «говорил» только о жизни своей планеты, о причине её гибели и судьбе своих братьев. Он явно старался мыслить как можно проще. Специально подготовленный кинофильм должен был сказать людям то, что они не смогли воспринять непосредственно мозгом. Но фильма не было. И очень многое так и осталось неизвестным.

Всё же основное, что интересовало учёных Земли, было передано и воспринято с достаточной полнотой. Трагедия пятой планеты, густо населённого мира, обладавшего высокоразвитой наукой и могучей техникой; перестала быть тайной.

И перед всеми обитателями нашей планеты во весь рост предстало величие подвига, совершённого фазтонцами, – старшими братьями человека Земли, – жутко-трагическая, но вместе с тем прекрасная история спасения целого мира разумных существ, приговорённых силами природы к неизбежной гибели.

И каждый, кто прочёл рассказ Иайи, а его прочли все, с новой силой понял, что человечество едино, что только совместные усилия могут сделать и невозможное возможным.

Столь интересовавшая всех причина гибели Фазтона оказалась известной. Астрономы Земли уже давно догадывались о том, что именно послужило этой причиной. В этом смысле рассказ Иайи не принёс ничего

нового. Он только подтвердил догадку. Самое важное и самое интересное заключалось в самих фаэтонцах, в рассказе о спасении человечества планеты.

Захватывающая в своей грандиозности эпопея миллионов людей!

Ответ Иайи на первый вопрос, заданный ему на Земле, сводился к следующему.

Ещё задолго до того, как на Фаэтоне появился человек, он был обречён. Неумолимые законы тяготения и небесной механики приговорили его к гибели. Когда и отчего это случилось, фаэтонцы вначале не знали.

Во Вселенной всё происходит очень медленно. Природа никогда не торопится. И сотни миллионов лет фаэтонцы жили на своей планете, не подозревая никакой опасности.

Медленно и постепенно развивалась наука Фаэтона. Как и на Земле, родоначальницей её была астрономия. Как и на Земле, сначала ощупью, потом всё более уверенно и быстро люди ставили себе на службу неисчислимы́е силы природы.

И настало время, когда наука открыла фаэтонцам неизбежность гибели их планеты.

Процесс эволюции разума неравномерен. Миллионы лет полудикого состояния – и только тысячи разумной жизни. Так же, как на Земле. И фаэтонцы узнали о грозившей им участи тогда, когда осталось не так уж много времени.

Поступательное движение планеты было чуть больше, чем скорость её падения на Солнце. Фаэтон с каждым оборотом, с каждым «годом» отходил от Солнца,

приближаясь к орбите гиганта нашей системы – планеты Юпитер.

Это роковое приближение происходило исключительно медленно, но оно происходило, постоянно и неумолимо. И должен был настать момент, когда при очередном противостоянии Фэтона и Юпитера, возмущающее действие последнего преодолеет сцепление частиц планетного вещества и приведёт к разрыву Фэтона.

Учёные сумели точно рассчитать момент катастрофы. Перед фэтонцами встал вопрос о спасении своих потомков.

То, что по масштабам времени Вселенной очень близко, по масштабам человека выглядит иначе. Никому из живших в то время фэтонцев катастрофа непосредственно не угрожала. Гибель ожидала грядущие поколения.

Но ведь и человечество Земли работает для будущего. Те, кто начинал строить на Земле коммунизм, думали о потомках, заботились о них. Так же и фэтонцы.

Приговор науки был произнесён. И перед обитателями планеты во весь свой исполинский рост встала задача не допустить гибели своих внуков и правнуков.

Фэтонцы представляли себе два пути решения этой задачи. Изменить скорость движения планеты по орбите – приблизить её обратно к Солнцу, удалив от опасной близости Юпитера. А если этого не удастся сделать, то заблаговременно перебросить всё население Фэтона на другую планету.

И все силы фэтонской науки были брошены на ре-

шение задач, каждая из которых была грандиозна по трудности.

Было ясно, что переселение миллиардов людей практически невозможно. И фаэтонцы сознательно пошли на ограничение рождаемости, чтобы насколько можно сократить количество населения. Одно это наглядно свидетельствовало, что дело спасения коллективно выполнялось всем населением Фаэтона.

Бурно развивались астронавтика и атомная техника. Жёсткая необходимость подстёгивала усилия учёных.

Иайа мыслил так ясно и так конкретно, что из его рассказа люди поняли общий ход развития космонавтики на Фаэтоне. Было ясно, что фаэтонцы очень быстро прошли путь от ракет с жидким горючим до атомных, а затем и фотонных. Но и на этом они не остановились. Камов, Волошин, Мельников и другие специалисты по астронавтике поняли (правда, очень неясно), что на смену фотонным ракетам пришли гравитационные. Фаэтонцы раскрыли тайну гравитации и поставили её на службу межпланетным полётам. Подробности устройства этих кораблей Иайа не сообщил и даже не попытался это сделать.

Одна за другой улетали с Фаэтона космические экспедиции, чтобы выбрать новую родину.

Естественно, что первое внимание фаэтонцы обратили на Марс и на Землю, самые близкие к ним планеты, пригодные для жизни на них. Но Марс не оправдал ожиданий, он и тогда был в том же состоянии, в каком застала его первая экспедиция с Земли. А на самой Земле фаэтонцы нашли будущих хозяев – разумных

существ, находившихся ещё в полудиком состоянии, но несомненно развивающихся.

Возможно, что фаэтонцев не остановило бы это обстоятельство и они поселились бы в соседстве с людьми, но учёные пришли к выводу, что Земля слишком жаркая планета для фаэтонцев, привычных к холодному климату своей родины.

Что касается Венеры, то она была ещё хуже. Земли в этом отношении.

Убедившись, что в Солнечной системе нет подходящей планеты, фаэтонцы отправились к соседям Солнца – другим звёздам.

Много десятков лет потратили они на поиски. Катастрофа неумолимо приближалась.

Найти способ изменить движение Фаэтона не удалось. С каждым годом возрастала тревога.

Наконец новая родина, во всём подобная Фаэтону и ненаселенная, была найдена.

Иайа не смог указать людям, где находится эта планета, но он сообщил, что до неё от Солнца сорок восемь световых лет. Это позволило предположить, что речь идёт об одной из планет, обращающихся вокруг Веги. Иайа, разумеется, не употреблял выражение «световой год», но пользовался временем, необходимым для луча света, чтобы дойти от Солнца до Земли. Члены комиссии, слушавшие его, сами перевели его указания в световые годы, или парсеки.

К этому времени население Фаэтона сократилось в пять раз. Но и этого было очень много. Предстояла огромная работа.

И вот на Фазтоне стала замирать жизнь. Тысячи заводов перешли на постройку межзвёздных кораблей.

Одна за другой стали покидать Солнечную систему флотилии звездолётов. С субсветовой скоростью переносили они своих хозяев на новую родину, которую ещё предстояло приспособить для жизни. Титаническая работа ожидала ряд поколений фазтонцев.

По словам Иайи, за всё время этой беспримерной «космической эвакуации» погибло, вернее пропало без вести, всего семь кораблей. Это показывало высокую организованность и блестящую технику переселения. Ведь если считать, что фазтонцев осталось полмиллиарда и на каждом корабле сумели поместить даже тысячу человек, то и тогда всех звездолётов должно было быть не меньше пятисот тысяч. А кроме людей совершенно необходимо было перебросить к Веге хотя бы минимальное оборудование будущих заводов и многое другое, без чего невозможно восстановить на новом месте культуру и цивилизацию прежней жизни.

Иайа рассказал, что эвакуация происходила семьдесят фазтонских лет, то есть семьдесят оборотов Фазтона вокруг Солнца. А планета, находившаяся за орбитой Марса, не могла обращаться меньше чем за три земных года (если судить по малым планетам – обломкам Фазтона – то и больше). Выходило, что не менее двухсот земных лет население планеты жило в условиях непрерывной эвакуации. Те, кто прилетел к Веге последним, не застали первых.

Трудно было представить себе все подробности этой фантастически трудной операции. Двенадцать человек

слушали бесстрастный голос Иайи затаив дыхание. Чувство гордости за человека, его разум, энергию и волю наполняло их.

А Иайа продолжал свой рассказ, и чем дальше, тем всё более отчётливо вырисовывался перед слушателями благородный образ фаэтонцев, людей прошлого, но, несомненно, и будущего. Такими должны быть и будут люди Земли.

Момент катастрофы приблизился вплотную. Орбиты Фаэтона и Юпитера сошлись настолько, что ближайшее противостояние, до которого остались считанные дни, уже грозило гибелью. Фаэтон как планета заканчивал своё существование. К этому времени на нём осталось совсем мало людей. Только экипажи последней флотилии.

Что видели эти люди вокруг себя? Их окружали мёртвые города, заводы, фабрики – пустые, покинутые, бесполезные и ненужные больше. Глубокая тишина смерти царила на огромной планете.

Тысячи лет трудились поколения фаэтонцев. И вот всё, что они создали, всё многообразие кипучей жизни, все плоды цивилизации и культуры, всё, чего нельзя было захватить с собой, лежало перед глазами последних фаэтонцев – безмолвное и обречённое. Живые существа видели кругом покой уже умершей родины.

Даже животных не было больше на Фаэтоне. Часть, наиболее полезных, захватили на новую родину, часть, привычных к высокогорному климату, переселили на Марс, остальных уничтожили из жалости.

Легко представить себе, что должны были чувство-

вать те, кто видел эту страшную картину!

Следует добавить, что фаэтонцы, ещё оставшиеся на планете, почти ничего не знали о том, что происходит на новом Фаэтоне. Только раз за всё время эвакуации один корабль вернулся обратно. Сто земных лет требовало это путешествие в оба конца, и то при условии полёта со скоростью, очень близкой к скорости света. Правда, для экипажа такого корабля время сильно сокращалось и он находился в пути незначительную часть своей жизни, но для тех, кто остался на Фаэтоне (новом и старом), время шло обычным порядком. Ясно, что такой путь нельзя было совершать без крайней необходимости.

Фаэтонцы улетали к Веге, не зная, что их ждёт там, полагаясь только на тех, кто улетел раньше.

Но вот последняя флотилия взяла старт и покинула Солнечную систему. На Фаэтоне остался один небольшой звездолёт и восемь учёных, в задачу которых входило заснять картину катастрофы и закончить работы по оборудованию хранилища на Земле.

Фаэтонцы хорошо знали жизнь нашей планеты. Им было ясно, что пройдут века и человечество Земли станет во всём подобным им самим. Естественно возникла мысль: оставить будущим поколениям «землям» весть о существовании фаэтонцев. Заманчиво было, пусть в далёком будущем, получить связь с братьями на бывшей родине. Ведь Солнечная система была Родиной в широком понимании этого слова для всех фаэтонцев. Солнце навсегда оставалось для них покинутой не по своей воле родной матерью.

Иайа был командиром этого последнего корабля. Выполнив возложенные на него задачи, он должен был, в свою очередь, направиться к Веге.

Но судьба сложилась иначе.

Словно в насмешку, последние восемь фаэтонцев не смогли покинуть Солнечную систему и остались умирать в ней. Точно природа захотела в отместку всё-таки погубить хоть некоторых из обречённых ею людей, раз уж остальные вырвались силой разума.

Непоправимая беда случилась, когда фаэтонцы были на Земле.

Восемь учёных с помощью мощных оптических приборов наблюдали гибель своей планеты. Они видели всю картину катастрофы. Могучее притяжение Юпитера разорвало планету.

Это был момент рождения пояса астероидов.

Часть обломков устремилась к Солнцу. Случилось так, что наша Земля оказалась на их пути. Град метеоритов обрушился на Землю и её спутника. (Впоследствии некоторые учёные высказали предположение – не этим ли объясняются многочисленные кратеры на Луне.)

Погибший Фаэтон послал своим детям последний, роковой для них, привет. Крупный обломок врезался в землю непосредственно рядом со звездолётом. Страшный взрыв потряс воздух.

Когда оглушённые люди пришли в себя, то увидели, что один из отсеков корабля разрушен. Именно там находились запасы веществ «горючего» для получения субсветовой скорости.

Фаэтонцы поняли, что им суждено остаться вблизи Солнца навсегда. Отправиться к Веге на обычном межпланетном «горючем» было совершенно бессмысленно. Тысячи лет потребовал бы такой полёт.

Рассчитывать на помощь других фаэтонцев Иайа и его товарищи не могли, – не первый корабль пропал без вести за время эвакуации.

Тяжёл был заключительный акт трагедии!

Восемь фаэтонцев, по-видимому, мужественно встретили неожиданный удар. Свою задачу – оставить о себе весть людям Земли, они выполнили точно, по намеченному плану. Настолько, насколько смогли.

Обломок Фаэтона погубил не только возможность достигнуть новой родины, – он уничтожил многое из того, что предназначалось людям. В том числе все «фильмы».

Восстановить их было уже невозможно, – Фаэтона больше не существовало. А аппараты для демонстрации через сотни веков были настолько сложно устроены, что могли работать только со специально созданными лентами.

Осталось одно – то, что и сделали фаэтонцы, Они засняли Иайю, вложили его изображение в упрощённый аппарат, установили «говорящую» машину и, заделав хранилище, улетели на Арсену, а затем на Венеру.

Иайа ничего не сказал о том, как фаэтонцам удалось отремонтировать свой звездолёт, но люди нашли его в полном порядке, – значит, ремонт был произведён успешно. Для полётов внутри Солнечной системы осталось достаточное количество энергии.

Это было всё, что люди смогли воспринять из рассказа Иайи.

Возможно, что если бы не погибли киноленты, предназначенные для людей, на Земле поняли бы и узнали больше. Но лент не было, и многое осталось не совсем ясным.

Когда Иайа замолчал, неподвижно стоя перед людьми и словно ожидая дальнейших вопросов, долго молчали и люди, потрясённые страшным рассказом о трагедии целого мира. Каждый из них невольно подумал, что было бы с ними, если бы Земле угрожала участь Фаэтона. Сумели бы люди организованно и дружно принять необходимые меры к спасению? Из рассказа Иайи было очевидно, что фаэтонцы жили одной семьёй и действовали всем человечеством сообща, по единому плану. И это дало им победу над силами природы. А что произошло бы на Земле?..

Новый вопрос задал Камов.

– Как вы предполагали, – спросил он, – осуществить связь между нами и вашими потомками?

Иайа ответил. По-видимому, этот вопрос фаэтонцы предвидели.

– Обернитесь! – сказал он.

Двенадцать человек повернулись к противоположной стене.

Они увидели, как стена исчезла и открылось то, что было за ней. Там находилось что-то сделанное как будто из хрусталя и стали.

– В моё время, – сказал Иайа, – мы не знали способа связи между столь далёкими друг от друга планетами.

Но наша наука уже подходила к решению этой проблемы. То, что вы видите, установлено не нами. Мы не знали, что это будет. Но были твёрдо уверены, что план будет выполнен. Я уверен, что вы видите аппарат. С его помощью вы узнаете то, чего я не знаю.

Иайа не говорил, – люди воспринимали его мысли, все почувствовали в них безграничную уверенность. Он непоколебимо верил, своим соотечественникам, был убеждён, что они никогда не нарушат составленного плана. И ничего не сообщил он о том, что делать людям Земли, если аппарата не окажется. Он не допускал такой возможности.

И аппарат действительно оказался на месте.

Он был установлен много позже, после того, как было построено хранилище. Фаэтонцы прилетали от Веги на Землю, чтобы сделать это. И кто знает, может быть, они были здесь сравнительно недавно?..

Много вопросов задали Иайе двенадцать человек.

Иногда он отвечал им, иногда нет. Ни на один вопрос научного или технического характера он не ответил.

Всех интересовало – почему фаэтонцы остались на Венере, а не вернулись на Землю, которая была удобнее для них в климатическом отношении. Но задавать такой вопрос было бесцельно.

А те фаэтонцы, которые прилетели на Землю впоследствии, очевидно, не знали о судьбе своих предшественников. На Венере они не были, а если и были, то не нашли на ней звездолёта.

Беседа продолжалась четыре часа. Люди всё лучше и лучше понимали Иайю. Их мозг постепенно привыкал

воспринимать чужие мысли.

В заключение Иайа сказал:

– Скоро к вам прилетят наши учёные. Они знают больше, чем знал я, и лучше меня ответят на ваши вопросы, которые вы задавали мне и на которые не получили ответа. (Фаэтонцы и это предвидели.) Для вас начнётся новая эпоха в жизни. Будьте же готовы принять в свои руки сокровища знаний старшего мира. А теперь прощайте! Сохраните память о нас, которые вас не знали, но любили.

И Иайа исчез. Снова встала перед людьми металлическая стена, отливая тусклым жёлто-серым блеском. Было ясно, что никакие «приказы» не заставят её опять исчезнуть, показать ещё раз видение Иайи. Он ушёл на этот раз окончательно.

Так же как семь его товарищей, он умер в баснословном прошлом, на далёкой Венере, и его тело сгорело в голубом пламени каменной чаши.

Но то, что он и его товарищи взяли на себя, было выполнено.

Люди Земли узнали о существовании где-то возле Веги своих братьев, и им было указано, как вызвать их.

Замысел фаэтонцев удался.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

На одной из хрустальных граней неведомого аппарата бросалась в глаза синяя кнопка. Сквозь неё проходила шпонка. Её назначение было ясно: могло случиться, например, землетрясение, толчок земной коры, и кнопка опустилась бы сама. Фаэтонцы не могли этого допустить, механизм должен был сработать только по сознательной воле людей.

Это время пришло.

Сергей Александрович Камов осторожно вынул шпонку из её гнезда. Металлический стержень вышел легко, точно вчера, а не века тому назад был поставлен.

Теперь кнопка свободна. Её надо нажать, – это было совершенно очевидно. Но что произойдёт, когда кнопка будет нажата? Этого никто не знал.

Люди верили фаэтонцам. И без малейшего колебания Камов нажал кнопку.

Все ожидали услышать голос. Но произошло совсем другое.

Почему фаэтонцы не применили уже знакомую людям «говорящую» машину? Неужели она казалась им устарелой?

Как бы то ни было, потомки фаэтонцев, построивших хранилище, ничего не тронули из приготовленного их предками, но сами применили другой способ.

Они не «сказали», а «показали» людям, что надо делать и что произойдёт.

Находящаяся перед людьми машина затянулась молочно-белой дымкой, почти скрывшей её от глаз, и на этом «экране» одна за другой возникали картины, схемы и подвижные рисунки, напоминавшие мультипликацию, выполненную с большим художественным мастерством.

И с помощью этих схем и рисунков людям объяснили, правда, без всяких технических подробностей, что именно сделали фаэтонцы, чтобы люди могли вызвать их к себе, когда настанет нужное время. Этим временем фаэтонцы считали момент, когда люди найдут Иайю и поговорят с ним.

Оказалось, что за орбитой последней планеты Солнечной системы – Плутона – обращается вокруг Солнца небольшое, раз в двести меньше Луны, небесное тело, крохотная планетка. На ней фаэтонцы поместили какой-то аппарат, который должен был сработать после того, как будет вторично нажата синяя кнопка. И на новую родину фаэтонцев будет послан сигнал. По этому сигналу вылетит на Землю фаэтонский звездолёт. Так

состоится встреча обитателей двух миров.

Предвидя недоуменный вопрос – почему аппарат поместили так далеко, фаэтонцы пояснили, что сигнал будет сопровождаться вспышкой света и повышением температуры до миллионов градусов. Они считали это опасным для Земли и её обитателей и потому не воспользовались Луной.

Но не сама эта вспышка послужит сигналом. Свет распространяется слишком медленно, и его можно просто не заметить. Фаэтонцы нашли другое. Что именно, они не пояснили, указав только, что сигнал будет принят на их планете в тот же момент, как возникнет. Он пройдёт трудно-вообразимое расстояние от Солнца до Веги мгновенно.

И всё...

Ничего больше они не считали нужным сообщать людям.

Так же как «фильм» на кольцевом корабле, который видели Мельников и Второв, сеанс повторили ещё два раза.

И молочная дымка исчезла.

Перед людьми блестела хрусталём и сталью неизвестная им машина. Оставалось только выполнить указание – нажать на кнопку второй раз.

И тогда к Земле направится космический корабль, несомненно более совершенный, чем тот, который был найден на Венере, – тысячелетия не могли пройти бесследно для фаэтонцев, они многое узнали за это время и многому научились. И прилетят на нём старшие братья человека, чтобы поведать о том, чего ещё не знают

младшие.

Иайа был прав. Для человечества наступит новая эпоха более полного познания природы и её законов.

Десятки телескопов устремили свой зоркий глаз на небо. Люди хотели увидеть сигнальный свет. Судя по тому, что «сказали» фаэтонцы, он будет настолько ярок, что его должно быть видно с Земли.

Но никто не знал, в какой точке он вспыхнет. Астрономы ещё не успели открыть десятую планету и рассчитать её орбиту.

В назначенную минуту Камов нажал кнопку.

Что произошло?

Он сам ничего не услышал и не увидел. Аппарат не изменил своего вида, ничто не указывало на то, что он сработал. Но и астрономы ничего не увидели. Нигде не заметили вспышки света.

Послан ли сигнал?

Могло, конечно, случиться, что вспышку скрыли облака, ведь они всегда имеются в атмосфере Земли, или она произошла на дневной половине нашей планеты и лучи Солнца скрыли её от астрономов.

На эти вопросы ответа не было.

Но люди верили в совершенство техники фаэтонцев. И все были убеждены, что сигнал послан и принят. Предстояло ожидать не меньше полувека.

Прилетят ли фаэтонцы?

Или содружество двух миров осуществится тогда, когда фаэтонцы посетят Землю, быть может, через тысячу лет, не зная, что сигнал давно послан.

Или другое: люди узнали, где искать новую родину

детей Солнца, они могли сами отправиться к Веге.

В любом случае знакомство состоится всё равно.

Разум не отступит и найдёт дорогу к другому разуму, зная, что он близок.

Близок – по масштабам Вселенной.

Но техника уверенно приближается к моменту, когда эти масштабы будут доступны человеку.

Потому что разуму человека всё доступно!

Конец третьей книги

1959 г.

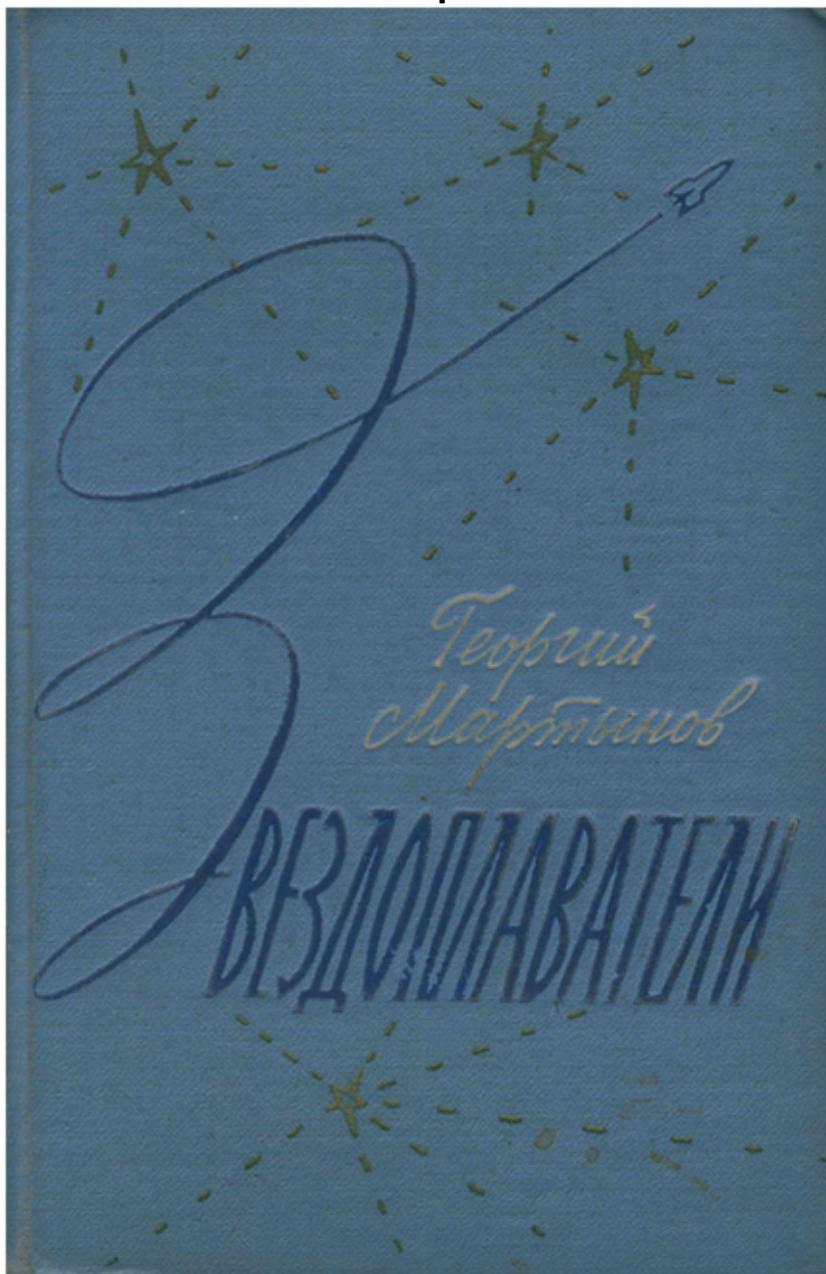
ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление

Георгий Мартынов	1
Звездоплыватели, Книга 3	1
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
КНИГА ТРЕТЬЯ.....	8
НАСЛЕДСТВО ФАЭТОНЦЕВ	8
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ТРУБА.....	9
В ЛОВУШКЕ	22
ИЗ ГЛУБИН ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ	36
ПЯТАЯ ПЛАНЕТА	49
* * *	51
* * *	53
АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА	64
* * *	71
ПОСЛЕДНИЙ СТАРТ	78
В ОБЪЯТИЯ СОЛНЦА!	90
ПОГОНЯ	104
* * *	108
СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ	115
ОДИН ЧАС ДО СМЕРТИ	129
ЭТО НАШ ДОЛГ!	147
ЗАКОН ПУСТОТЫ.....	161
ОТРЕЧЕНИЕ.....	177
* * *	183
	291

КАТАСТРОФА.....	193
«ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ».....	207
ФИНИШ	223
* * *	230
* * *	232
* * *	237
ЭПИЛОГ.....	239
ВО ЛЬДАХ АНТАРКТИДЫ	240
* * *	250
НАСЛЕДСТВО ФАЭТОНЦЕВ	256
ТРАГЕДИЯ МИРА.....	272
ЭПИЛОГ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ.....	286
ОГЛАВЛЕНИЕ	291
Обложка трилогии.....	293
Шмуцитул трилогии.....	294
Пояс астероидов.	295

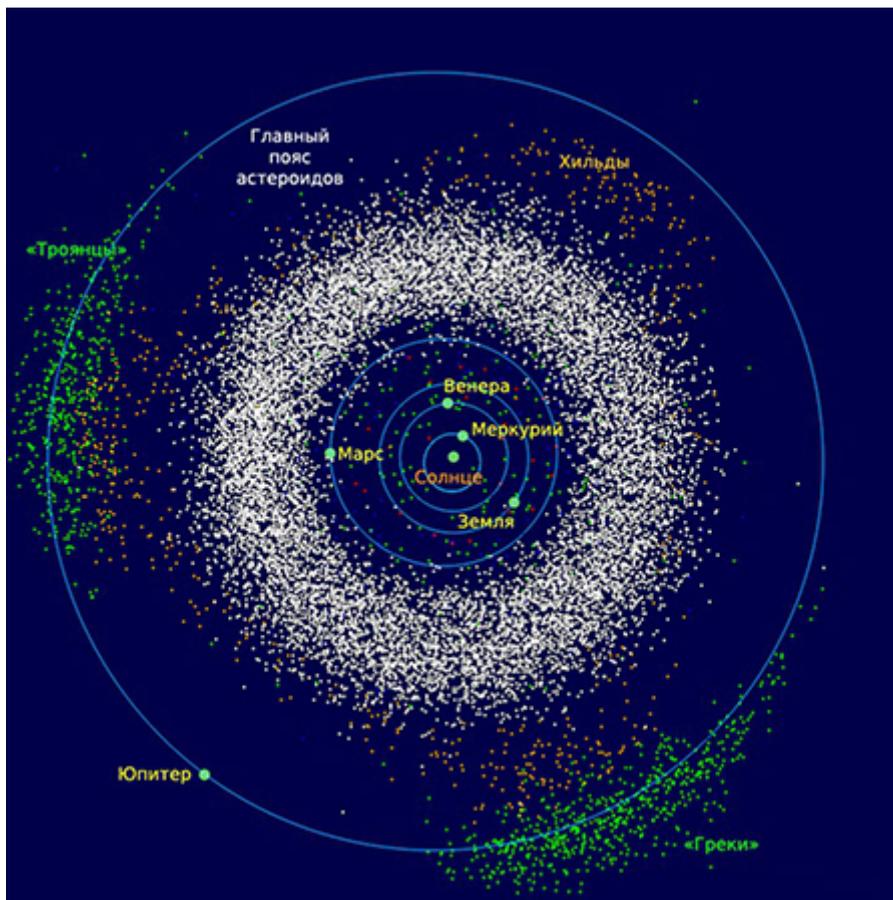
Обложка трилогии

Шмуцитул трилогии

А ведь он действительно существует – Пояс астероидов...

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста и элементов
оформления книги разных изданий.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Текст повести из трилогии Г. Мартынова
«Звездоплыватели».
Ленинград: Лениздат, 1960 год.
2. Элементы оформления этого издания:
оформление обложки О. Маслакова;
внутренние иллюстрации Л. Рубинштейна;
шмуцтитулы Г. Гунькина.
3. Элементы оформления 1-го издания повести
«Сестра Земли». Альманах «Мир приключений»,
Выпуск 5. Ленинград: Детгиз, 1959 год.
4. Дополнительные материалы из Сети.

**Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена для
какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.**